

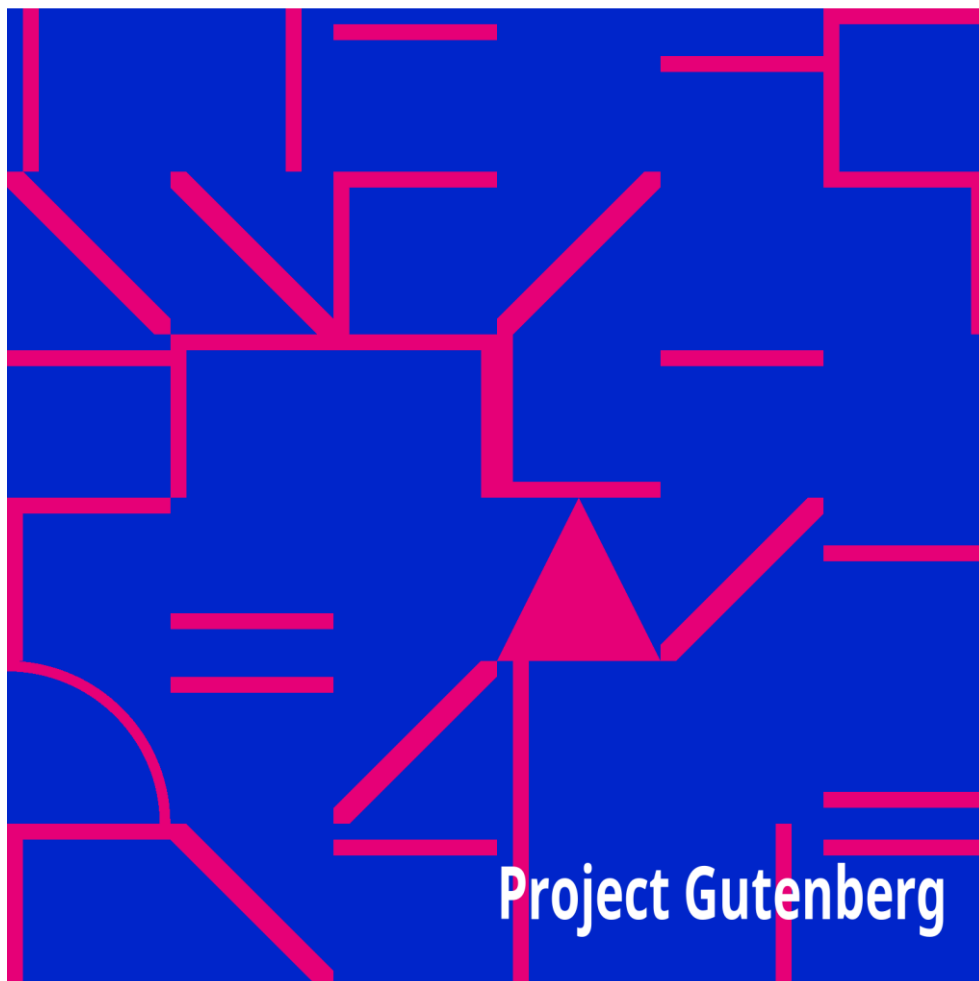
Простые люди Древнего Рима. Изучение римской жизни и литературы

Фрэнк Фрост Эбботт

The Common People of Ancient Rome

Frank Frost Abbott

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга о простых людях Древнего Рима

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Простые люди Древнего Рима

Автор: Фрэнк Фрост Эбботт

Дата выхода: 19 августа 2004 г. [Электронная книга № 13226]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлены Распространяемыми корректорами

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРОСТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО РИМА"
***

[**Примечание переписчика:** В этой книге используется символ римского динария. Поскольку этот символ недоступен в Unicode, он был заменен РИМСКОЙ ЦИФРОЙ ДЕСЯТЬ (U + 2169) с КОМБИНИРОВАННЫМ НАЛОЖЕНИЕМ ДЛИННЫХ ШТРИХОВ (U + 0336) в версии UTF-8.]

Простые люди Древнего Рима

Изучение римской жизни и литературы

Автор Фрэнк Фрост Эбботт

Кеннеди , профессор латинского языка и литературы Принстонского университета

Нью-Йорк

Сыновья Чарльза Скрибнера

Авторское право, 1911, автор

Сыновья Чарльза Скрибнера

Напечатано в Соединенных Штатах Америки

Посвящается Дж . Х. А.

Предисловие

Эта книга, как и том "Общество и политика в Древнем Риме", посвящена жизни простых людей, их языку и литературе, их занятиям и развлечениям, а также их социальным, политическим и экономическим условиям. Нас интересуют простые люди Рима, потому что они сделали Римскую империю такой, какой она была. Они несли римские знамена до Евфрата и Атлантики; они жили за границей как торговцы, фермеры и солдаты, чтобы удерживать и романизировать провинции, или они оставались дома, работая плотниками, каменщиками или пекарями, чтобы удовлетворять повседневные потребности столицы.

Другой стороной предмета, которая привлекла внимание автора при изучении этих тем, были многочисленные сходства, возникающие между древними и современными условиями, а также между проблемами, с которыми сталкивались римляне, и теми, с которыми сталкиваемся мы. Какую политику должно проводить правительство по отношению к корпорациям? Как можно снизить стоимость жизни? Какое влияние оказывают частные благотворительные акции на характер людей? Должна ли нация пытаться внедрить свой собственный язык на территории подчиненного народа, или она должна разрешить использовать родной язык, и, если она стремится внедрить свой собственный язык, как она может наилучшим образом достичь своей цели? Римлянин атаковал все эти вопросы, некоторые из них он решил превосходно, а в других потерпел вопиющую неудачу. Его успехи и неудачи, возможно, в равной степени показательны, и тот факт, что его попытки улучшить социальные и экономические условия длятся на протяжении тысячи лет, должен сделать их изучение еще более интересным и ценным для нас.

Из глав, содержащихся в этой книге, статья "Происхождение реалистического романа у римлян" первоначально появилась в *"Классической филологии"*, и автор признателен редакторам этого периодического издания за разрешение перепечатать ее здесь. Остальные статьи публикуются впервые.

Мне показалось нецелесообразным ссылаться на источники для обоснования каждого высказанного мнения, но несколько ссылок были даны в примечаниях, главным образом, для читателя, который, возможно, пожелает углубиться в некоторые темы дальше, чем это было возможно в этих кратких главах. Корректуры пришлось исправлять, пока автор находился вдали от своих книг, так что он не смог провести окончательную проверку двух или трех цитат, но он надеется, что они, как и другие, точны. Он пользуется этой возможностью, чтобы выразить свою признательность доктору Дональду Блайту Дарему из Принстонского университета за подготовку указателя.

Фрэнк Фрост Эббот.
Einsiedeln, Switzerland
September 2, 1911

Содержание

- [Как латынь стала языком всего мира](#)
- [Латынь простых людей](#)
- [Поэзия простых людей Рима:](#)
  - a. [Их Метрические Эпитафии](#)
  - b. [Их Посвящающие и Эфемерные Стихи](#)

- Происхождение реалистического романа у римлян
- Эдикт Диоклетиана и высокая стоимость жизни
- Частные благотворительности и их влияние на муниципальную жизнь римлян
- Некоторые размышления о корпорациях и торговых гильдиях
- Римский политический деятель Гай Скрибоний Курион
- Гай Матий, друг Цезаря

Указатель

Простые люди Древнего Рима

Как латынь стала языком всего мира

То, как римские армии покоряли народы мира, известно каждому читателю истории, но история завоевания латынью языков мира остается смутной в сознании большинства из нас. Если бы мы спросили себя, как это произошло, нам, вероятно, следовало бы думать о всемирном господстве латыни как о естественном результате всемирного господства римских легионов или римского права. Но, делая это предположение, мы должны закрывать глаза на историю нашего собственного времени. Покоренный народ не обязательно принимает, возможно, он и не был общепринятым языком своего хозяина. В своей книге "Древний и современный империализм" лорд Кромер утверждает, что в Индии только сто человек из каждых десяти тысяч умеют читать и писать по-английски, и это условие существует после оккупации в течение ста пятидесяти или более лет. Он добавляет: "Не представляется ни малейшей перспективы того, что французский вытеснит арабский в Алжире". Сравнивая результаты древних и современных методов, возможно, ему следовало принять во внимание тот факт, что в Индии и Алжире есть собственная литература, которой не было у большинства отдаленных народов, покоренных Римом, и эти литературы, возможно, усилили сопротивление, которое язык покоренного народа оказывал языку завоевателя, но, даже если принять во внимание этот факт, разница в результирующих условиях вызывает удивление. Из своих узких пределов, в пределах небольшого района на берегу Тибра, занимавшего в конце пятого века до нашей эры менее ста квадратных миль, латынь распространилась по Италии и островам Средиземного моря, по Франции, Испании, Англии, северной Африке и дунайским провинциям, одержав победу над всеми другими языками этих регионов более полную, чем римское оружие одержало победу над народами, ими пользовавшимися.

Прослеживая историю, мы должны иметь в виду лингвистическую географию Италии, точно так же, как мы должны помнить о политической географии полуострова, когда следим за территориальной экспансией Рима. Итак, давайте представим себе на исходном этапе небольшую полосу плоской местности на берегу Тибра, усеянную тут и там холмами, увенчанными деревнями. Такими городками на холмах были, например, Рим, Тускулум и Пренесте. Каждый из них был оплотом и рыночной площадью близлежащей страны и, следовательно, жил своей собственной жизнью, так что, хотя во всех них говорили на латыни, она варьировалась от одного к другому. Об этом достаточно ясно свидетельствуют надписи,

найденные на месте этих древних городов,¹ и еще в конце третьего века до нашей эры Плавт высмеивает в своих комедиях провинциализм Пренесте.

Упомянутые нами города находились всего в нескольких милях от Рима. За ними, занимая центральную Италию и большую часть южной Италии, жили люди, говорившие на осканском и других италийских диалектах, которые были родственны латыни и в то же время совершенно отличались от нее. В морских портах юга говорили по-гречески, в то время как мессапийцы и япигийцы оккупировали Калабрию. К северу от Рима жили загадочные этруски и почти столь же загадочные венецианцы и лигурийцы. Когда мы следуем за римскими legionами через Альпы в Швейцарию, Францию, Англию, Испанию и Африку, мы попадаем, так сказать, в джунгли языков и диалектов. Простое чтение списка языков, с которыми латынь соприкасалась, если бы такой список можно было составить, вызвало бы усталость во плоти. Например, он сообщает нам, что в части Галлии, завоеванной Цезарем, существовало три независимых языка и шестьдесят отдельных государств, народы которых, несомненно, отличались друг от друга своей речью. Если мы посмотрим на карту римского мира времен Августа с Атлантическим океаном, ограничивающим его на западе, Евфратом на востоке, пустыней Сахарой на юге и Рейном и Дунаем на севере, и вспомним тот факт, что языковые условия, которые Цезарь обнаружил в Галлии в 58 году до н.э., были типичными для того, с чем столкнулся латинский язык во многих западных, южных и северных провинциях, тот факт, что латынь подчинила себе все эти различные языки и стала повседневной речью этих разных народов, будет признан одним из чудес истории. Фактически, он утвердился настолько прочно, что выдержал нападения вторгшихся готов, ломбардцев, франков и бургундцев и продолжает удерживать до наших дней очень большую часть территории, которую он приобрел около двух тысяч лет назад.

То, что латынь была общепринятой речью западного мира, подтверждается не только тем фактом, что языки Франции, Испании, Румынии и других романских стран произошли от нее, но это также ясно демонстрируют тысячи латинских надписей, составленных вольноотпущенниками, плотниками, пекарями и солдатами, которые мы находим по всему римскому миру.

Как был достигнут этот экстраординарный результат? Это было не завоевание мира общим языком Италии, потому что в Италии в ранние времена говорили по меньшей мере на девяти различных языках, а его порабощение языком, на котором говорили в городе Рима. Традиционное повествование о Риме, как его излагают Ливий и другие, повествует нам о борьбе с соседними латинскими городками на холмах в первые дни Республики и окончательном заключении союза между ними и Римом. Выгодное положение города на Тибре для торговли и обороны дало ему большое преимущество перед соперниками, и вскоре он стал торговым и политическим центром соседней территории. Самые важные из этих деревень, Тускулум, Пренесте и Ланувий, находились не более чем в двадцати милях друг от друга, и жители их, должно быть, постоянно приезжали в Рим, чтобы посетить рынки, а позже проголосовать, послушать политические речи и театральные постановки. Некоторые из них, вероятно, слышали шутки из-за их диалектных особенностей, которые Плавт привнес в свои комедии. Молодые поколения стали стыдиться своего провинциализма; они подражали латыни, на которой говорили в метрополии, и ко второму веку нашей эры, когда у латинских грамматиков появляется возможность ссылаться на диалектные особенности Лациума за пределами Рима, они цитируют из вторых рук Варрона первого века до нашей эры, либо потому, что они не утруждают себя использованием собственных ушей, либо потому, что различия, которые были

отмечены в прежние дни, перестали существовать. Таким образом, первый этап завоевания мира римской латынью подходит к концу с распространением этой формы речи по всему Лацию.

За пределы Лациума он вступил в контакт с осков и других италийских диалектах, которые были связаны с латинской, но, конечно, были намного дальше удалены от него, чем латинский Тускул или Ланувиуме было,² так что принятие Латинской был не таким простым делом, как принятие римско-латинского сел Лацио близ Рима были.

О конфликте, который происходил между латынью и ее италийскими родственниками, нам время от времени сообщают латинские надписи, в которые вкрались осканские или умбрийские формы.³ К началу нашей эры борьба подошла к концу. Несколько осканских надписей были найдены нацарапанными на стенах Помпей после первого землетрясения в 63 году нашей эры, но это поздние пережитки, и никаких умбрийских надписей, датируемых первым веком до нашей эры, не известно.

Социальная война 90-88 годов до н.э. между Римом и итальянцами стала поворотным моментом в борьбе между латинским и италийским диалектами, поскольку она знаменует изменение политического отношения к зависимым от Рима территориям Италии. До этого времени она следовала политике изоляции всех завоеванных ею итальянских общин друг от друга. Она стремилась предотвратить их заговор против нее. Таким образом, имея в виду эту цель, она внесла различия в права и привилегии, предоставленные соседним общинам, для того, чтобы, не будучи подверженными одинаковым ограничениям и, следовательно, не имея одинаковых претензий, у них не могло быть общей основы для совместных действий против нее. Естественно, частью этой политики было бы разрешить или поощрять сохранение несколькими сообществами их собственных диалектов. Общее использование латыни позволило бы им с большей легкостью объединяться против нее. С завершением Социальной войны эта политика уступила место новой концепции политического единства итальянцев, а с политическим единством произошло введение латыни в качестве общего языка во всех официальных операциях местного, а также федерального характера. Непосредственные результаты войны и политика, которую Рим проводил по ее окончании, направленная на расселение колоний и строительство дорог в Италии, еще больше способствовали более широкому использованию латыни в центральной и южной частях полуострова. Самний, Лукания и территория бруттиев серьезно пострадали от обезлюдения; во все эти районы было отправлено множество колоний, так что, хотя старые диалекты, должно быть, какое-то время сохранялись в некоторых горных городках к северу от Рима, годы, последовавшие за завершением Социальной войны, отмечают их быстрое исчезновение и замену их латынью. Кампания принимала незначительное участие в войне и поэтому осталась нетронутой. Этот факт, вероятно, объясняет появление нескольких осканских надписей на стенах Помпей еще в 63 году н. э.

Нам нет необходимости следовать здесь истории покорения греческих морских портов на юге Италии и народов на севере, говоривших на неитальянских языках. Во всех этих случаях латынь вступала в конфликт с языками, не связанными с ней самой, и ситуация содержит элементы, несколько отличные от тех, которые проявляются в борьбе между латынью и италийскими диалектами. Последние были достаточно близки к латыни, чтобы обеспечить некоторую поддержку теории о том, что латынь была изменена в результате контакта с ними, и эта теория нашла сторонников,⁴ но нет достаточных оснований полагать, что на нее оказали существенное

влияние. Интересной иллюстрацией влияния греческого языка на латынь повседневной жизни является реалистический роман, написанный Петронием в середине первого века нашей эры. Персонажи его рассказа - греки, и язык, на котором они говорят, латинский, но они вводят в него великое множество греческих слов, а иногда и греческую идиому или конструкцию.

Римляне, как хорошо известно, с большим эффектом использовали два средства для латинизации своей недавно приобретенной территории, а именно колонии и дороги. Политика отправки колонистов для освоения новых районов была определенно введена в начале четвертого века, когда граждан отправляли в Анций, Таррацину и другие пункты Лация. В течение этого столетия в различных точках центральной Италии было основано пятнадцать или двадцать колоний. Стратегические соображения определили их местоположение, и выбор был сделан с большой мудростью. Сутрий и Непете на границах Киминийского леса были "воротами Этрурии"; Фрегеллы и Интерамна контролировали переправу через реку Лирис; Тарент и Регий были важными пунктами въезда, в то время как Альба Фуценс и Карсиоли охраняли линию валерианской дороги.

Эта дорога и другие крупные магистрали, построенные в Италии, обеспечили легкое сообщение со столицей не только всех колоний, но и всех частей полуострова. Самый ранний из них был построен в Капуе, как мы знаем, великим цензором Аппием Клавдием в 312 году до н. э., и когда смотришь на карту Италии конца третьего века до нашей эры, и видишь центральную и южную части полуострова, усеянные колониями, Аппиеву дорогу, идущую из Рима на юго-восток в Брундизий, Попиллиеву дорогу в Регий, Фламиниеву дорогу на северо-восток в Ариминум, с продолжением до Кремоны, с путями Кассиана и Аврелиана вдоль западного побережья, Аппиеву дорогу, ведущую на юго-восток в Регий. быстрота и полнота, с которой латинский язык распространился по Италии, перестает быть загадкой. Карта Испании или Франции времен империи с ее сетью дорог в равной степени проливает свет.

Миссионеры, которые несли римский закон, римскую одежду, римские идеи и латинский язык сначала через центральную, южную и северную Италию, а затем на Восток и Запад, были колонистами, торговцами, солдатами и федеральными чиновниками. Центральное правительство освобождало римского гражданина, поселившегося в провинциальном городе, от местных налогов. Поскольку они были очень тяжелыми, его преимущество перед местными жителями было соответственно велико, и почти во всех крупных городах империи мы находим свидетельства существования крупных гильдий римских торговцев, сборщиков налогов, банкиров и землевладельцев.⁵ Когда Траян в ходе своего романтического восточного похода проник в Ктесифон, столицу Парфии, он обнаружил, что там уже обосновались римские купцы. Помимо торговцев и капиталистов, которые занимались бизнесом за свой счет в провинциях, по всей империи были разбросаны тысячи агентов крупных римских корпораций. Рим был финансовым центром мира, и крупные акционерные компании, организованные для предоставления ссуд, строительства общественных объектов, сбора налогов и участия в судоходной торговле, имели свои центральные офисы в столице, откуда они рассылали своих представителей во все части света.

Солдат сыграл не менее важную роль, чем торговец, в распространении использования латыни. Тацит сообщает нам, что в царствование Августа в провинциях было расквартировано двадцать пять легионов. Если мы дадим легиону 6000 человек, то у нас будет в общей сложности 150 000 римских солдат, разбросанных по провинциям. К ним следует добавить вспомогательные

войска, состоявшие из туземцев, которые к концу срока своей службы, вероятно, могли говорить на латыни, а когда они снова поселятся среди своего народа, то будут распространять знание этого языка во все расширяющихся кругах. У нас нет точных сведений о численности вспомогательных войск, но, вероятно, они были такими же многочисленными, как и легионеры.⁶ Солдаты, расквартированные на границах, часто по окончании срока службы женились на туземках, остаток жизни проводили в провинциях, а их дети изучали латынь.

Прямое влияние правительства было немалым фактором в развитии использования латыни, которая, конечно же, была официальным языком империи. Все судебные разбирательства велись на латыни. Это был язык губернатора, мелкого чиновника и сборщика налогов. Он использовался в законах и прокламациях, и ни один туземец не мог претендовать на должность на государственной службе, если он не овладел им в совершенстве. Иногда это рассматривалось, по крайней мере, как *непременное* условие получения столь желанного римского гражданства. Император Клавдий, например, отменил римское гражданство грека, потому что тот направил ему письмо на латыни, которое тот не мог понять. Традиция, согласно которой латынь была официальным языком мира, была подхвачена христианской церковью. Даже когда Константин председательствовал на Соборе в Никее на Востоке, он обращался к собранию на латыни.

Два последних упомянутых средства, латынь римского чиновника и латынь церкви, оказали влияние, которое сделало язык, на котором говорят по всей империи, по существу единообразным по своему характеру. Если бы латыни, которую колонисты, купцы и солдаты несли через Италию и в провинции, было позволено развиваться в разных местах без какого-либо внешнего объединяющего влияния, вероятно, новые диалекты возникли бы по всему миру, или, выражаясь иначе, вероятно, романские языки возникли бы за несколько столетий до их фактического появления. Этим объединяющим влиянием была латынь, которой пользовались чиновники, присланные из Рима, и которой все классы страстно стремились подражать. Естественно, язык провинций не во всех отношениях соответствовал римскому стандарту. Апулей, например, осознает тот факт, что его африканский стиль и дикция, вероятно, оскорбят римских читателей, и во введении к своим *"Метаморфозам"* он просит их о снисхождении. Сенека старший в своих *Спорах* замечает об испанском соотечественнике, "что он никогда не сможет разучиться тому хорошо известному стилю, который является резким и деревенским и характерен для Испании", а Спартиан в своей *"Жизни Адриана"* рассказывает нам, что, когда Адриан выступал перед сенатом по определенному поводу, его деревенское произношение вызвало смех сенаторов. Но особенности в дикции Апулея и Адриана, по-видимому, были такими, которые мог заметить только образованный светский человек. Они, по-видимому, не были фундаментальными. Подобным же образом тщательные исследования тысяч надписей, найденных на Западе⁷, дарственных надписей, гильдейских записей и эпитафий показывают нам, что язык простых людей в провинциях существенно не отличался от языка, на котором говорили в Италии. Это был язык римского солдата, колониста и торговца, с общими характеристиками в виде дикции, формы, фразеологии и синтаксиса, с некоторыми незначительными местными особенностями, но по сути сохранявший единство благодаря желанию, которое испытывало каждое сообщество, подражать своим чиновникам и высшим классам.

Единственной частью римского мира, в которой латынь не приобрела бесспорного превосходства, был греческий Восток. Римляне свободно признавали особое положение,

которое греческому языку было суждено занять в этой части империи, и назвали его *altera lingua*. Однако даже в греческих землях латынь получила сильное распространение и оказала значительное влияние на греческий⁸.

В очень вдумчивой статье "Языковое соперничество и речевая дифференциация в случае расового смешения",⁹ профессор Хемпл обсудил условия, при которых происходит языковое соперничество, и приводит последующие результаты. Его выводы имеют интересное отношение к вопросу, который мы здесь обсуждаем: как и почему латынь вытеснила другие языки, с которыми она соприкасалась.

Он отмечает, что когда два языка вступают в конфликт, редко происходит компромисс или слияние, но один из них полностью вытесняется другим. Анализируя обстоятельства, при которых возникает такая борьба за господство между языками, он находит четыре характерных случая. Иногда армии одной нации, хотя и сравнительно небольшие по численности, завоевывают другую страну. Они захватывают власть в завоеванной стране; их правитель становится ее королем, а они сами становятся аристократией. Однако они составляют меньшинство; они отождествляют свои интересы с интересами покоренного народа, и язык покоренного народа становится языком всех классов. Второй случай возникает, когда страна завоевывается чужеземным народом, который вливается в нее со своими женами и детьми на длительный период и оседает там навсегда. Речь туземцев в этих обстоятельствах исчезает. В третьем случае более могущественный народ завоевывает страну, устанавливает в ней зависимое правительство, высылает купцов, колонистов и чиновников и основывает новые города. Если такая провинция удерживается достаточно долго, преобладает язык завоевателя. В четвертом и последнем случае мирные группы иммигрантов въезжают в страну, чтобы следовать более скромным призваниям. Они рассеяны среди туземцев и преуспевают по мере того, как изучают язык принятой ими страны. Для их детей и внуков этот язык становится родным, и речь захваченной нации сохраняет свои позиции.

Первый типичный случай иллюстрируется историей норманнско-французского языка в Англии, второй - историей европейских колонистов в Америке; латинизация Испании, Галлии и других римских провинций дает пример третьего, а наш собственный опыт общения с европейскими иммигрантами является примером четвертой характерной ситуации. Третий типичный случай языкового конфликта - это тот, который нас здесь интересует, и проведенный нами анализ практик, которым следовали римляне при занятии недавно приобретенных территорий, как в Италии, так и за пределами полуострова, показывает нам, насколько близко они соответствуют типичной ситуации. За исключением Дакии, все провинции находились под властью римлян в течение нескольких столетий, так что их история под римским владычеством удовлетворяет условию длительной оккупации, которое профессор Хемпл выдвигает как необходимое. Дакия, лежавшая к северу от Дуная и, таким образом, далеко удаленная от центров римского влияния, была преобразована в провинцию в 107 году нашей эры и покинута в 270 году. Несмотря на его удаленность и сравнительно короткий период, в течение которого он был заселен, латинский язык продолжает использоваться в этом регионе по сей день. Таким образом, это яркая иллюстрация эффективных методов, которые римляне использовали для латинизации завоеванных территорий.¹⁰

У нас уже была возможность заметить, что слияния латыни и языков, с которыми она была введена в контакт, такого слияния, например, какое мы находим в пиджин-инглише, не

произошло. Эти языки повлияли на латынь только путем пополнения ее словарного запаса. Великое множество греческих научных и технических терминов было принято учеными в период римского господства. Это ясно осознается, например, при чтении философских и риторических произведений Цицерона. Несколько слов, подобных руфу, проникли в язык из италийских диалектов. Время от времени использовались кельтские или иберийские названия галльских или испанских артиклей, но словоизменительная система и синтаксис латыни сохраняли свою целостность. В постримский период словарный запас пополнился более значительно. Говорят, что около трехсот германских слов вошли во все романские языки.¹¹ Язык провинции Галлия пострадал больше всего, поскольку только во французском языке встречается около четырехсот пятидесяти готских, ломбардских и бургундских слов, таких как boulevard, homard и blesser. Разумеется, каждая из провинций, когда Империя распалась, была подвержена влияниям, свойственным только ей самой. Например, пребывание мавров в Испании на протяжении семисот лет оставило глубокий след в испанской лексике, в то время как географическое положение румынского языка подвергло его влиянию славянских, албанских, греческих, мадьярских и турецких языков.¹² Очерк истории латыни после распада Империи выводит нас за пределы вопроса, который мы поставили перед собой в начале, и выходит за пределы компетенции латинистов, но, возможно, будет уместно собрать здесь воедино несколько фактов, которые романские филологи внесли в ее более позднюю историю, потому что жизнь латыни была непрерывной от основания города Рима до наших дней.

В этот более поздний период первостепенный интерес представляет вопрос: почему латынь в одной части мира превратилась во французский, в другой - в итальянский, в третьей - в испанский? Один из ответов на этот вопрос был основан на хронологических основаниях.¹³ Римские солдаты и торговцы, которые отправлялись в гарнизон и селились на вновь приобретенной территории, ввели ту форму латыни, которая была в ходу в Италии во время их ухода с полуострова. Насажденная таким образом там форма речи развивалась по свойственным ей линиям, стала диалектом этой провинции и, в конечном счете, романским языком, на котором говорят в этой части Европы. Сардиния была завоевана в 241 году до нашей эры, и поэтому сардинский язык является развитием латыни, на которой говорили в Италии в середине третьего века до нашей эры, то есть латыни Ливия Андроника. Испания перешла под власть Рима в 197 году до нашей эры, и, следовательно, испанский язык является естественным продолжением популярной латыни времен Плавта. Аналогичным образом, обратив внимание на дату основания нескольких провинций вплоть до приобретения Дакии в 107 году нашей эры, мы поймем, как получилось, что несколько романских языков развились из латыни. Пока Империя сохраняла объединяющее влияние официальной латыни и постоянное общение между провинциями сохраняло сущностное единство латыни во всем мире, но когда узы были разорваны, естественные тенденции к расхождению, которые существовали с самого начала, носдерживались, дали о себе знать, и речь нескольких частей Старого Света превратилась в языки, которые мы находим в них сегодня.

Эта теория наводит на размышления и приводит к нескольким важным результатам, но она открыта для серьезной критики и не дает достаточного объяснения. Это, по-видимому, не учитывает постоянный поток эмигрантов из Италии в провинции и постоянную переброску войск из одной части мира в другую, о которых мы узнаем, когда изучаем историю какой-либо отдельной провинции или легиона. Испания была приобретена, это правда, в 197 году до н.э., и латынью, которая была впервые введена в нее, была латынь Плавта, но покорение страны заняло более шестидесяти лет, и в течение этого периода на полуостров постоянно прибывали

свежие войска, а позже часто происходил обмен легионами между Испанией и другими провинциями. Более того, даже на территории империи были созданы новые сообщества римских граждан, и торговцы неуклонно прибывали в провинцию. Таким образом, может показаться, что латынь начала II века, которая первоначально была перенесена в Испанию, должна была постоянно претерпевать изменения и, насколько простирается это влияние, стала примерно такой же, как латынь, на которой говорили в других частях Империи.

Более удовлетворительным представляется объяснение, впервые четко предложенное итальянским филологом Асколи. Он рассуждает так: когда мы овладеваем иностранным языком, нам становится очень трудно, а часто и невозможно, освоить некоторые новые звуки. Наши уши не улавливают их в точности, или мы бессознательно заменяем иностранный звук каким-нибудь звуком из нашего собственного языка. Наши голосовые органы также с трудом приспособляются к воспроизведению странных звуков на другом языке, как мы знаем по трудностям, с которыми сталкиваемся при произношении французских носовых или немецких гортанных. Точно так же английский несколько отличается, поскольку на нем говорят француз, немец и итальянец. У француза есть склонность приносить в него носовые нотки, и он также склонен произносить его как свой родной язык, в то время как немец предпочитает гортанные. В статье о преподавании современных языков в наших школах профессор Гранджент говорит:¹⁴ "Обычно не предпринимается никаких попыток научить каким-либо французским звукам, кроме *и* и четырех носовых гласных; все остальные, несомненно, заменяются английскими гласными и согласными, которые наиболее на них похожи". Замена звуков собственного языка при разговоре на иностранном языке и изменения в интонации голоса более многочисленны и заметны, если человек, изучающий новый язык, необразован и приобретает его при случайном общении с необразованным человеком, который говорит небрежно.

Таково было положение вещей в римских провинциях южной Европы, когда готы, лангобарды и другие народы с Севера постепенно пересекли границу и поселились на территории латиноязычных народов. В шестом веке, например, лангобарды в Италии, франки во Франции и вестготы в Испании придавали латыни, на которой они говорили, особый для себя оттенок, и из одной латыни произошел итальянский, из второй - французский язык, а из третьей - испанский. Этот первоначальный импульс к развитию латыни по разным направлениям в Италии, Франции и Испании был, конечно, усилен различиями в климате, в темпераментах трех народов, в их образе жизни и в их политическом и социальном опыте. Эти центробежные силы, так сказать, вступили в силу, потому что политические и социальные узы, которые удерживали Италию, Францию и Испанию вместе, теперь ослабли, и, следовательно, общение между провинциями стало менее частым, а стандартизирующее влияние официальной латыни Рима перестало обеспечивать единообразие латыни по всей Империи.

Естественно задаться вопросом, почему латынь вообще сохранилась, почему языки победивших германских народов уступили ей место. В ответ на этот вопрос обычно говорят, что выжили наиболее приспособленные, что превосходство римской цивилизации и латинского языка дало латыни победу. Поскольку этот фактор следует принимать во внимание, я бы предпочел сказать, что дело было не столько в превосходстве латыни, хотя это можно свободно признать, сколько в сентиментальном уважении, которое немцы и их лидеры питали к Империи и ко всем ее институтам. Это достаточно ясно видно, например, из гордости, которую проявляли вестготские и франкские короли, выполняя свои поручения от Рима еще долгое время после того, как Рим утратил власть предъявлять к ним свои требования; это проявляется в

использовании ими латыни как языка двора и официального мира. Под влиянием этого настроения германские правители и их народы подражали римлянам и, среди прочего, переняли их язык. Церковь, вероятно, оказала значительное влияние в этом направлении. Многие немцы были обращены в христианство еще до того, как вошли в состав Империи, и слышали, как латынь использовалась в церковных службах и в гимнах. Среди культурных людей разных стран это было единственное средство общения, и оно было принято в качестве языка общения в политическом и церковном мире, а также традиционного средства выражения мнений в литературных и юридических целях.

Возможно, однако, одному элементу в ситуации следует придать больший вес, чем любому из только что упомянутых фактов. Многим варварам было позволено более или менее мирно поселиться на римской территории, так что значительная часть западного мира перешла в их владение путем постепенной оккупации, а не завоевания.¹⁵ Они стали крестьянами-собственниками, чернорабочими и солдатами римской армии. Возможно, поэтому их оккупация центральной и южной Европы имеет некоторое сходство с мирным вторжением в эту страну иммигрантов из Европы, и они, возможно, переняли латынь точно так же, как немцы или скандинавы перенимают английский.

Это подводит нас к последнему важному моменту в нашем исследовании. Какова дата, до которой мы будем называть язык Западной империи латинским, а после которой лучше говорить о французском, испанском и итальянском? Такое разделение не может быть проведено резко и в какой-то мере будет искусственным, потому что, как мы попытаемся показать в следующей главе, посвященной "Латыни простого народа", латынь сохранилась в романских языках и имела непрерывную жизнь вплоть до наших дней. Но с практической точки зрения удобно иметь в виду такую демаркационную линию, и было предпринято две попытки исправить это. Одна попытка была основана на лингвистических соображениях, другая более внимательно следит за политическими изменениями. До 700 года нашей эры во всех частях западного мира происходили определенные изменения в звучании.¹⁶ После этой даты, грубо говоря, это не так. Следовательно, в то время мы можем сказать, что единство прекратилось. Другой метод подхода к предмету приводит, по существу, к тому же выводу и показывает нам, почему единство перестало существовать.¹⁷ В шестом веке восточный император Юстиниан задумал воссоединение римского мира и фактически восстановил и удерживал в течение короткого времени Италию, южную Испанию и Африку. Эта попытка с его стороны пробудила национальный дух среди народов этих земель и развила в них чувство своей национальной независимости и индивидуальности. Они сбросили иностранное иго и стали отдельными народами, и у каждого из них развился свой собственный язык. Естественно, что это чувство проявлялось в несколько разные периоды в разных странах. Для Франции точка отсчета может быть установлена в шестом веке, для Испании и Италии - в седьмом, и можно сказать, что в эти даты латынь приняла форму французского, испанского и итальянского языков.

Латынь простых людей

Если человек не является профессиональным филологом, он не испытывает особого интереса к языку простых людей. Его особенности в произношении, синтаксисе, фразеологии и употреблении слов, которых мы склонны избегать в нашей собственной речи, потому что они

свидетельствуют об отсутствии культуры. Мы проверяем их по стандартам вежливого общества и игнорируем, или осуждаем, или смеемся над ними как над ненормальными, нелогичными или свидетельствующими о невежестве. Что касается литературы, то речь простых людей нас мало интересует, потому что она не является признанным литературным средством. Эти две причины помешали обычному человеку с развитыми вкусами уделять много внимания тому, как говорят массы, и только профессиональный студент занимался их языком. Это прискорбно, потому что речь простых людей имеет много интересных моментов и, вместо того, чтобы быть нелогичной, обычно гораздо более жесткой в своем следовании собственным общепринятым принципам, чем официальная речь, на которую, вероятно, влияют условности или общепринятые ассоциации. Чтобы проиллюстрировать то, что я имею в виду, окончание-*s* является распространенным знаком в английском языке формы множественного числа. Например, "заглавные буквы", "карты", "линии" и "места" являются множественными, а соответствующими формами единственного числа являются "заглавная буква", "карта", "линия" и "место". Следовательно, учитывая лежащую в основе посылку, это совершенно логичный и в высшей степени научный процесс, исходя из форм "рецидив" (произносится, конечно, "relaps") и "species", постулировать соответствующее единственное число и говорить о "рецидиве" и "виде", как это регулярно делает один мой знакомый негр. "Scrope" и "lepted", как претериты "царапаться" и "прыгать", правильно образованы по аналогии с "сломался" и "пополз", но не используются в приличном обществе.

Что касается английского, немецкого или французского языков, то в последнее время определенный общий интерес к ним в той форме, которую они принимают в повседневной жизни, был вызван двумя совершенно разными источниками: популярными статьями изучающих язык и реалистическими романами и романами на диалектах. Но для наших знаний латыни простых людей нам не хватает этих двух важнейших источников информации. Только двум римским писателям, Петронию и Апулею, пришло в голову развлечь своих соотечественников, написав реалистические рассказы или истории с реалистическими чертами лица, а римский грамматик испытывал еще большее презрение к популярной латыни или большее безразличие к ней, чем мы испытываем сегодня. Это чувство разделяли, как мы знаем, великие гуманисты четырнадцатого и пятнадцатого веков, когда началось возрождение интереса к греческому и латинскому языкам и литературе. Петрарка, Поджо Браччолини и другие великие лидеры движения интересовались литературными аспектами классики, а ученые последующих поколений, поскольку они изучали язык, ограничивали свое внимание творчеством великих латинских стилистов. Первым студентом, который осознал существование популярной латыни как формы речи, отличной от формальной литературной латыни, по-видимому, был французский ученый Анри Этьен. В небольшой брошюре о языке и стиле Плавта, написанной ближе к концу шестнадцатого века, он отметил сходство между французским и языком латинского драматурга, не осознавая, однако, ясно, что причина этого сходства заключалась в том факте, что комедии Плавта отражают разговорный язык его времени и что французский и другие романские языки развились из этого, а не из литературной латыни. Только в середине восемнадцатого века эта истина была четко осознана, да и то почти одновременно по обе стороны Рейна.

Однако предоставить научное доказательство правильности этой гипотезы было поручено девятнадцатому веку, и вполне уместно, что существование непрерывной линии связи между популярной латынью третьего века до нашей эры и романскими языками девятнадцатого века было установлено в одно и то же время латинистом, занимавшимся изучением Плавта, и

романским филологом, продвигавшимся в направлении латыни. Ученым-латинистом был Ритчль, который показал, что отклонения от формального стандарта, которые можно найти у Плавта, являются не аномалиями или ошибками, а образцами разговорной латыни, которые можно проследить вплоть до более позднего периода. Романским филологом был Диц, который обнаружил, что определенные формы слова, особенно из лексики повседневной жизни, которые являются общими для многих романских языков, вообще не встречаются в серьезной латинской литературе, а встречаются только в тех произведениях, таких как комедия, сатира или реалистический роман, которые отражают речь обычного человека. Это открытие дало понять, что романские языки связаны с народной латынью, а не с литературной латынью. Прошло шестьдесят лет с тех пор, как изучение вульгарной латыни было поставлено на научную основу исследованиями этих двух людей, и в течение этого периода латинист и романский филолог объединили усилия, чтобы расширить наши знания о ней. Со стороны латыни большой импульс получила работа фонда Вельффлина в 1884 году *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*. Это периодическое издание, как хорошо известно, должно было подготовить почву для публикации латинского *тезауруса*, который сейчас выпускают пять немецких академий.

Одной из основных целей журнала, как следует из его названия, было исследование истории латинских слов, и в первом номере редактор обратил внимание на важность знания литературных произведений, в которых встречается каждое латинское слово или оборот. Результаты оказались весьма поучительными. Некоторые слова, конструкции или фразы встречаются, например, только в комедиях, сатирах и романах. Они, очевидно, характерны для вульгарной латыни. Другие свободно используются в этих типах литературы, но редко используются в исторических или риторических произведениях. И здесь снова заметна небольшая разница между формальным и привычным употреблением. Таким образом, метод латиниста - это, по существу, метод сравнения и противопоставления. Когда, например, он обнаруживает, что словоеquus регулярно используется серьезными писателями для обозначения "лошади", но caballus употребляется в этом смысле в разговорных сочинениях Луцилия, Горация и Петрония, он приходит к выводу, что caballus принадлежит словарю повседневной жизни, что это наша "кляча".

Линия рассуждений, которой придерживается романский филолог в своем исследовании вульгарной латыни, столь же убедительна. Существование большого количества слов и идиом во французском, испанском, итальянском и других романских языках можно объяснить только одним из трех способов. Все эти разные языки, возможно, использовали одно и то же слово или фразу для выражения идеи, или эти слова и идиомы могли быть заимствованы из одного языка другими, или они могут иметь общее происхождение. Первая гипотеза немыслима. Вторая почти столь же невозможна. Несомненно, французский, например, заимствовал некоторые слова из испанского, а испанский - из португальского. Можно было бы предположить, что несколько слов, происходящих из Испании, перешли во Францию, а оттуда в Италию, но совершенно невозможно поверить, что большой элемент, который является общим для языков от Испании до Румынии, мог распространиться путем заимствования на такую обширную территорию. Ясно, что этот общий элемент унаследован от латыни, из которой произошли все романские языки. Из слов, окончаний, идиом и конструкций, общих для французского, испанского, итальянского и других языков южной Европы, можно было бы, в определенных пределах, реконструировать исходную речь, но, к счастью, мы не ограничиваемся только этим материалом. В этот момент латинист и романский филолог берутся за руки. Чтобы снова воспользоваться уже использованной иллюстрацией, изучающий романские языки обнаружит,

что слово, обозначающее "лошадь", по-итальянски cavallo, по-испански caballo, по-французски cheval, по-румынски cal, и так далее. Очевидно, все эти формы произошли от caballus, который, по мнению латинистов, относится к лексике вульгарной, а не формальной латыни. Эта единственная иллюстрация из многих не только раскрывает тот факт, что романские языки должны быть связаны с разговорной, а не с литературной латынью, но и показывает, как направление исследований, открытое Дицем, и которого придерживаются Вельфлин и его школа, дополняют друг друга. Благодаря использованию методов, которые представили эти два ученых, был собран и классифицирован большой объем материала, относящегося к обсуждаемому предмету, и были определены характерные черты латыни простых людей. Было обнаружено, что для реконструкции этой формы речи могут быть использованы пять или шесть различных и независимых видов доказательств.

Мы, естественно, в первую очередь думаем о прямых утверждениях латиноамериканских авторов. Их можно найти в трудах Цицерона, Квинтилиана, ритора Сенеки, Петрония, Авла Геллия, Витрувия и латинских грамматиков. Профессиональный педагог Квинтилиан потрясен неграмотной речью зрителей в театрах и цирке. Точно так же персонаж из книги Петрония предостерегает от слов, которые используют такие люди. Цицерон открыто наслаждается использованием повседневной латыни в своих привычных письмах, в то время как архитектор Витрувий выражает тревожное опасение, что он, возможно, не следует общепринятым правилам грамматики. Как мы заметили выше, большой материал, показывающий различия между формальной и разговорной латынью, которые имели в виду эти авторы, может быть получен путем сравнения, например, Писем Цицерона с его риторическими произведениями или сатирической пародии Сенеки на императора Клавдия с его философскими трудами. Время от времени серьезному писателю тоже случается использовать немного популярной латыни, но он удобно помечает это для нас извиняющейся фразой. Так, даже святой Иероним в своем комментарии к Посланию к Ефесеям говорит: "Дареному коню в зубы не смотрят, как гласит вульгарная пословица". Для древних грамматистов "ошибки" и вульгаризмы народной речи были отвратительны, и, к счастью, у них есть фирменные списки слов и выражений, которые не должны использоваться культурными людьми. Свидетельства, которые можно получить из романских языков, дополненные латынью, не только способствуют нашему знанию лексики вульгарной латыни, но и показывают нам множество распространенных идиом и конструкций, которые были присущи этой форме речи. Таким образом, "я буду петь" по-итальянски - canterò (=cantar[e]-ho), по-испански - cantaré (=cantar-he), по-французски - chanterai (=chanter-ai), и подобные формы встречаются в некоторых других романских языках. Эти формы, очевидно, образованы от латинского инфинитива cantare, зависящего от habeo ("Я должен петь"). Но будущим в литературной латыни было кантабо, образованное добавлением окончания, как мы знаем, и с этим романтическое будущее не может иметь никакой связи. Однако, как указал автор *Архива*,¹⁸ именно такие аналитические формы времени, которые используются в романских языках сегодня, можно найти в популярных латинских проповедях святого Иеронима. Таким образом, по этим идиомам, общим для итальянского, французского и испанского языков, мы можем реконструировать латинскую формацию, распространенную среди простых людей. Наконец, знание тенденций и практик разговорного английского языка помогает нам выявлять схожие употребления, когда мы сталкиваемся с ними при чтении латыни. Когда, например, раб в пьесе Плавта говорит: "Ты улавливаешь суть" (tenes?), "Я попрошу взаймы у старика" (tangam senem и т.д.) Или "Я надену это на него" (ei os sublevi), мы узнаем образцы латинского сленга, потому что все задействованные метафоры используются и сегодня. Когда один из

вольноотпущенников в "Петрониусе" замечает: "Вы не должны никому делать добро" (*neminem nihil boni facere oportet*), мы видим то же использование двойного отрицания, к которому мы привыкли в неграмотном английском. Краткий обзор, который мы только что сделали, свидетельств, относящихся к этому предмету, не вызывает сомнений в существовании у римлян формы речи, которую нельзя отождествить с литературной латынью, но некоторые авторы считают, что материал для ее изучения скуден. Однако беспристрастное изучение фактов не должно приводить к такому выводу. Что касается латинской части, то материал включает комедии Плавта и Теренция и комические фрагменты, знакомые оды Катутла, сатиры Луцилия, Горация и Сенеки, а также кое-где Персия и Ювенала, знакомые письма Цицерона, роман Петрония и частично Апулея, Вульгату и некоторых отцов церкви, "Путешествие в Иерусалим" святого Этерия, глоссарии, некоторые технические книги, такие как Витрувий и ветеринарный трактат Хирона, а также частные надписи, в частности эпитафии, настенные надписи в Помпеях и свинцовые таблички, найденные в земле, на которых неграмотные люди писали проклятия своим врагам.

Очевидно, что для изучения разговорной латыни сохранился очень большой массив материала, поступающий из самых разных источников и охватывающий период времени от Плавта в третьем веке до нашей эры до Святой Этерии во второй половине четвертого века или позже. Сюда входят книги опытных писателей, таких как Гораций и Петроний, которые сознательно используют латынь в повседневной жизни, и произведения необразованных людей, таких как святой Этерий и авторы эпитафий, которые невольно использовали ее.

Святой Иероним где-то говорит о разговорной латыни, что "она постоянно меняется по мере того, как вы переходите из одного района в другой и от одного периода к другому" (*et ipsa Latinitas et regionibus cotidie mutatur et tempore*). Если бы он добавил, что это также зависит от обстоятельств, он бы включил три фактора, которые в наибольшей степени влияют на развитие любого разговорного языка. Мы осознаем изменения, которые время внесло в разговорный английский, когда сравниваем разговоры Филдинга с беседами в современном романе. Когда о разговорном языке судят по стандарту соответствующего литературного носителя, в одних своих аспектах он оказывается консервативным, в других - прогрессивным. Он демонстрирует свою консервативную тенденцию, сохраняя многие слова и словосочетания, вышедшие из литературного употребления. Английский в статьях Биглоу, по сравнению с литературной речью того времени, прекрасно иллюстрирует этот факт. Эта консервативная тенденция особенно заметна в районах, удаленных от литературных центров, и те из нас, кто знаком с народным языком Вермонта или Мэна, вспомнят в нем множество причудливых слов и выражений, от которых литература давно отказалась. В Виргинии можно услышать выражения, которые едва ли встречались в литературе со времен Шекспира. Литературная и разговорная латынь, вероятно, были отделены друг от друга дальше, чем две соответствующие формы речи в английском, потому что латиноамериканские авторы пытались сделать литературный язык максимально похожим на греческий по своей форме, так что литературная латынь, естественно, быстрее и шире разошлась бы от разговорной латыни, чем формальный английский отделился от разговорного английского.

Но разговорный язык в своем развитии как прогрессивен, так и консервативен. Он особенно чувствителен к определенным модифицирующим воздействиям. Он любит конкретное, живописное и новаторское, а также высоко ценит юмор. Эти тенденции приводят к изобретению множества новых слов и выражений, которые должны ждать месяцы, годы,

возможно, целое поколение, прежде чем они будут приняты в литературе. Иногда их никогда не принимают. История таких слов, как *buncombe*, *dude*, *Mugwump*, *gerrymander* и *joy-ride*, иллюстрирует для английского языка тот факт, что слова определенного рода встречают более радушный прием в разговорной речи, чем в литературе. Автор комедии или фарса, юморист и обыватель не чувствуют ограничений, которые каноны хорошего тона накладывают на серьезного писателя. Они придумывают новые слова, или используют старые слова по-новому, или используют новые конструкции без особых колебаний. Необычайный материальный прогресс современного мира за последнее столетие, несомненно, удивительным образом стимулировал эту тенденцию, но может показаться, что латынь простых людей со времен Плавта до Цицерона должна была подвергаться еще большему инновационному влиянию, чем современный разговорный английский. В этот период недавно завоеванные территории Испании, северной Африки, Греции и Азии наводнили Италию своими рабами и торговцами и пополнили словарный запас повседневной жизни огромным количеством слов. Большая примесь греческих слов и идиом в языке Петрония в первом веке нашей эры служит доказательством этого факта. Еще большее влияние, должно быть, оказал на сам язык тот стимул для воображения, который принес приезд этих иностранцев с их новыми идеями и новым взглядом на вещи, их странными костюмами, манерами и религиями.

Вторым важным фактором, влияющим на разговорный язык, является разница в культуре и обучении. Речь джентльмена отличается от речи деревенского жителя. Разговорный язык Теренция, например, находится на более высоком уровне, чем у Плавта, в то время как персонажи Плавта используют лучшую латынь, чем вольноотпущенники у Петрония. Неграмотные вольноотпущенники у Петрония говорят совсем не так, как свободные люди в его рассказе. Иногда определенная профессия существенно влияет на речь тех, кто ею занимается. Все мы кое-что знаем о лингвистических эксцентричностях лондонского кэбмена, парижского вора или американского бродяги. Это конкретное влияние латыни не может быть оценено так хорошо, потому что у нас нет достаточного материала, но был достигнут определенный прогресс в выявлении особенностей латыни в детской, лагере и на море.

Конечно, разговорный язык никогда не бывает единообразным на данной территории. Диалектные различия обязательно развиваются. Мужчина из Индианы и другой из штата Мэн обязательно заметят особенности друг друга. Даже железная дорога, газета и государственная школа никогда полностью не устранят старые различия или не предотвратят возникновение новых. Без этих агентств, которые сегодня так много делают для содействия единообразию, Италия и остальная часть Империи, должно быть, демонстрировали бы большие диалектные различия, чем мы наблюдаем в американском английском или даже в британском английском.

Чтобы ясно показать некоторые из различий между вульгарной и официальной латынью, мы использовали определенные иллюстрации, такие как *caballus*, где две формы речи были радикально противоположны друг другу, но, конечно, они не составляли двух разных языков, и того, что у них было общего, было намного больше, чем элемента, присущего каждому, или, другими словами, они в значительной степени перекрывали друг друга. Возможно, теперь мы в состоянии охарактеризовать разговорную латынь и определить ее как язык, который использовался в разговорах по всей Империи с бесчисленными вариациями, которые дали ему время и место, который в своей наиболее утонченной форме, как говорили в литературных кругах Рима в классический период, бесконечно приближался к своему идеалу, литературной латыни, которая в своей наиболее нетрадиционной фазе была грубой речью черни или "sermo

inconditus" древних. Факты, которые только что были упомянуты, могут быть проиллюстрированы прилагаемыми диаграммами.

Рис. I-IV

На рис. I эллипс с жирной линией обозначает официальную дикцию Цицерона, пунктирная линия - его разговорный словарь. Они перекрывают друг друга на значительной части своего объема, но есть определенные литературные обороты, которые он редко использовал бы в разговоре, и определенные разговорные слова и фразы, которые он не стал бы использовать в официальном письме. Следовательно, два эллипса не совпадали бы. На рис. II крупный эллипс имеет то же значение, что и на рис. I, в то время как пространство, обведенное пунктирной линией, представляет словарный запас необразованного римлянина, который был бы намного меньше, чем у Цицерона, и демонстрировал бы большую степень отличия от литературного словаря, чем разговорный запас слов Цицерона. Соотношение разговорного словаря некультурного римлянина с лексикой Цицерона показано на рис. III, в то время как рис. IV показывает, как латынь среднего человека в Риме сравнивалась бы, например, с латынью жителя Лугудунума в Галлии.

Это естественным образом подводит нас к рассмотрению исторических связей литературной и разговорной латыни. При их объяснении часто предполагалось, что разговорная латынь является выродившейся формой литературной латыни или что последняя является усовершенствованной разновидностью первой. Обе эти теории одинаково ложны. Ни то, ни другое не является производным от другого. Истинное положение дел никогда не было изложено лучше, чем Шухардтом, который говорит: "Вульгарная латынь не находится по отношению к официальной латыни ни в производном, ни в отцовском отношении, но они стоят бок о бок. Это правда, что вульгарная латынь произошла от латыни с более полными и свободными формами, но она не произошла от официальной латыни. Верно, что официальная латынь произошла от латыни более популярного и грубого характера, но она не произошла от вульгарной латыни. В исконной речи народа, дописменной латыни (*prisca Latinitas*), следует искать происхождение обоих; они были братьями-близнецами".

Об этой дописменной латыни у нас нет никаких записей. Лучшее, что мы можем сделать, - это вывести, каковы были его характеристики, из самых ранних фрагментов языка, дошедших до нас, из законов Двенадцати таблиц, например, из религиозных и юридических формул, сохраненных до нас Варроном, Цицероном, Ливием и другими, из пословиц и народных изречений. Анализ этих документов здесь увел бы нас слишком далеко, но можно заметить, что мы замечаем в них, среди прочих характеристик, безразличие к строгой грамматической структуре, не то подчинение предложений главному предложению, которое происходит только из понимания логической связи идей друг с другом, а координацию предложений, нагромождение синонимичных слов, тенденцию использовать аналитическую, а не синтетическую форму выражения, и отсутствие фиксированности в формах слов и флексивных окончаниях. Чтобы проиллюстрировать некоторые из этих черт на одном примере, древний закон гласит: "если [он] совершил кражу ночью, если [он] убил его, пусть он считается приговоренным к смерти по закону" (*si nox furtum faxsit, si im occisit, iure caesus esto*).¹⁹ Мы без предупреждения переходим от одного субъекта, вора, в первом предложении к другому, домовладельцу, во втором и снова возвращаемся к вору в третьем. Катон в своей книге о сельском хозяйстве пишет о скоте: "пусть они кормятся; так будет лучше" (*пасканти; сатий*

эрит), вместо того чтобы сказать: "для них будет лучше кормиться" (или "чтобы они кормились"). В одном из ранних законов говорилось: "на табличке, на белой поверхности" (*in tabula, in albo*), вместо "на белой табличке" (*in alba tabula*). Возможно, мы можем суммировать общие характеристики этой дописьменной латыни, из которой развились как устный, так и письменный язык, сказав, что она демонстрировала склонность к анализу, а не синтезу, свободную и изменчивую грамматическую структуру и отсутствие логики в выражении.

Ливий Андроник, Невий и Плавт в третьем веке до нашей эры показывают язык, впервые использовавшийся в литературных целях, и с них начинается разрыв между устным и письменным языками. Что касается Ливия Андроника, Отца латинской литературы, то, без сомнения, следует учитывать отсутствие у него поэтического вдохновения и мастерства, а также тот факт, что его основной работой был перевод, но даже с учетом этой поправки очевиден грубый характер его латыни, и совершенно очевидно, что литературная латынь претерпела полную трансформацию между его временем и временем Горация и Вергилия. Важным моментом в этой связи является тот факт, что эта трансформация была в значительной степени вызвана внешним влиянием, которое повлияло на латынь простых людей лишь косвенно и в незначительной степени. Возможно, обстоятельства, в которых оказалась литературная латынь, никогда не повторялись в истории. С самого начала он находился под влиянием высокоразвитого литературного языка, и все писатели, которые впоследствии использовали его, искренне стремились смоделировать его по образцу греческого. Ливий Андроник, Энний, Акций и Пакувий были греческого происхождения и знали греческий язык. Они, а также Плавт и Теренций переводили и адаптировали греческие эпосы, трагедии и комедии. Некоторые из ранних писателей, такие как Акций и Луцилий, интересовались грамматическими предметами и делали все возможное, чтобы привнести систему и регулярность в свою литературную среду. Итак, греческий язык был в высшей степени изменчивым, синтетическим, регулярным и логичным средством литературного выражения, и было неизбежно, что эти качества были привнесены в латынь. Но это влияние, как мы уже заметили, очень мало повлияло на разговорный язык. Его влияние на речь простых людей было бы незначительным из-за отсутствия обычной школы, которая сегодня так много делает для поддержания единства устного и письменного языков.

Развитие затем дописьменной латыни под влиянием этого систематизирующего, синтетического влияния дало начало литературной латыни, в то время как ее независимый рост, более близкий к ее первоначальному гению, породил разговорную латынь. Следовательно, мы не удивлены, обнаружив, что народная речь сохранила в большей степени, чем литературная латынь, те качества, которые мы заметили в дописьменной латыни. Фактически, эти характеристики следует ожидать в разговоре. Когда человек излагает свои мысли на бумаге, он выражает себя осторожно и с определенной сдержанностью в своих высказываниях, и обычно он имеет в виду именно то, что хочет сказать. Но в разговоре он не испытывает этого стеснения. Он, скорее всего, будет выражать свои мысли тавтологично, небрежно или даже нелогично. Он редко продумывает до конца то, что у него на уме, но свободно добавляет предложения по мере того, как ему приходят в голову новые идеи.

Мы только что думали главным образом об отношении слов друг к другу в значении. При обработке отдельных слов письменная и устная латынь развивалась по-разному. В английском языке мы делаем небольшое различие между количеством гласных, но в латыни, конечно, данная гласная была либо долгой, либо краткой, и литературная традиция настолько

укоренилась в этом вопросе, что профессиональные поэты эпохи Августа не терпели никаких отклонений от нее. Однако есть признаки того, что простые люди не соблюдали правила количества в своей целостности. Мы легко можем понять, почему это могло быть так. Сравнительная небрежность, характерная для разговора, влияет на наше произношение слов. Особенно часто это наблюдается при ударении, как это было в латыни. Мы знаем по английскому языку, как сильно страдают безударные слоги в таких длинных словах, как "лаборатория". В латыни долгие гласные безударные и последний слог, который никогда не был защищен ударением, с особой вероятностью теряли свое полное значение. В результате в разговорной латыни некоторые конечные согласные имели тенденцию к исчезновению, и, вероятно, долгая гласная, следующая за короткой, регулярно укорачивалась, когда ударение падало на короткий слог или на слог, который следовал за долгим. Некоторые ученые заходят так далеко, что утверждают, что со временем в популярной латыни были утрачены все различия в количестве гласных безударных звуков. Иногда влияние ударения приводило к удалению гласной в слоге, который следовал за ней. Проб, грамматик четвертого века нашей эры, в том, что мы могли бы назвать "Руководством по правильному употреблению"²⁰ или "Сотней неправильно произносимых слов", предостерегает своих читателей от *masculus* и *anglus* в пользу *masculus* и *angulus*. Это та же популярная тенденция, которую мы видим проиллюстрированной в "Лаборатории".

Изменилось как качество гласных, так и их количество. Затемнение определенных гласных звуков в обычном или небрежном разговоре в этой стране в таких словах, как "латун" и "американец", - явление достаточно знакомое. Фактически, большое количество наших гласных звуков, похоже, выродилось в хрюканье. Латынь подверглась влиянию примерно таким же образом, хотя и не в такой степени, как современный английский. Об этом свидетельствуют как древние грамматики в своих предупреждениях, так и романские языки.

Мы заметили выше, что конечная согласная подвергалась опасности из-за того факта, что слог, содержащий ее, никогда не был защищен ударением. Верно и то, что существовала тенденция отказаться от любых сложных сочетаний согласных. Напомним, что в английском языке нынешнее произношение "февраль" и "Калвелл" для обозначения Колдуэлла. Средний римлянин точно так же был склонен следовать линии наименьшего сопротивления. Иногда, как в двух только что приведенных примерах английского языка, он избегал трудного сочетания согласных, опуская одну из них. Этому методу он следовал, произнося *santus* вместо *sanctus* и *scriserunt* вместо *scripserunt*, точно так же, как в вульгарном английском время от времени можно услышать "slep" и "kep" вместо более сложных "спал" и "хранил". Иногда он облегчал произношение метатезой, как он делал, когда произносил *interpretor* как *interpertor*. Третий прием состоял в том, чтобы вставить гласную, как это делают неграмотные англоговорящие люди при произношении "ellum" и "Henery". Таким образом, например, римлянин избегал сложных сочетаний - *mn*- и -*chn* -, произнося *mīna* и *techīna* вместо исторически правильных *mna* и *techna*. Другой метод преодоления этой трудности заключался в ассимиляции одной из двух согласных с другой. Это любимое занятие продавщиц, над которым потешаются газеты в своих фонетических воспроизведениях предполагаемых разговоров, слышимых из-за прилавка. Используя тот же простой способ выражения, необразованный римлянин иногда говорил *isse* вместо *ipse*, а *scritus* - вместо *scriptus*. Чтобы перейти к другому отличительному моменту, отметим, что законы, определяющие распространенность акцента, были очень прочно установлены в литературной латыни. Ударение должно падать на предпоследнюю букву, если она была длинной, в противном случае - на предпоследнюю часть слова. Но в популярной

латыни существовали определенные классы слов, в случае с которыми эти принципы не соблюдались.

Сама природа акцента, вероятно, различалась в этих двух формах речи. В дописменной латыни ударение, несомненно, было заметной чертой акцента, и это продолжало иметь место в популярной речи на протяжении всей истории языка, но, как я пытался доказать в другой статье,²¹ в официальной латыни ударение стало очень слабым, а высота звука превратилась в характерную черту акцента. Следовательно, когда Вергилий читал отрывок из "*Энеиды* Августу и Ливии, воздействие на слух сравнительно безударной речи с ритмичными повышениями и понижениями высоты тона было бы совсем иным, чем при разговоре обычного человека, где ударение на слогах более четко обозначено ударением.

В этой короткой главе мы не можем пытаться вдаваться в подробности, и, говоря о морфологии вульгарной латыни, мы должны ограничиться наброском ее общих характеристик и тенденций, как мы это сделали в случае с ее фонологией. В английском языке наши флексивные формы сведены к минимуму, и, следовательно, в этом отношении существует мало возможностей для различий между письменным и разговорным языками. По аналогии с другими формами, неграмотный человек иногда говорит: "Я поплыл", или "я карабкаюсь", или "он не карабкается", но вероятность ошибиться невелика. Однако при наличии трех родов, пяти склонений существительных, фиксированного метода сравнения прилагательных и наречий, сложной системы местоимений с активным и деепричастным падежами, правильными и неправильными глаголами, четырех спряжений и сложного синтетического метода формирования наклонений и времен подводным камнем для неосторожного римлянина не было числа, как может с сожалением засвидетельствовать современный изучающий латынь. Удивительно, что обыватель, у которого не было газеты, чтобы стандартизировать его латынь, и было мало шансов выучить ее в школе, не допустил больше ошибок. В некотором смысле многие из ошибок, которые он допустил, исторически вообще не были ошибками. Этот факт легко увидеть на одной-двух иллюстрациях. В нашем обзоре дописменной латыни мы имели возможность заметить, что одной из ее характеристик было отсутствие фиксированности в использовании форм или конструкций. В третьем веке до нашей эры римлянин мог произносить *audibo* или *audiam*, *contemplor* или *contemplo*, *senatus consultum* или *senati consultum*. Благодаря усилиям ученых-грамматистов и систематизирующему влиянию, которое греческий оказал на литературную латынь, большинство глаголов были раз и навсегда сделаны зависимыми или активными, данное существительное было постоянно отнесено к определенному склонению, глагол - к одному спряжению, и небольшая склонность языка к аналитическому методу формирования наклонений и времен была вкратце пресечена. Конечно, простые люди пытались подражать тем, кто лучше их во всех этих вопросах, но старые вариативные обычаи до некоторой степени сохранялись, и средний человек во многих моментах не мог постичь тонкости новой грамматики. Его неудачи были особенно заметны там, где принятая литературная форма, казалось, не следовала принципам аналогии. Когда задействованы эти принципы, обычные люди становятся приверженцами последовательности. Образованный человек спрягает: "Я не знаю", "вы не знаете", "он не знает", "мы не знаем", "они не знают"; но аномальная форма "он не знает" должна уступить место в речи обычного человека "он не знает". Чтобы привести только одну иллюстрацию на латыни эффекта того же влияния, активный инфинитив настоящего времени почти во всех глаголах оканчивается на *-re*, например, *amare*, *ponere* и *regere*. Следовательно, неправильный инфинитив глагола "быть способным", *posse*, не смог устоять на своем и в конечном счете стал *potere* в вульгарной латыни. В одном отношении,

касающемся флективных форм глагола, пурист неожиданно преуспел. В комедиях третьего и второго веков до нашей эры мы находим спорадические свидетельства тенденции использовать вспомогательные глаголы для образования определенных времен, как мы делаем в английском языке, когда говорим: "Я уйду", "Я ушел" или "Я бы ушел". На какое-то время это движение было полностью подавлено и появляется сравнительно поздно.

В латыни есть три рода, и грамматический род существительного не обязательно совпадает с его естественным родом. Для неодушевленных предметов это часто определяется просто формой существительного. *Sella*, сиденье первого склонения женского рода, потому что почти все существительные, оканчивающиеся на -а, женского рода; *hortus*, сад мужского рода, потому что существительные на -us его склонения в основном мужского рода, и так далее. Из такой системы, как эта, с достаточной уверенностью вытекают два результата. Если род существительного в литературной латыни не соответствовал этим правилам, в популярной латыни он был бы приведен в соответствие с другими в своем классе. Таким образом, стигма, одно из немногих существительных среднего рода на -а и, следовательно, отнесенное к третьему склонению, было приведено в популярной речи в соответствие с селлой, а длинный список похожих слов на -а был сделан женским и помещен в первое склонение. В случае с другим классом слов аналогия была дополнена механическим воздействием. Мы уже заметили, что склонность ударного слога в слове поглощать усилия и внимание привела к затемнению некоторых конечных согласных, потому что последний слог никогда не был защищен ударением. Таким образом, *hortus* в некоторых частях Империи стал *hortu* в обычном произношении, а среднее *caelum*, небеса, стало *caelu*. Последующая идентификация в финале привела к путанице в роде и к окончательной трактовке слова, обозначающего "небеса", как мужского рода. Эти и другие влияния вызвали множество изменений в роде существительных в популярной речи и со временем привели к исчезновению среднего рода из неолатинских языков.

Кое-что уже было сказано о словарном запасе простых людей. Естественно, он был намного меньше, чем у культурных людей. Бедность делала их стиль монотонным, когда у них была возможность выразить себя письменно, как можно видеть, читая отчет святой Этерии о ее путешествии в Святую Землю, и, конечно, это впечатление монотонности усиливается неспособностью такого писателя варьировать форму выражения. Даже в пределах своего небольшого диапазона он отличается от словаря официальной латыни в трех или четырех важных аспектах. У него нет повода или мало повода использовать определенные слова, которые использует формальный писатель, или он использует их заменители. Таким образом, *testa* частично использовалась для *caput*, а *биссадля* *os*. С другой стороны, в нем используются определенные слова и обороты, например, вульгарные выражения и ругательства, которые не допускаются в литературу.

В своем выборе слов он отдает явное предпочтение определенным суффиксам и приставкам. Было бы интересным совершить экскурс в народную психологию, порассуждав о причинах такого предпочтения в том или ином случае. Иногда можно увидеть влияние в действии. Читая популярное латинское произведение, человек, скорее всего, будет впечатлен большим количеством используемых уменьшительных, иногда в строгом смысле этого примитивного слова. Частота этого употребления, в свою очередь, напоминает о том факте, что нередко в романских языках соответствующие слова являются уменьшительно-ласкательными формами по своему происхождению, так что, очевидно, уменьшительное в этих случаях вытеснило

примитивное слово в популярном употреблении и сохраняется до наших дней. Причину, по которой предпочтение было отдано уменьшительному окончанию, не кажется сложной. Этот суффикс правильно указывает на то, что рассматриваемый объект меньше среднего размера в своем роде. Малость в ребенке стимулирует нашу привязанность, в карлике - жалость или отвращение. Теперь мы с большей готовностью выражаем наши эмоции в общении повседневной жизни, чем в письменной форме, и эмоции масс, возможно, ближе к поверхности и их легче возбудить, чем эмоции классов, и их волнуют многие вещи, которые оставили бы невозмутимыми чувства тех, кто придерживается более традиционных взглядов. Возбуждение этих эмоций находит выражение в использовании уменьшительного окончания, которое косвенно, как мы видели, предполагает симпатию, привязанность, жалость или презрение. Окончание *-osus* для прилагательных было предпочтительным из-за его звучного характера. Определенные приставки, такие как *de-*, *dis-* и *ex-*, свободно использовались с глаголами, потому что они усиливали значение глагола, а популярная речь склонна излишне подчеркивать его идеи.

Если говорить далее о деривации, то в вопросе составных частей и кристаллизованных групп слов обычно существуют различия между устным и письменным языком. Письменный язык склонен устанавливать определенные каноны, которые люди не соблюдают. Например, мы избегаем гибридных соединений греческих и латинских элементов в серьезном написании английского языка. В формальной латыни мы замечаем то же возражение против греко-латинских слов, и все же у Плавта и у других разговорных авторов такие соединения свободно используются для комического эффекта. В чем-то схожей категории находятся сочетания двух наречий или предлогов, которые можно найти в более поздней популярной латыни, некоторые из которых сохранились в романских языках. Показательным примером является *ab ante*, которое дошло до нас в итальянском *avanti* и французском *avant*. Такие словосочетания, конечно, исключены из официальной речи.

Исследуя словарь разговорной латыни, мы заметили его сравнительную бедность, потребность в определенных словах, которые не требуются в официальной латыни, предпочтение определенных приставок и суффиксов и готовность нарушать определенные правила при образовании составных частей и словосочетаний, которые скрупулезно соблюдаются в письменном языке. Нам остается рассмотреть третий и, возможно, наиболее важный элемент различия между словарями этих двух форм речи. Я имею в виду использование слова на вульгарной латыни в значении, отличном от того, которое оно имеет в официальной латыни. Мы достаточно знакомы с различными значениями, которые слово часто имеет в разговорном и литературном английском. "Funny", например, означает "забавный" на официальном английском, но в разговоре это часто синоним слова "strange". Значение слова может быть расширено, или ограничено, или может иметь место передача значения. В разговорном употреблении слова "забавный" мы имеем расширение его литературного значения. То же самое верно для "великолепного", "веселого", "прелестного" и "ужасно", а также для таких латинских слов, как "лепид", "зонд" и "пульхра". Когда мы говорим о "великолепном солнце", мы используем слово "великолепный" в его собственном смысле - сияющий или яркий, но когда мы говорим "великолепный парень", прилагательное используется как общий эпитет, выражающий восхищение. С другой стороны, когда мужчина определенного класса называет свою "женщину", он использует это слово в ограниченном смысле "жена". Возможно, нам следует отнести к третьей категории то очень широкое разговорное употребление слов в переносном или переносном смысле, которое иллюстрируется словами "прикоснуться" или "ударить"

применительно к успеху в получении денег от человека. Наш нынешний сленг характеризуется свободным использованием слов в таком переносном смысле.

В разделе синтаксиса мы должны ограничиться упоминанием только о двух изменениях, но они были далеко идущими. Мы уже заметили аналитическую тенденцию дописменной латыни. Как мы только что заметили, эта тенденция сдерживалась в том, что касалось глагольных форм, но в сопоставлении прилагательных и употреблении падежей она неуклонно прогрессировала и в конечном итоге восторжествовала над синтетическим принципом. Принятый литературной латынью метод обозначения сравнительной и превосходной степеней прилагательного путем добавления окончаний *-ior* и *-issimus* соответственно, в конце концов уступил место практике приставки *plus* или *magis* и *maxime* к положительной форме. Чтобы привести другую иллюстрацию той же характеристики популярной латыни, уже во времена Плавта мы видим тенденцию перенимать наш современный метод указания отношения, которое субстантивированное имеет к какому-либо другому слову в предложении, с помощью предлога, а не просто с помощью падежной формы. Беспечный римлянин был склонен говорить, например, *magna pars de exercitu*, вместо того чтобы использовать родительный падеж слова, обозначающего армию, *magna pars exercitus*. Возможно, ему показалось, что так можно было немного яснее или убедительнее обозначить эту связь.

Использование предлога для обозначения взаимосвязистало почти необходимостью, когда некоторые конечные согласные стали беззвучными, потому что с их исчезновением и сокращением количества гласных до однородного часто было трудно различать падежи. Поскольку конечная буква "м" была утрачена в произношении, *Asia* могла быть именительным, винительным или абляционным падежом. Если вы хотите сказать, что что-то произошло в Азии, недостаточно использовать простую аблятивную форму, потому что эта форма будет иметь то же произношение, что и именительный или винительный падеж *Asia* (m), но предлог должен быть с префиксом *in Asia*. Другой фактор, связанный с уже упомянутыми, привел к путанице падежей. Некоторые предлоги использовались с винительным падежом для обозначения одного отношения, а с абляционным падежом - для указания на другое. *In Asia*, например, означало "в Азии", *in Asiam* - "в Азию". Когда две падежные формы станут идентичными в произношении, значение фразы будет определяться глаголом в предложении, так что с глаголом *going* предлог будет означать "into", в то время как с глаголом *rest* он будет означать "в". Другими словами, идея движения или покоя не связана с падежными формами. От аналогии с *in* было очень легко перейти к другим предлогам, таким как *per*, которые в литературной латыни употребляются только в винительном падеже, и использовать эти предлоги также с падежами, которые, исторически говоря, были аблятивными.

В глубине души школьник считает периодические фразы, которые Цицерон бросал в адрес Катилины и которые Ливий использовал, рассказывая историю Рима, неестественными и извращенными. Все благовидные аргументы, к которым призывает его учитель, чтобы доказать, что периодическая форма выражения была так же естественна для римлянина, как прямой метод для нас, не убеждают его в том, что он не прав в своих чувствах — и он *is* прав. Конечно, в английском языке, как правило, подлежащее должно предшествовать глаголу, объект должен следовать за ним, а наречие и атрибутивное прилагательное должны стоять перед словами, к которым они принадлежат. В предложении: "Октавиан желал спасти Цицерона" ни одно изменение не может быть внесено в порядок без изменения смысла, но в таком языке, как латынь, где отношения в основном выражаются флексивными формами, возможен почти любой

порядок, так что автор может варьировать расположение и группировку слов в соответствии с мыслью, которую он хочет передать. Но это отличается от построения периода с его главным подлежащим в начале, главным глаголом в конце и всевозможными придаточными и модифицирующими предложениями, связанными этими двумя словами. Римляне не так разговаривали друг с другом. Мы можем достаточно ясно видеть это из бесед Плавта и Теренция. На самом деле латинский период - это искусственный продукт, доведенный до совершенства многими поколениями литераторов, и чем ближе мы подходим к латыни простых людей, тем более естественным порядок и стиль кажутся англоговорящему человеку. В этой связи интересна речь необразованных вольноотпущенников в романе Петрония. Они не только не используют период, но и редко подчиняют одну идею другой. Вместо того чтобы сказать: "Я видел его, когда он был эдилом", они, скорее всего, скажут: "Я видел его; он был эдилом тогда".

Когда мы анализировали дописменную латынь, мы заметили, что координация идей была одной из ее характеристик, так что эта черта, очевидно, сохранилась в популярной речи, в то время как литературная латынь стала более логичной и сложной.

На предыдущих страницах мы попытались выяснить основные особенности популярной латыни. При этом мы постоянно думали о литературной латыни как о фольге или стандарте сравнения. Теперь, как ни странно, как только литературное средство выражения медленно и болезненно отделилось от языка простых людей, влияния, которым оно не могло противостоять, снова низвели его до уровня более скромного собрата. Его целостность, конечно, зависела от принятия определенных признанных стандартов. Но когда в Испании, Африке и Галлии возникли процветающие литературные школы, верховный авторитет Рима и установленный им общий стандарт для латинского мира были утрачены. Когда одни люди пытались подражать Цицерону и Квинтилиану, а другие - Сенеке, перестал существовать общепринятый образец совершенства. Аналогичным образом, тщательное различие между дикцией в прозе и стихах постепенно стиралось. Произошел упадок интереса к литературе, и профессиональные писатели уделяли меньше внимания своей дикции и стилю. Появление христианства также оказало глубокое влияние на литературную латынь. Христианские писатели и проповедники обращались скорее к простым людям, чем к литературному миру. Следовательно, они выражали себя на языке, который был бы легко понятен обычному человеку, в чем, как откровенно говорит нам святой Иероним, и заключалась его цель. Результатом этих и других влияний, действующих на литературную латынь, стало разрушение ее единства и тщательно разработанной научной системы и приближение ее все ближе и ближе по своей гениальности к популярной латыни, или, другими словами, литературное средство начинает демонстрировать многие характеристики разговорного языка. Григорий Турский, писавший в VI веке, сетует на то, что он незнаком с грамматическими принципами, и можно сказать, что в этом столетии литературная латынь исчезает.

Что касается популярной латыни, то она никогда не прекращала своего существования. Сегодня это язык Франции, Испании, Италии, Румынии и всех романских стран. Его история не прерывалась с момента основания Рима и до настоящего времени. Различные ученые пытались определить дату, до которой мы будем называть популярную речь вульгарной латынью, и после которой ее лучше будет называть французской, испанской или итальянской, в зависимости от обстоятельств. Некоторые предполагали провести разделительную черту в начале восьмого века нашей эры, когда фонетические изменения, общие для всех частей римского мира, перестанут происходить. Другие зафиксировали бы это в разные периоды между

серединой шестого и серединой седьмого веков, в зависимости от того, насколько каждая часть старого римского мира определенно переходила под контроль германских захватчиков. Исторические отношения литературной и разговорной латыни были бы примерно обозначены прилагаемой диаграммой, на которой дописьменная латынь делится в зависимости от появления литературы в третьем веке до нашей эры на популярную латынь и литературную латынь. Эти две формы речи развивались независимо друг от друга, пока в шестом веке литературная латынь не слилась с популярной латынью и не исчезла. Обеспеченное таким образом единство латинского языка продлилось недолго, потому что в течение столетия начинается дифференциация, которая дает начало современным романским языкам.

Некоторым читателям этой главы, возможно, будет интересно ознакомиться с несколькими образцами вульгарной латыни из различных периодов ее истории.

(a) Первый представляет собой выдержку из Законов двенадцати таблиц. Оригинальный документ датируется серединой пятого века до нашей эры и демонстрирует нам некоторые особенности дописьменной латыни. Непериодическая форма, пропуск местоимений и имена темы без предупреждения особенно заметны.

"Si in ius vocat, ito. Ni it, antestamino, igitur em (=eum) capito. Si calvitur pedemve struit, manum endo iacito (=inicit). Si morbus aevitasve (=aetasve) vitium escit, iumentum dato: si nolet, arceram ne sternito."

Иллюстрация:

- 1 Дописьменная латынь
- 2 Вульгарных
- 3 Литературная латынь
- 4-8 Романские языки

(b) Этот отрывок из одного из писем Цицерона своему брату (*ad Q. fr.* 2, 3, 2) может проиллюстрировать знакомый разговорный стиль джентльмена первого века до н.э. В нем описывается речь политика Клодия перед своими сторонниками.

"Ille furens et exsanguis interrogabat suos in clamore ipso quis esset qui plebem fame necaret. Respondebant operae: 'Pompeius.' Quem ire vellent. Respondebant: 'Crassum.' Is aderat tum Miloni animo non amico. Hora fere nona quasi signo dato Clodiani nostros consputare coeperunt. Exarsit dolor. Vrgere illi ut loco nos moverent."

(c) В следующем отрывке 57-летний Петроний, один из вольноотпущенников на ужине у Трималхиона, вспыскивает от гнева на товарища-гостя, поведение которого кажется ему высокомерным. Он демонстрирует множество характеристик вульгарной латыни, которые были упомянуты в этой статье. Стоит обратить внимание на сходство его стиля со стилем дописьменного образца. Также бросается в глаза большое количество пословиц и народной мудрости.

"Et nunc spero me sic vivere, ut nemini iocus sim. Homo inter homines sum, capite aperto ambulo; assem aerarium nemini debeo; constitutum habui nunquam; nemo mihi in foro dixit 'redde, quod debes.' Glebulas emi, lamellulas paravi; viginti ventres pasco et canem; contubernalem meam

redemi, ne quis in sinu illius manus tergeret; mille denarios pro capite solvi; sevir gratis factus sum; spero, sic moriar, ut mortuus non erubescam."

(d) Эта короткая надпись из Помпеи демонстрирует некоторые особенности популярного произношения. В орту мы видим ту же трудность в понимании того, когда произносить придыхательный звук, что и у англичанина-кокни. Тишина в финале -m и сокращение ae до e также интересны. Presta misinceru (=sincerum): si te amet que (=quae) custodit ortu (=hortum) Venus.

(e) Здесь следуют некоторые из вульгарных форм, против которых грамматик, вероятно, четвертого века, предостерегает своих читателей. Мы замечаем, что популярные "ошибки", на которые он обращает внимание, заключаются в (1) синкопировании и ассимиляции, в (2) использовании уменьшительного имени для примитива и произношении ai как o, в (3) том же сокращении st до t (или tt), которое мы находим в таких романских формах, как Ottobre, в (4) ложном добавлении придыхательного, в (5) синкопировании и смешении v и b, и в (6) умолчании конечного -m.

1. frigida non fricda
2. auris non oricla
3. auctoritas non autoritas
4. ostiae non hostiae
5. vapulo non baplo
6. passim non passi

(f) Следующие отрывки взяты из "Истории французского языка" Брюно, стр. 144. В третьей колонке приведено начальное предложение знаменитой Страсбургской клятвы 842 года нашей эры. В других колонках указана форма, которую она приняла бы в разные периоды. Эти отрывки ясно демонстрируют непрерывную линию перехода от латыни к современному французскому.

Страсбургская клятва 842 года

Классическая латынь

Per Dei amorem et
per christiani
populi et nostram
communem
salutem,
ab hac die, quantum
Deus scire
et posse mini
dat, servabo
hunc meum fratrem
Carolum

Разговорная латынь, Седьмой век

Ради любви и других

для крестьяно

pob(o)lo et nostro

comune salvamento

de esto

die en avante

en quanto Deos

sabere et podere

me donat, sic

сальварайо эо

сокровенный смысл

фрадре Карло

Фактический текст

Pro deo amur et

происхристианский

poblo et nostro

всеобщее спасение,

истинный

en avant, in

quant Deus

спаситель и подир

мне данат, си

сальварайский специалист

меон фрадре

Карло

Французский, одиннадцатый век.

Ради любви и тебя

por del crestüen

poeple et nostre

восстановление сообщества,

de cest

jorn en avant,

quant que Dieus

сохранить и поддержать
мне нравится, си
сальвери джо кэст
мен фредре
Чарлон

Французский, пятнадцатый век.

Pour l'amour
Dieu et pour le
sauvement du
chrestien peuple
et le nostre commun,
de cest
jour en avant,
quant que Dieu
savoir et pouvoir
со мной покончено,
si sauverai je
cest mien frere
Шарль

Современный французский

Pour l'amour de
Dieu et pour le
salut commun
du peuple chrétien
et le nôtre,
à partir de ce
jour, autant
que Dieu m'en
donne le savoir
et le pouvoir,
je soutiendrai
mon frère Charles

Поэзия простых людей Рима

I. Их метрические Эпитафии

Старый деревенский погост летним днем - любимое место многих из нас. Отсутствие движения, контрастирующее с жизнью прямо за его стенами, сонное жужжание пчел в цветах, которые растут по желанию, спокойный серый цвет камней и зелень мха дарят ощущение мира и покоя, в то время как древние даты и причудливые буквы в надписях уносят нас далеко от суеты, суеверий и тривиальных интересов современной жизни. Никакое чувство печали не трогает нас. Истории, которые рассказывают камни, настолько далеки от нас по времени, что даже те, кто скорбел о потере ушедших, давно последовали за своими друзьями, и когда мы читаем фрагменты истории жизни на разрушающихся памятниках, мы испытываем только то приятное волнение, которое, как говорит Цицерон в одном из своих писем, возникает от прочтения истории маленьких трагедий людей прошлого. Но эпитафия посвящена простым людям, чья история склонна забываться, и дает нам представление об их характере, их деяниях, их верованиях и их взглядах на жизнь и смерть. Они предоставляют нам простой и прямой отчет о жизни и устремлениях обычного человека, отчет о жизни, не истолкованной для нас биографом, историком или романистом, но изложенной во всей ее простоте самим обычным человеком.

Эти факты придают древнеримским эпитафиям особый интерес и очарование. Они дают нам представление о повседневной жизни людей, которого не могут предложить нам ни Цицерон, ни Вергилий, ни даже Гораций. Они, должно быть, оказали также влияние на римский характер, которое мы в наших изменившихся условиях едва ли можем оценить. Мы поймем этот факт, если вспомним о различиях между древними обычаями погребения и нашими собственными. Деревенский погост остался у нас в прошлом. То ли по санитарным соображениям, то ли ради тишины и уединения, в интересах экономии, то ли чтобы не навязывать нам мысли о смерти, современное кладбище расположено за пределами наших городов, и мемориалы на нем редко читаются кем-либо из нас. Наши отцы поступали иначе. Церковные кладбища старой и Новой Англии находились в центре деревни, и "короткие пути" из одной части деревни в другую вели через его ограду. Возможно, именно этот факт побудил наших предков изложить историю своей жизни более полно, чем это делаем мы, которые знают, что немногие, если вообще кто-либо, придут их читать. Или мир становится более сдержанным и утонченным? Начинаем ли мы больше сдерживать выражение своих эмоций? Стесняемся ли мы говорить о себе больше, чем наши отцы? Древние римляне были похожи на наших отцов в их готовности или желании рассказать нам о себе. Возможно, различия в их похоронных обычаях, о которых говорилось выше, побудили их быть общительными, а иногда даже словоохотливыми. Они установили свои надгробия в месте, которое посещается еще чаще, чем церковный двор. Они разместили их на обочине шоссе, сразу за городскими стенами, куда постоянно приходили или уходили люди. Вдоль Улицы Гробниц, когда выходишь из Помпей, или вдоль великой Аппиевой дороги, которая проходит из Рима в Капую, Южную Италию и Брундиций, порт отправления в Грецию и на Восток, они стоят по обе стороны проезжей части и безмолвно взывают к нашему вниманию. Мы знаем таких, как они, в ограде возле олд-Тринити в Нью-Йорке, на кладбище в Нью-Хейвене или на церковных дворах за морем. Они сообщают нам не просто дату рождения и смерти покойного, но и позволяют узнать достаточно о его жизни, чтобы придать ей определенную индивидуальность и придать ей особый колорит.

До нас дошло около 40 000 из них, и почти 2000 надписей на них являются метрическими. Эта конкретная группа представляет для нас особый интерес, потому что использование стихов, по-видимому, соблазняет гравера выйти за рамки голого изложения фактов и немного пофилософствовать о настоящем и будущем. Те, кто лежит под камнями, все еще требуют некоторого признания со стороны живых, поскольку они часто просят прохожего остановиться и прочесть их эпитафии, и когда римлянин шел по Аппиевой дороге две тысячи лет назад, или когда мы прогуливаемся по тому же шоссе сегодня, это безмолвная беседа с мертвыми. Иногда к нам обращается сам камень, как это делает Олус Грайниус:²² "Этот безмолвный камень умоляет тебя остановиться, незнакомец, пока он не раскроет свое предназначение и не скажет тебе, чью тень он скрывает. Здесь покоятся кости человека, скромного, честного и надежного — глашатая Олуса Граниуса. Это все. Оно хотело, чтобы ты знал об этом. Прощай. Эта жажда привлечь внимание прохожего заставляет автора одной эпитафии использовать в некотором роде тот же прием, который наши рекламщики используют в трамваях, когда говорят: "Не смотри на это место", ибо он пишет: "Не смотри в эту сторону и не желай узнавать нашу судьбу", но двумя строками позже, смягчившись, он добавляет: "Теперь остановись, путник... в этом узком месте отдыха",²³ и тогда мы узнаем всю историю целиком. Иногда драматический, реалистичный штрих достигается за счет того, что надпись облекается в форму диалога между умершими и теми, кто остался позади. На камне, найденном недалеко от Рима, есть надпись:²⁴ "Радуйся, имя, дорогое нам, Стефан,... твой Мосхис и твой Диодор приветствуют тебя". На что мертвец отвечает: "Радуйся, целомудренная жена, радуйся, Диодор, мой друг, мой брат". Покойник часто напрашивается на приятное слово от прохожего. Римляне, например, которые покидали Остию по большой дороге, читали на камне слова:²⁵ "Пусть все будет хорошо с теми, кто лежит внутри, а вам, кто идет своей дорогой и читает эти строки, скажи: "Земля тебе пухом". Это благочестивое приветствие теряет в наших глазах некоторый привкус спонтанности, когда мы обнаруживаем, что оно стало настолько условным, что обозначается начальными буквами нескольких слов: S (it) t (ibi) t (erra) l (evis). Путешественник и ушедший обмениваются добрыми пожеланиями на камне, найденном недалеко от Велитры:²⁶

"Пусть все будет хорошо у вас, кто читает, и у вас, кто проходит этот путь,
Подобные моим и мне, кто на этом месте построил мою гробницу".

Одна категория прохожих боялась обитателя под камнем - человека с кистью, который искал заметное место, на котором можно было бы нарисовать имя своего любимого политического кандидата. Такому человеку выражается надежда, "что его амбиции могут быть осуществлены при условии, что он прикажет своему рабу не раскрашивать этот камень".²⁷

Эти придорожные эпитафии, должно быть, наложили отпечаток на ум и характер римлянина, который мы едва ли можем оценить. Крестьянин читал их, когда тащился домой в базарные дни, джентльмен, когда ехал на свою виллу в сельской местности, и путешественник, который приезжал с Юга, Востока или Севера. В них история его страны излагалась в достижениях ее великих людей, ее преторов и консулов, ее полководцев, которые побеждали, и ее губернаторов, которые правили Галлией, Испанией, Африкой и Азией. В них описывались общественные заслуги и дела милосердия богатых и влиятельных людей, а также находили выражение домашние добродетели и самопожертвование более скромных мужчины и женщины. Вплотную к могиле какого-нибудь великого лидера, на которого народ или император осыпали всеми титулами и почестями, имевшимися в их распоряжении, мог стоять камень бедного врача Дионисия,²⁸ о котором сказано: "всем больным, приходившим к нему, он

оказывал свои услуги бесплатно; он излагал в своих поступках то, чему учил в своих наставлениях".

Но, возможно, больше стихотворных надписей, и именно о них мы здесь говорим, восхваляют женщин, чем мужчин. Они проясняют нам место, которое женщины занимали в римской жизни, состояние общества и женские качества, которые пользовались наибольшим уважением. Мир, который они изображают, совсем не похож на мир Овидия и Ювенала. Простые люди все еще придерживаются старых стандартов морали и долга. Вырождение разумного общества здесь мало продвинулось вперед. Брачные узы считаются священными; жена и муж, родитель и ребенок связаны друг с другом узами привязанности. Добродетели женщин - это те, которые Мартиниан записал на камне своей жены Софрониолы:²⁹

"Чистота, верность, привязанность, чувство долга, уступчивый характер и все те качества, которые Бог вложил в женщин".

(Castitas fides caritas pietas obsequium Et quaecumque deus foeminae inesse praecipit.)

На камне близ Турина³⁰ лет Валерий написал в память о своей жене простую строку:

"Чистый сердцем, скромный, с подобающей осанкой, сдержанный, благородных помыслов и пользующийся большим уважением".

(Casta pudica decens sapiens Generosa probata.)

В этом хвалебном хоре звучит только одна диссонирующая нота. Это яростное оскорбление стоит на алтаре в Риме:³¹ "Здесь на все времена была записана позорная летопись вольноотпущенницы Акте, с отравленным разумом, вероломной, хитрой и жестокосердной. О, нужен гвоздь, и пеньковая веревка, чтобы задушить ее, и пылающая смола, чтобы сжечь ее злое сердце".

Двойная дань уважения отдается некой Статилии в этой наивной надписи:³² "Ты, которая была прекрасна сверх всякой меры и верна своим мужьям, дважды вступала в узы брака ... и тот, кто пришел первым, если бы смог противостоять судьбе, установил бы этот камень в твою честь, в то время как я, увы! которые были благословлены твоим чистым сердцем и любовью к тебе на протяжении шестнадцати лет, о чудо! теперь я потерял тебя". Еще большими приверженцами истины в ущерб условностям являются два любящих мужа, которые позаимствовали прелестное двустишие, сочиненное в память о какой-то женщине "нежного возраста", и затем заменили на памятниках своих жен более правдивую фразу "среднего возраста",³³ а другой мужчина предостерегает женщин от чрезмерного использования драгоценностей, исходя из судьбы своей жены.³⁴

Вполне естественно, что, подходя к концу жизни, люди спрашивали себя о ее смысле, размышляли о состоянии после смерти и обращали свои мысли к силам, которые управляли их судьбой. Мы привыкли формировать свои представления о религии римлян на основе того, что писали о ней их философы, моралисты и поэты. Но между учением этих людей и верованиями простых людей лежит огромная пропасть. Только из изучения эпитафий мы знаем, что думал и чувствовал средний римлянин по этому поводу. Несколько лет назад профессор Харкнесс в замечательной статье "Скептицизм и фатализм простых людей Рима" показал, что "простые люди не верили в богов, которые занимают столь видное место в римской литературе, и что их

ближайшим приближением к вере в божество было признание судьбы", которая "редко проявляется как непреложный закон природы ... скорее как слепая необходимость, зависящая от случая, а не от закона". Боги упоминаются по имени только в поэтических эпитафиях и в поэтических целях, и даже здесь только каждая пятидесятая метрическая надпись содержит прямое упоминание о какой-либо сверхъестественной силе. Ни к одному из этих божеств, за исключением Матери-Земли, автор эпитафии не проявляет никакой привязанности. Это чувство можно увидеть в двустии, которое гласит:³⁵ "Мать-Земля, тебе мы вверили кости Фортунаты, тебе, которая приближается к своим детям как мать", и профессор Харкнесс глубоко мысленно замечает в этой связи, что "любовь к природе и преклонение перед ее красотами, которые составляют отличительную черту римской литературы в отличие от всех других литератур древности, являются результатом того чувства родства, которое итальянцы питали к матери-земле".

На первый взгляд нас немного удивляет, что римлянин не вставил между собой и этим смутным представлением о судьбе каких-то конкретных личностей, по крайней мере, каких-то личных агентов для осуществления предначертаний судьбы. Но в конце концов это не покажется таким уж странным, если мы вспомним тот факт, что божества ранних итальянцев не имели ни формы, ни субстанции. Антропоморфные учения греческой литературы, искусства и религии нашли отзвук в Юпитере и Юноне, Геркулесе и Пане Вергилия и Горация, но не произвели впечатления на веру простых людей, которые с тем уважением к традиции, которое было характерно для римлян, следовали образу мыслей отцов церкви.

Неверие в личных богов вряд ли согласуется с верой в жизнь после смерти, но большинство римлян верили в существование какого-то рода в потустороннем мире. Голландский ученый недавно установил этот факт вне всяких разумных сомнений путем тщательного изучения стихотворных эпитафий.³⁶ На одном надгробии написано:³⁷

"В ничто из ничего, как быстро мы уходим",

и еще:³⁸

"Когда-то нас не было, теперь мы такие, какими были",

и выражение "Я не был, я был, я не являюсь, мне все равно" (non fui, fui, non sum, non evo) использовалось настолько свободно, что время от времени его обозначают просто начальными буквами N.f.f.n.s.n.c., но по сравнению с огромным количеством надписей, в которых находит выражение вера в жизнь после смерти, таких высказываний немного. Но как и где должна была проходить эта жизнь, римляне сомневались. Выше мы заметили, как мало простые люди принимали веру поэтов в Юпитера, Плутона и других богов, или, скорее, как мало греческое искусство и литература повлияли на их теологию. В их представлении о месте пребывания после смерти все обстоит иначе. Многие из них верят вместе с Вергилием, что оно находится под землей. Как говорит один из них в своей эпитафии:³⁹

"Я не приношу горя нижнему миру".

Или у других поэтов считается, что усопшие обитают на Елисейских полях или Островах Блаженных. Как один камень взывает к прохожему:⁴⁰ "Да будет жив тот, кто сказал. "Она живет в Элизии", - а о маленькой девочке сказано:⁴¹ "Да расцветет тень твоя на полях Елисейских". Иногда душа отправляется на небо или к звездам: "Здесь покоится тело барда Лабери, ибо его

дух отправился туда, откуда пришел";⁴² "Могила хранит мои члены, моя душа отправится к звездам небесным".⁴³ Но чаще усопшие обитают в могиле. Как выразился один из них: "Это мой вечный дом; сюда меня поместили; здесь я останусь навсегда". Эта вера в то, что тень витает над могилой, объясняет адресованные ей приветствия, которые мы заметили выше, а также еду и цветы, которые приносят, чтобы удовлетворить ее аппетиты и вкусы. Эти почести умершим, похоже, не согласуются с нынешней римской верой в то, что тело превратилось в прах, а душа была облачена в некую бестелесную форму, но римляне были не более последовательны в своей эсхатологии, чем многие из нас.

Возможно, именно это смутное представление о состоянии после смерти лишило римлянина той ликующей радости в ожидании загробного мира, которую благочестивый христианин сто или более лет назад выразил в своих эпитафиях, где Золотой город был так ясно изображен его глазам, и в качестве компенсации римлянин был избавлен от страха смерти, поскольку в потустороннем мире ему не предстояло никакого судилища. Конца жизни ждали с разумным спокойствием. Иногда смерть приветствовалась, потому что она приносила покой. Как выразился житель Ламбсезиса:⁴⁴ "Здесь мой дом навеки; здесь отдых от тяжелого труда"; а на камне женщины мы читаем:⁴⁵

"Куда ты ушла, дорогая душа, ища покоя от тревог,

Ибо что еще, кроме неприятностей, было у тебя на протяжении всей твоей жизни?"

Но такой пессимистический взгляд на жизнь редко встречается на памятниках. Нередко усопший выражает определенное удовлетворение историей своей жизни, как это делает гражданин Беневента, который замечает:⁴⁶ "Я никому не причинил зла, многим я оказал услуги", или он рассказывает нам об удовольствии, которое он находил в хороших вещах жизни, и советует нам наслаждаться ими. Испанская эпитафия гласит:⁴⁷ "Ешь, пей, наслаждайся, следуй за мной" (*es bibe lude veni*). В более легком или словоохотливом тоне другой говорит:⁴⁸ "Пойдемте, друзья, насладимся счастливым временем жизни; давайте весело поужинаем, пока длится короткая жизнь, напивавшись вином, в веселом общении. Все эти люди вокруг нас делали то же самое, пока были живы. Они отдавали, получали и наслаждались хорошими вещами, пока были живы. И давайте подражать практике отцов. Живи, пока живешь, и ни на что не жалей дорогую душу, которую дали тебе Небеса". Эта жизненная философия выражена очень лаконично в словах: "То, что я ел и пил, у меня есть; то, что я упустил, я потерял",⁴⁹ и еще более конкретно в словах:

"Вино, любовные утехы и ванны ослабляют наше телесное здоровье,

Однако жизнь состоит из вина, амуров и ванн".⁵⁰

Под статуей лежащего человека с чашей в руке Флавий Агрикола пишет:⁵¹ "Тибур был моим родным местом; меня тоже звали Агриколой, Флавием.... Я, лежащий здесь, таким, каким ты меня видишь. И в мире наверху в те годы, что даровала судьба, я лелеял свою дорогую душу, и бог вина никогда не подводил меня.... Друзья, которые читают это, я прошу вас смешать вино и, прежде чем придет смерть, увенчать ваши храмы цветами и пить.... Все остальное земля и огонь поглотят после смерти ". Вероятно, мы были бы неправы, если бы прослеживали учение Эпикура, даже в его вульгаризированной популярной форме, теорию о том, что ценность жизни следует оценивать по материальным удовольствиям, которые она может предложить. Жизненная теория человека в значительной степени зависит от темперамента или конституции.

Он может найти поддержку этому в учениях философии, но он склонен выбирать философию, соответствующую его образу мышления, а не позволять своим взглядам на жизнь определяться абстрактными философскими учениями. Люди, эпитафии которых мы только что прочитали, вероятно, были бы гедонистами, если бы Эпикура никогда не было на свете. Интересно мимоходом отметить, что соблюдение этой концепции жизни естественным образом предполагает принятие одного из представлений о смерти, которые мы рассматривали выше, — что это конец всему.

В другой связи, год или два назад у меня была возможность поговорить о литературных достоинствах некоторых из этих метрических эпитафий,⁵² об их интересе для нас как образцах литературных произведений простых людей и об их ценности для обозначения эстетического вкуса среднего римлянина. Возможно, будет небезынтересно поговорить о литературной форме некоторых из них немного подробнее, чем это было возможно в данной связи. Латынь всегда была и продолжает оставаться у современных народов излюбленным языком для написания эпитафий и посвящений. Причины, по которым она удерживает свое излюбленное положение, не заставляют себя долго искать. Оно энергичное и краткое. С другой стороны, в английском и большинстве современных языков порядок, в котором слова могут располагаться в данном предложении, в большинстве случаев неумолимо определяется грамматической необходимостью. С латынью было иначе. Его высокопарный характер позволил, как мы знаем, расположить слова, передающие идею, в различном порядке, и эти различные группировки одних и тех же слов придавали предложению разные оттенки значения, а изменение последовательности, в которой представлены второстепенные концепции, обеспечивало различный эмоциональный эффект. При размещении контрастирующих слов рядом или в соответствующих местах предложения впечатление усиливается. Когда композиция принимает форму стиха, возможности контраста значительно расширяются. Высокая степень совершенства, до которой Гораций довел уравнивание и взаимосвязь идей в некоторых своих одах, иллюстрирует огромное преимущество, которым обладал латинский поэт перед английским писателем из-за гибкости используемых им средств выражения. Это преимущество было правом римлянина по рождению и придает определенное отличие даже стихам того народа, которые мы здесь обсуждаем. Некоторые другие стилистические качества этих метрических эпитафий, призванные произвести примерно такой же эффект, не покажутся нам столь достойными восхищения. Я имею в виду аллитерацию, игру словами, расположение акrostихов и эпиграмматические эффекты. Этим литературным уловкам мало места в наших серьезных стихах, и лучшие латинские поэты редко позволяют себе их использовать. Они кажутся особенно неуместными в эпитафии, которая должна избегать заученных эффектов и банальных приемов. Но писатели на ранних стадиях развития литературы и простые люди всех эпох находят в них удовольствие. Аллитерацию, звукоподражание, каламбур и игру слов можно найти у всех ранних латинских поэтов, и особенно часто они встречаются у таких литераторов, как Плавт и Теренций, Пакувий и Акций, которые писали для сцены, а следовательно, и для простых людей. Одной или двух иллюстраций использования этих литературных приемов может быть достаточно. Маленькая девочка в Риме, умершая в пятилетнем возрасте, носила странное имя Mater, или Мать, и на ее надгробии высечена сентиментальная надпись:⁵³ "Матерью я была по имени, матерью я не буду по закону". "Sepulcrum hau pulcrum pulcrae feminae" из знаменитой надписи Клаудии,⁵⁴ Профессор Лейн ловко перевел как "Место, не видное для видящей дамы". Перевести на английский, чтобы воспроизвести сложную игру слов, совершенно не в моих силах. эпитафия ритору Романию ловину:⁵⁵

"Docta loqui doctus quique loqui docuit."

В эпитафиях использовано большое разнообразие стихов, но дактилический гекзаметр и элегия являются излюбленными. Величественный характер гекzamетра делает его подходящим средством выражения серьезных чувств, в то время как внезапный обрыв во втором стихе элегического двустишия наводит на мысль об эмоциях автора. Стихи построены с большим вниманием к технике. Время от времени в них присутствует фальшивая величина, неприятная последовательность или тяжелый эффект, но такие огрехи сравнительно редки. В этих произведениях простых людей есть много тривиального, заурядного, и прозаичного, но время от времени попадает фраза, стих или целое стихотворение, которые демонстрируют силу, изящество или пафос. Не лишенный энергии оратор позднего периода написал на своем надгробии:⁵⁶ "Я жил, благословенный богами, друзьями, письмами".

(Vixi beatus dis, amicis, literis.)

Довольно милое, хотя и не такое уж необычное чувство возникает в элегическом двустишии, посвященном молодой девушке,⁵⁷ в котором слово *amoena* является прилагательным, означающим "приятно видеть", в первом, а во втором стихе это имя девушки: "Как роза - *amoena*, когда она цветет ранней весной, так и я была *Амоена* для тех, кто видел меня".

(Ut rosa amoena homini est quom primo tempore floret.

Quei me viderunt, seic Amoena fui.)

Есть нотка пафоса в надписи, которую мать нанесла на камень своего сына:⁵⁸ "Скорбящая мать установила этот памятник сыну, который никогда не причинял ей никакого горя, за исключением того, что его больше нет", и в этой дани уважения мужу:⁵⁹ "Из моих скудных средств, теперь, когда пришел конец, жена моя, все, что я мог сделать, этот подарок, маленький-маленький по заслугам твоим, я сделал". Эпитафия маленькой девочке по имени Фелиция, или Китти, содержит это чувство в изящных стихах:⁶⁰ "Покойся спокойно на земле, и над твоей могилой произрастет благоухающий бальзам, и розы сладкие обвьют твои погребенные кости". На камне маленькой девочки, носившей имя Ксантиппа и прозвище Иайя, есть надпись с одним из двух милых выражений. На этом мы можем должным образом завершить наш краткий обзор этих стихов о простых людях Рима. В несколько вольном переводе это, в частности, гласит:⁶¹ "Независимо от того, огорчает ли тебя мысль о смерти или о жизни, дочитай до конца. Ксантиппа по имени, в шутку называемая также Иайей, спасается от печали, поскольку ее душа отлетает от тела. Она покоится здесь, в мягкой земной колыбели,... Миловидная, очаровательная, с острым умом, веселой речью. Если в небесных богах есть хоть капля сострадания, отнесите ее к солнцу и свету".

II. Их посвященные и эфемерные стихи

В предыдущей статье мы рассмотрели некоторые римские метрические эпитафии. Эти композиции, однако, не включают в себя все стихотворные произведения простых людей Рима. На храмах, алтарях, мостах, статуях и стенах домов время от времени мы находим отрывки из стихов. Большинство дошедших до нас строк посвящения посвящены Гераклу, Сильвану, Приапу и Цезарям. Трудно сказать, принадлежат ли сюда две знаменитые надписи, посвященные Гераклу, сделанные сыновьями Вертулея и Муммием. Во всяком случае, они, вероятно, были сочинены любителями и представляют для нас особый интерес, потому что

относятся ко второму веку до нашей эры и, следовательно, стоят недалеко от начала латинских букв; они показывают нам язык до того, как он был усовершенствован и приспособлен для литературных целей Эннием, Вергилием и Горацием, и они написаны древними местными сатурнианскими стихами, на которые Ливий Андроник, "Отец латинской литературы", перевел "Одиссею". Следовательно, они показывают нам язык до того, как он приобрел популярность в польском языке и утратил свою силу под влиянием греков. Второе из этих двух маленьких стихотворений, по сути, является указательным пальцем на развилке путей римской цивилизации. Оно было написано на табличке, вделанной в стену храма Геркулеса, и увековечивало триумфальное возвращение в Рим Муммия, завоевателя Коринфа. Это указывает на старые добрые времена римского презрения к греческому искусству и незнания его, поскольку Муммий в своем глупом безразличии к прекрасным памятникам Коринфа сделал себя типичным филистером на все времена. Это указывает на новую греко-римскую цивилизацию Италии, потому что произведения искусства, которые, как говорят, привез с собой Муммий, и греки, которые, вероятно, последовали за ним, усилили тот поток греческого влияния, который в следующем столетии или двух прокатился по полуострову.

В том же примитивном размере, что и эти посвящения, написана Песня братьев Арваль, которая была найдена выгравированной на камне в роще богини Деа Диа, в нескольких милях от Рима. Этот гимн жрецы пели на майском празднике богини, когда земледельцы приносили им первые плоды земли. У нее нет собственных литературных достоинств, но она переносит нас назад, за пределы великих войн с Карфагеном за господство в западном Средиземноморье, за пределы соперничества с Пирром за господство в Южной Италии, за пределы борьбы за жизнь с самнитами в Центральной Италии, даже за пределы основания города на Тибре, к народу, который жил возделыванием земли и уходом за своими стадами.

Но мы отвернулись от стихов посвящения. На мостах, перекинутых через наши ручьи, мы иногда записываем имена уполномоченных, инженеров или мостостроителей, ответственных за сооружение. Возможно, мы поступаем мудро, считая, что эти прозаические надписи подходят для наших уродливых железных мостов. Их более живописные каменные сооружения время от времени вызывали у римлян искушение перейти к стихам и выйти за рамки простого изложения фактов строительства. Над Анио в Италии, на мосту, который восстановил Нарсес, великий полководец Юстиниана, римлянин, проходя мимо, прочел изящными стихами:⁶² "Мы продолжаем наш путь, а под нашими ногами быстро бегут воды потока, и мы наслаждаемся, слыша рев разъяренной воды. Идите же радостно, вольготно, квириды, и пусть гулкое эхо ручья всегда поет о Нарсесе. Тот, кто смог покорить непреклонный дух готов, научил реки нести суровое иго".

Интересно отметить, что самые красивые из стихотворений-посвящений посвящены лесному богу Сильванусу. Одно из этих стихотворений Тит Помпоний Виктор, агент цезарей, оставил начертанным на табличке⁶³ высоко в Греческих Альпах. Оно гласит: "Сильванус, наполовину заключенный в священном ясене, могущественный хранитель ты этого наслаждения в высотах. Тебе мы посвящаем в стихах эти благодарственные слова, потому что через поля и альпийские вершины, и через твоих гостей в сладко пахнущих рощах, в то время как я вершу правосудие и служу заботам цезаря, своей покровительственной заботой ты ведешь нас. Верни меня и моих близких в Рим еще раз и даруй, чтобы мы могли возделывать итальянские поля под твоим присмотром. В гердоне я подарю за это тысячу могучих деревьев". Красивая картина. Этот наместник цезаря завершил свои долгие и опасные путешествия по диким местам Севера,

выполняя свои обязанности. Теперь его лицо обращено к Италии, а мысли сосредоточены на Риме. В этом "маленьком садике", как он его называет, в горах он изливает свою благодарность лесному богу, который благополучно перенес его через опасности и завел так далеко по пути домой, и он клянется, что подарит своему защитнику тысячу деревьев. Очень жаль, что мы не знаем, как должен был быть исполнен обет — мы уверены, не вырубкой деревьев. Одну строчку из небольшого стихотворения Виктора стоит процитировать в оригинале. Он благодарит Сильвануса за то, что тот провел его в безопасности "через горные вершины и через Туике люси, учтивого олентиса, гостеприимного". Кто такие *гостеприимцы*? Мы предполагаем, что это дикие лесные звери. *hospites*, конечно, может означать либо "гости", либо "хозяева", и со стороны Виктора было бы изрядным тщеславием думать о волках и медведях как о гостях лесного бога, как мы рискнули передать эту фразу в приведенном выше переводе. Или это хозяева Виктора, чьи характеры были настолько изменены Сильванусом, что Виктор получал от них дружескую помощь, а не яростные атаки?

Об очень современной практике свидетельствует камень, найденный возле знаменитого храма Эскулапа, бога врачевания, в Эпидавре в Арголиде, на котором рельефно изображены два уха, а под ними латинское двустиише:⁶⁴ "Давным-давно Кутий Галл поклялся отдать эти уши тебе, потомок Феба, и теперь он поместил их сюда, ибо ты исцелил его уши". Это древний *ex-voto*, который, с одной стороны, напоминает культ Эскулапа, который Уолтер Патер так очаровательно изобразил в "Мариусе Эпикурейце", а с другой стороны, показывает нам, что практика установки *ex-voto*, которых сегодня так много в святилищах и церквях за морем, была заимствована у язычников. Довольно сентиментальная надпись⁶⁵, найденная недалеко от древней деревни Учетия на юге Франции: "Это святилище Нимф построил я, потому что много раз пользовался этим источником как стариком, так и юношей".

Все стихи, которые мы рассматривали до этого момента, дошли до нас, более или менее тщательно выгравированные на камне в честь какого-либо бога, в память о каком-либо важном достижении или в память об ушедшем друге. Но помимо этих официальных записей прошлого, мы находим великое множество наспех нацарапанных или раскрашенных сентиментальных записок, которые представляют для нас особый интерес, поскольку являются небрежными излияниями или неизученными произведениями момента и как ничто другое передают нам атмосферу древности. Оштукатуренные стены домов и заостренное перо, которым писали на восковых табличках, представляли собой слишком сильное искушение, перед которым бездельник или прохожий не мог устоять. Людям этого класса и торговцам, рекламирующим свои товары, мы обязаны тремя тысячами или более граффити, найденных в Помпеях. Эфемерные надписи, которые предназначались для практических целей, такие как объявления о выборах, о гладиаторских боях, о сдаваемых домах, о потерянных вещах, выставленных на продажу, сделаны в прозе, но измученный любовью бездельник часто выражал свои чувства стихами, и эти стихи заслуживают здесь беглого упоминания. Один мужчина из этого класса в своем эротическом экстазе пишет на стене Помпейской базилики:⁶⁶ "Пусть я погибну, если захочу быть богом без тебя". Эта надежда навсегда зародилась в груди помпейского возлюбленного, что иллюстрируют последние две строки этого трагического заявления:⁶⁷

"Если ты можешь и не хочешь,
Не оставляй мне больше надежды.

Надеюсь, ты воспитаешь и ты когда-нибудь
Прикажи мне прийти завтра снова.
Заставь меня тогда умереть
Кого ты заставляешь жить
Жизнь отдельно от тебя.
Смерть будет благом,
Чтобы не мучиться.
И все же какая надежда исчезла
Любящему возвращается надежда".

Это излияние побудило другого прохожего написать под ним дельфийское изречение: "Пусть человек, который прочтет это, никогда не прочтет ничего другого". Симптомы болезни в ее наиболее острой форме описаны неким римским влюбленным в стихах, которые он оставил нам на стене дворца Калигулы на Палатине:⁶⁸

"В моем сердце нет мужества,
Я не могу сомкнуть глаз от сна,
Прилив нахлынувшей любви
В течение дня и ночи".

Кажется, что это исходит от того, кто смотрит на влюбленного сочувственным взглядом, но сам свободен от фантазий:

"Кто любит, тому доброго здоровья,
И погибнет тот, кто не знает как,
Но пусть он будет вдвойне разорен
Который не поддастся зову любви".⁶⁹

Первый стих этого маленького стихотворения,

"Quisquis amat valeat, pereat qui nescit amare,"

представленное первым двустишием английского перевода, оно напоминает размашистый припев, который мы находим столетием или двумя позже в *Pervigilium Veneris*, этом последнем лирическом порыве языческого мира, написанном накануне весеннего праздника Венеры:

"Cras amet qui nunquam amavit quique amavit eras amet."

(Завтра он полюбит того, кого никогда не любил

А кто любил, тот полюбит и завтра.)

Можно было бы провести интересное исследование излюбленных типов женской красоты римских поэтов. Гораций воспекает "золотоволосых" Пирр, и Филлис, и Хлою и, кажется,

восхищался блондинками, но поэт из простого народа, который записал свое мнение по этому поводу в атриуме помпейского дома, демонстрирует более католический вкус, хотя его свобода суждений несколько ограничена:

"Моя прекрасная девочка научила меня ненавидеть

Брюнетки с черными локонами.

Я буду ненавидеть, если смогу, но если нет,

"По своей воле я должен любить и их".⁷⁰

С другой стороны, у одного помпеянца был такой врожденный страх перед брюнетками, что всякий раз, когда он встречал кого-нибудь из них, он считал необходимым принять соответствующее противоядие или профилактическое средство:

"Тот, кто любит деву темную

Угольной тьмой поглощен он.

Когда девичья тьма освещает меня

Я ем спасительную ежевику".⁷¹

Эти поэты-любители не полагаются полностью на свою собственную Музу, но заимствуют из Овидия, Проперция или Вергилия, когда вспоминают высказывания тех писателей, которые выражают их чувства. Иногда берется метка, или строчка, или двустишие, но заимствования с некоторым мастерством вплетаются в контекст. Приведенный выше поэт, находящийся под принуждением своей белокурой возлюбленной, взял вторую половину своего произведения дословно из Овидия, а для первой половины изменил строчку Проперция. Другие писатели выражали свои чувства в стихах на более прозаические темы. Путешественник, направлявшийся в столицу, нацарапал эти строки на стене, возможно, винной лавки, где он остановился перекусить.⁷²

- Сюда мы пришли в безопасности.

Теперь я спешу своим путем,

Чтобы она снова стала моей

Чтобы увидеть наши Лары, Рим".

В какой-то момент на помпейской улице глаз прохожего уловил бы это замечание, написанное стихами-доггерами:⁷³

- Здесь не место бездельникам.

Лежак, подвинься!"

На стене винной лавки буфетчица так рекламировала свой товар.⁷⁴

- Здесь за цент можно выпить,

За два цента можно получить кое-что еще лучше.

Всего четыре цента, если вы заплатите,

Фалернское вино - твое.

Должно быть, это был прямой потомок одного из паразитов Плавта, написавшего.⁷⁵

- Для меня он варвар

В чей дом меня не пригласили пообедать.

Вот высказывание, которое звучит очень современно:

"Общее мнение таково:

Это имущество должно быть разделено".⁷⁶

Этот налет современности напоминает о другой группе стихов, которые максимально сближают древность с некоторыми современными практиками. Римляне, как и мы, были великими путешественниками и любителями экскурсий, и чудеса Египта, в частности, привлекали их, как и они нас, с непреодолимой силой. Прежде всего, огромная статуя Мемнона, которая издавала странный звук, когда на нее падали первые лучи восходящего солнца, привлекала путешественников отовсюду. Те из нас, кто знаком с Мамонтовой пещерой, Ниагарским водопадом, Садам богов или некоторыми другими чудесами природы, наверняка помнят, как любят определенная категория посетителей увековечивать себя, выцарапывая свои имена или чувства на стенах или скалах, из которых состоят эти чудеса. Подобные надписи мы находим на стенах храмов в Египте — три из них появляются на статуе Мемнона, фиксируя в стихах тот факт, что авторы посетили статую и услышали голос бога на восходе солнца. Одна из этих египетских путешественниц, некая римлянка, путешествовавшая вверх по Нилу, нацарапала эти стихи на стене храма в Мемфисе:⁷⁷

"Пирамиды без тебя я не видел,

Мой милый брат, и все же, как ни печально,

Горькие слезы потекли по моим щекам,

И с грустью вспоминаю о твоём теперешнем отсутствии

Я высекаю здесь эту меланхолическую ноту".

Далее следуют имя и титулы отсутствующего брата, который больше известен потомкам по этим нацарапанным строчкам "Кулинарного туриста", чем по каким-либо дошедшим до нас официальным записям. Все эти популярные поэтические произведения, которые мы обсуждали до сих пор, были выгравированы на камне, бронзе, лепнине или на каком-либо другом прочном материале. Очень немногие фрагменты такого рода стихов, длиной от одной до полудюжины строк, дошли до нас в литературе. Они также обладают уникальным отличием, являясь образцами римской народной поэзии, и некоторые из них встречаются в самых неожиданных местах. Два из них сохранены ученым комментатором Посланий Горация. Они возвращают нас в школьные годы. Когда мы читаем

"Чума забирает того, кто доберется до меня последним",⁷⁸

мы видим римского мальчишку, стоящего на рыночной площади и повторяющего магическую формулу, а напротив него ряд подростков на цыпочках, каждый из которых ждет сигнала, чтобы пробежать через разделяющее пространство и первым прикоснуться к своему товарищу. Какие видения первых дней возвращаются к нам — дней, когда мы взяли за руки в кругу и танцевали

вокруг одного или двух детей, помещенных в центр круга, и пели в унисон какой-нибудь припев, прочитав у того же комментатора песенку Горация, которая гласит:⁷⁹

"Королем ты будешь

Если у тебя все получится.

Если ты поступишь плохо

Тебя там не будет.

Другие фрагменты римской народной поэзии, которые у нас есть, в большинстве своем сохранены Светонием, любителем посплетничать биографом Цезарей. Они напоминают о совершенно разных сценах. Цезарь с триумфом вернулся в Рим, приведя в своей свите галлов в штанах, чтобы смешаться на улице с одетыми в тогу римлянами. У него даже хватило наглости зачислить некоторых из этих странных народов в римский сенат, этот древний орган достоинства и условностей, и люди распевают на улицах песенку:⁸⁰

"Цезарь с триумфом ведет галлов,

Он ставит их и в сенате.

Теперь они облачились в тогу в широкую полосу

И сняли свои бриджи.

Подобные действия со стороны Цезаря побудили какого-то политического стихотворца написать на статуе Цезаря двустороннее, противопоставляющее его поведение поведению первого великого республиканца Луция Брута:

"Брут изгнал королей из Рима,

И таким образом стал первым консулом.

Этот человек выгнал консулов,

И, наконец, стал королем".⁸¹

Мы можем предположить, что эти стихи сыграли немалую роль в том, что побудили Марка Брута последовать примеру своего предка и присоединиться к заговору против тирана. Еще одним отрывком из народной поэзии, процитированным Светонием, мы можем завершить наш очерк. Германик Цезарь, цвет императорской семьи, блестящий полководец и кумир народа, внезапно поражен смертельной болезнью. Толпы людей заполняют улицы, чтобы услышать последние новости из палаты больного своего героя. Внезапно по улицам разносится слух, что кризис миновал, что Германик будет жить, и толпы людей хлынули на площади, скандируя:

"Теперь Рим спасен,

Тоже спас землю,

Спас нашего Германика".⁸²

Происхождение реалистического романа у римлян

Одна из самых увлекательных и мучительных проблем истории литературы касается происхождения художественной прозы у римлян. Мы можем проследить рост эпоса с его зарождения в третьем веке до нашей Эры, по мере того, как он набирает силу в поэмах Невия, Энния и Цицерона, пока не достигнет своего полного расцвета в "*Энеиде*", а затем мы можем увидеть упадок его силы в "*Фарсалии*", "*Пунике*", "*Фиваиде*" и "*Ахиллее*", пока он практически не умрет естественной смертью в мифологических и исторических поэмах Клавдиана. С достаточным успехом можно проследить также, каким образом трагедия, комедия, лирическая поэзия, история, биография и другие виды литературы в прозе и стихах возникли и развивались у римлян. Но происхождение и ранняя история романа покрыты мраком неизвестности. Великий реалистический роман Петра Нису первого века нашей эры не имеет юридически признанного предка и не имеет прямых потомков. Ситуация становится еще более удивительной, если вспомнить ее вероятный размер в первоначальном виде. Конечно, до нас дошла только часть, всего около ста десяти страниц. Его огромный размер, вероятно, оказался фатальным для сохранения его в законченном виде или, по крайней мере, способствовал достижению этой цели, поскольку было подсчитано, что он занимал от шестисот до девятисот страниц, следовательно, будучи длиннее, чем средний роман Диккенса и Скотта. Следовательно, мы имеем дело не с куском эфемерной литературы, а с тщательно продуманным произведением высокой степени совершенства, за которым мы должны ожидать долгую линию развития. Мы озадачены не столько полным отсутствием чего-либо в области художественной прозы до времен Петрония, сколько трудностью установления какой-либо удовлетворительной логической связи между этими литературными произведениями и романом Петрония. На самом деле мы сбивы с толку различными возможностями, которые представляет эта ситуация. Работа демонстрирует точки сходства с несколькими предшествующими формами композиции, но пробелы, которые лежат в любой предполагаемой линии происхождения, настолько велики, что заставляют нас усомниться в ее правильности.

Если мы вспомним нынешнее состояние этого романа и те его характерные черты, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу, природа проблемы и ее сложность также станут очевидны сразу. Из оригинального произведения, в довольно фрагментарном виде, сохранились только четыре или пять основных эпизодов, одним из которых является блестящая история обеда у Трималхиона. Действие происходит по большей части в Южной Италии, и главные герои - вольноотпущенники, сколотившие свое состояние, и дегенераты-фримены, добывающие себе ненадежное пропитание своим умом. Свободные люди, которые являются центральными фигурами романа, переживают самые разнообразные переживания, большинство из которых позорного рода, и эта история - история низкой жизни. Женщины играют важную роль в повествовании, возможно, более важную, чем в любой другой древней литературе - по крайней мере, их индивидуальность более выражена. Действенный мотив - эротический. Я говорю "действенный", потому что общепринятый мотив, который, по-видимому, объясняет все злоключения антигероя Энколпия, - это гнев оскорбленного божества. Большая часть книги пропитана атмосферой сатиры, которая возбуждает наше любопытство и в то же время ставит нас в тупик, потому что трудно сказать, насколько этот элемент присущ самой теме, а насколько заложен в замысле автора. Для общества парвеню характерно в меру своих возможностей подражать умному обществу, а его социальные функции представляют собой пародию на аналогичные события в высшем обществе. История о званом обеде, например,

рассказанная таким *нуворишем*, как Трималхио, постоянно напоминала бы нам своим сходством и непохожестью, своими грехами упущения и совершения, о подобном событии в приличном обществе. Другими словами, это была бы пародия на приличный ужин, даже если бы человек, описавший событие, ничего не знал об обычаях хорошего общества и без каких-либо скрытых мотивов в уме точно описал поступки своих персонажей-выскочек. Например, когда шеф-повар ресторана Trimalchio загоняет в столовую трех белых поросят якобы для того, чтобы гости могли выбрать одну из них для следующего блюда, памятуя о наших собственных обезьяньих завтраках и обедах на лошадях, мы можем почувствовать, что это вполне вероятная попытка римского парвеню подражать своим хозяевам в приготовлении ужина несколько необычного. Сотрудники ресторана smart set в Риме стараются произвести впечатление на своих гостей ценностью и весом своей серебряной посуды. Почему бы ведущему нашей истории не выбрать более прямой и эффективный способ достижения той же цели, выгравировав вес серебра на каждом изделии? Он так и делает. Для него это совершенно естественно. В хорошем обществе говорят о литературе и искусстве. Почему для Трималхиона не естественно направить разговор в то же русло, даже если он заставляет Ганнибала захватить Трою и сбивает с толку эпических героев и некоторых покойных чемпионов гладиаторского ринга?

Другими словами, многое из того, что является сатирическим у Петрония, является таковым только потому, что мы проводим в своем сознании сравнение между деяниями его богатых вольноотпущенников и требованиями хорошего вкуса и умеренности. Но, по-видимому, можно обнаружить сатирическую или циничную цель со стороны автора, идущую дальше, чем это связано с выбором его темы и реалистичным представлением его персонажей. Петронию, кажется, доставляет удовольствие вкладывать свои самые замечательные чувства в уста презренных персонажей. Некоторые из лучших литературных произведений того периода, которые у нас есть, он представляет через посредство риторика-паразита Агамемнона. Эта счастливая фраза, характеризующая стиль Горация, "*curiosa felicitas*", которой, возможно, никогда не было равных по своей краткости и уместности, придумана неисправимым поэтом Эвмолпом. Именно он также сочиняет и декламирует две довольно блестящие эпические поэмы, вошедшие в *Сатиру*, одна из которых была встречена градом камней прохожими. Страстный панегирик карьере Демокрита, Хрисиппа, Лисиппа и Мирона, которые терпели голод, боль и изнурение тела и разума ради науки, искусства и блага своих ближних, а также обличительная речь против стремления к комфорту и удовольствиям, характерных для людей его времени, вложены в уста того жеруэ Эвмолпа.

В этих ситуациях присутствует истинный гораццианский юмор. Самое серьезное и систематическое рассуждение, которое Гораций дал нам в своих Сатирах об искусстве жить, исходит от слабоумного Дамасиппа, который потерпел неудачу в своей собственной жизни. В другом из своих стихотворений, после того как он очень подробно описал слабости своих собратьев-смертных, сам Гораций обвиняется в непоследовательности, в рабстве своих страстей и в том, что его собственный раб Давус стал жертвой вспыльчивости. Мы снова вспоминаем литературный метод Горация в его сатирах, когда читаем драматическое описание кораблекрушения в "Петронии". Ночная тьма опускается на воду; маленькое суденышко, на котором находятся герой и его друзья, отдано на милость моря; Лихаса, капитана судна, смывает с палубы волной, Энколпий и его товарищ Гитон готовятся умереть в объятиях друг друга, но трагическая сцена заканчивается нелепой картиной Эвмолпа, выкрикивающего сквозь рев бури новое стихотворение, которое он записывает на огромном куске пергамента.

Очевидно, Петроний испытывает тот же страх быть принятым слишком всерьез, который Гораций так часто демонстрирует в своих Сатирах. Циничная или, по крайней мере, безнравственная позиция Петрония проявляется еще более отчетливо в конце того же отрывка. Из тех, кто был на злополучном корабле, дегенераты Энколпий, Гитон и Эвмолп, причинившие Личасу непоправимое зло, спасаются, в то время как благочестивый Личас встречает ужасную смерть. Все это, по-видимому, проясняет не только то, что тема, рассматриваемая Петрониусом, неизбежно включает сатиру на современное общество, но и то, что автор занимает сатирическое или циничное отношение к жизни.

Еще одной характеристикой истории является ее реалистичность. В ней нет чудесных приключений и, по сути, невероятных происшествий. Автор никогда не навязывает нам свою личность, как это иногда делает его преемник Апулей или как это делал Теккерей. Мы знаем, каковы люди в этой истории, не по описанию их автором, а по их действиям, по предметам, о которых они говорят, и по тому, как они разговаривают. Агамемнон говорит так, как мог бы говорить ритор, Хабиннас - как миллионер-каменерез, а Эхион - как торговец тряпьем, и их язык и стиль - это то, чего мы должны ожидать от людей их положения в обществе и их профессий. Беседы Трималхиона и его гостей-вольноотпущенников не остроумны, а их шутки неумны. Эта приверженность истинным принципам реализма особенно примечательна в случае такого блестящего писателя, как Петрониус, и те из нас, кто помнит некоторые из сверхъестественно умных бесед на страницах Генри Джеймса и других современных романистов, могут почувствовать, что в этом отношении он более настоящий художник, чем они.

У романа Петрония есть еще одна характеристика, которая имеет значение, если мы попытаемся проследить происхождение этого вида литературы. Она облечена в прозаически-поэтическую форму, то есть отрывки в стихах вставляются то тут, то там в повествование. В нескольких случаях они цитируются, но по большей части это оригинальные сочинения романиста. Их объем варьируется от двустиший до стихотворений в триста строк. Иногда они составляют неотъемлемую часть повествования или, опять же, иллюстрируют какую-то мысль, развивают идею в стихах или являются стихотворными упражнениями.

Мы попытались выявить характерные черты этого романа, чтобы понять, каковы существенные элементы проблемы, с которой приходится сталкиваться при попытке объяснить происхождение того типа литературы, который представлен произведением Петрония. Что было в предшествующей литературе такого, что помогло бы нам понять появление на итальянской земле в первом веке нашей эры длинной эротической истории приключений, реалистично описывающей повседневную жизнь, отмеченной сатирическим тоном и склонностью к прозаико-поэтической форме? Именно этот вопрос возникает в результате проведенного нами выше анализа характеристик этой истории. У нас нет честолюбивой надежды решить ее, однако простая постановка загадочной, но интересной проблемы стимулирует воображение и интеллект, и я испытываю искушение затронуть эту тему, потому что обнаружение определенных папирусов в Египте в последние годы привело к формулировке новой теории происхождения романа об опасных приключениях и, следовательно, может пролить некоторый свет на источник нашего реалистического романа о повседневной жизни. Моя цель, таким образом, состоит в том, чтобы кратко рассказать о различных жанрах литературы более раннего периода, с которыми история Петрония может иметь какое-то прямое отношение или от которых Петронию могло прийти предложение для его работы. Некоторые из этих линий возможного происхождения были искусно прослежены другими. В их взгляды кое-где я внес некоторые

изменения и привлечь внимание к одному или двум типам литературы, относящимся к более раннему периоду и до сих пор остававшимся незамеченными в этой связи, которые могут помочь нам понять появление реалистического романа.

Кажется, что эта история о низменных мотивах и вульгарных действиях далека от героических эпизодов эпической поэзии, и все же *Сатиры* содержат немало более или менее прямых намеков на эпические ситуации и персонажей. Общепринятый мотив истории Петрония - гнев оскорбленного божества. Повествование в "*Одиссее*" и "*Энеиде*" основывается на одной и той же основе. Корабль их врага Лихаса, на котором заперты Энколпий и его спутники, напоминает им пещеру циклопа; Гитона, прячущегося от городского глашатая под матрасом, сравнивают с Улиссом, который прячется под овцой и цепляется за ее шерсть, чтобы скрыться от глаз Циклопа, в то время как женщина, чьи чары привлекли внимание Энколпия в Кротоне, носит имя Цирцея. Из этих воспоминаний, по-видимому, становится ясно, что Петроний имел в виду эпос, когда писал свою историю, и его роман вполне может быть прямой или косвенной пародией на эпическое повествование. Родэ в своем анализе серьезного греческого романа столетий, последовавших за Петронием, постулировал следующее развитие этой формы повествования: путешественники, возвращающиеся из отдаленных уголков мира, рассказывали замечательные истории о своем опыте. Некоторые из этих историй приняли литературную форму в "*Одиссее*" и "*Сказаниях об аргонавтах*". Они появились и в прозе, в рассказах, подобных "*Истории о Синдбаде-Мореходе*", гораздо более позднего времени. Более определенный сюжет и большая драматическая напряженность были приданы этим приключенческим рассказам добавлением эротического элемента, который часто принимал форму двух разлученных любовников. Этот элемент в некоторой степени используется, например, в отношениях Одиссея и Пенелопы, возможно, в эпизоде с Энеем и Дидоной и в истории о Ясоне и Медее. Вторжение мотива любви в истории о полубогах и героях, так что все повествование вращается вокруг него, иллюстрируется такими историями из "*Метаморфоз*" Овидия, как истории о Пираме и Фисбе, Плутоне и Прозерпине или Мелеагре и Аталанте. Элемент любви, который, возможно, развился таким образом из-за его незначительного использования в эпосе, и элемент приключения составляют основу серьезных греческих романов Антония Диогена, Ахилла Татия и других писателей последующих веков за Петронием.

Прежде чем попытаться связать *Сатиру* с серьезным романом только что упомянутого типа, давайте проследим другую нисходящую линию, которая приведет нас к той же объективной точке, а именно к появлению серьезной истории в прозе. К рассмотрению возможной связи этого вида художественной прозы с эпосом нас привело присутствие в них обоих элемента любви и элемента приключения. Но у греческого романа есть еще одна довольно заметная черта. Это риторическое высказывание, и это качество наводит на мысль, что оно, возможно, пришло не из эпоса, а из риторического упражнения. В последние годы эта теория получила подтверждение благодаря открытию в Египте двух фрагментов романа о Ниносе. В первом из этих фрагментов герой Нинос умоляет свою тетю Деркею, мать его возлюбленной, разрешить ему жениться на его двоюродной сестре. Все аргументы в поддержку его заявления и против него выдвигаются и уравниваются друг с другом очень систематическим образом. Он побеждает Деркею. Позже, в том же фрагменте, девушка обращается к Тамбе, матери Ниноса, в чем-то схожей манере. Второй фрагмент в основном посвящен кампаниям Ниноса. Здесь мы имеем двух влюбленных, вероятно, разлученных отъездом Ниноса на войну, в то время как герой, по крайней мере, подвергается опасностям кампании.

После публикации текста этой находки было высказано мнение, что большая роль, отводимая в рассказе тщательно сбалансированным аргументам, указывает на то, что рассказ вырос из упражнений в аргументации в риторических школах.⁸³ Сенека старший сохранил для нас в своих *Спорах* примеры тем, которые задавались учащимся в этих школах. Студента попросили представить себя перед предполагаемой дилеммой, а затем обсудить соображения, которые побудили бы его принять ту или иную линию поведения. Некоторые из этих ситуаций предполагают прекрасные драматические возможности, например, жизненные условия, когда самоубийство казалось оправданным, злоключения с пиратами или поворот дел, угрожающий женской добродетели. Прежде чем студент дойдет до аргументации, история должна быть рассказана, и из этих приключенческих рассказов, рассказанных с самого начала для развития дилеммы, возможно, выросла романтика адавантюры, написанная ради нее самой. История Ниноса представляет особый интерес в связи с этой теорией, потому что она, вероятно, была очень короткой и, следовательно, может дать нам связующее звено между риторическим упражнением и длинным романом более позднего периода, а также потому, что это самый ранний известный серьезный роман. На обороте содержащегося в нем папируса приведены некоторые фермерские отчеты за 101 год н.э. Очевидно, к тому времени свиток превратился в макулатуру, а сама история, возможно, была составлена столетием или даже двумя столетиями ранее. Что касается этой второй теории, то мы можем мимоходом задать вопрос, есть ли у нас какой-либо другой пример литературного жанра, выросшего из упражнений школьников. Обычно учитель приспособливает к своим целям ту или иную форму творческой литературы, которая уже существует.

Если пока не принимать во внимание это возражение, то роман о любви и рискованных приключениях, возможно, является прямым потомком либо эпоса, либо риторических упражнений. Какая бы из этих двух точек зрения ни была правильной, открытие романа о Ниносе заполняет пробел в одной теории происхождения реалистического романа Петрония, и этим мы здесь занимаемся. До того, как была найдена история Ниноса, не было известно ни одного серьезного романа и ни одного названия такого романа до времен Петрония. Эта история, как мы видели, вполне может восходить к первому веку до Рождества Христова или, по крайней мере, к началу нашей эры. Вполне возможно, что подобные истории, но ныне утраченные, существовали даже в более ранние времена. Более или менее за столетие, прошедшее между предполагаемой датой появления этих греческих повествований и временем Петрония, необычайное коммерческое развитие Рима создало новую аристократию — аристократию богатства. В гармонии с этим социальным изменением военный вождь и политический лидер, бывшие героями старой художественной литературы, уступили место солидному деловому человеку новой, подобно тому, как Фаддей Варшавский уступил свое место в наших современных романах Сайласу Лэфему, и в результате получилась буржуазная эротическая история приключений, какую мы находим в дошедших до нас греческих романах второго и третьего веков нашей эры. Если мы можем предположить, что эта стадия развития была достигнута до времен Петрония, мы можем рассматривать его роман как пародию на такой роман. Если, однако, буржуазный роман появился не ранее 50 г. н.э., то, если мы рассматриваем его историю как пародию на прозаическое повествование, это должна быть пародия на такой героический роман, как роман Ниноса, или пародия на более длинные героические романы, которые развились из риторического повествования. Если бы раскопки в Египте или в Геркулануме выявили серьезную буржуазную историю приключений, они дали бы нам

недостающее звено. До тех пор, пока такое открытие не будет сделано, цепочка доказательств будет неполной.

Две теории реалистического романа, которые мы обсуждали, предполагают, что это пародия на какую-то предшествующую форму литературы, и что этот факт объясняет появление в нем сатирического или циничного элемента. Другие исследователи истории литературы, однако, считают, что эта характеристика была заимствована непосредственно из милезийской сказки⁸⁴ или сатиры Мениппа.⁸⁵ К скольким различным видам историй древние применяли термин "милетская сказка", является предметом спора, но существование этой новеллы до времен Петрония не подлежит сомнению. Действительно, мы находим ее образцы. В самой обычной форме она представляла собой отдельный эпизод повседневной жизни. Она выявляла какую-то человеческую слабость. Очень часто это была история незаконной любви. Его жизненная философия гласила: ни мужская честность, ни женская добродетель не являются непререкаемыми. Во всех этих отношениях, за исключением того факта, что в нем представлен только один эпизод, он напоминает *Сатиры* Петрония. По крайней мере, две истории такого типа можно найти в дошедших до нас фрагментах романа о Петрониусе. Одна из них рассказана как хорошо известная сказка поэта Эвмолпа, а другая рассказана им как личный опыт. Более дюжины из них включены в роман Апулея "*Метаморфозы*", а современные образцы их можно увидеть у Боккаччо и у Чосера. На самом деле они были популярны с двенадцатого по восемнадцатый век. Задолго до времен Петрония они время от времени встречаются в литературе. Хороший образец, например, можно найти в письме, которое обычно приписывают Эсхиному в четвертом веке до нашей эры. еще в первом веке до Рождества Христова были составлены их подборки и переведены на латынь. Такое развитие событий наводит на мысль об интересном возможном происхождении реалистического романа. В таких сборниках, как только что упомянутые, относящихся к первому веку до нашей эры, центральные фигуры были разными в разных историях, как это имеет место, например, в "Кентерберийских рассказах". Такой оригинальный писатель, каким был Петрониус, вполне мог подумать о том, чтобы соединить эти разные эпизоды, сделав их переживаниями одного человека. Энколпий Петрония в этом случае был бы в некотором роде древним Донжуаном. Если мы сравним "Тысячу и одну ночь" с одной из групп историй, встречающихся в романах "Круглого стола", мы сможем увидеть, что означал бы этот шаг вперед. Все сказки, носящие название "Тысячи и одной ночи", имеют одинаковую общую постановку и одинаковую трактовку, и они вложены в уста одного и того же рассказчика. Группа рассказов "Ланселот за круглым столом", однако, демонстрирует более близкий подход к единству, поскольку истории в ней касаются одного и того же человека и имеют общую конечную цель, даже если она расплывчата. Когда этот момент был достигнут, должна была появиться реалистическая повесть *мансе*. Мы думали о реалистическом романе как о состоящем из серии милетских рассказов. Однако мы можем рассматривать это как расширенную милезийскую сказку, точно так же, как ученые начинают думать об эпосе как о росте из одной героической песни, а не как о результате объединения нескольких таких песен.

Чтобы перейти к другой возможности, очень заманчиво увидеть связь между *Сатирами* Петрония и прологом комедии. Плавт считал необходимым добавить ко многим своим пьесам описание событий, предшествовавших действию пьесы. В некоторых случаях он заходил так далеко, что описывал в прологе действие самой пьесы, чтобы зрители могли разумно следить за ним. Это вступительное повествование занимает до семидесяти шести строк в *Менехмах*, до восьмидесяти двух в *Руденах* и до ста пятидесяти двух в *Амфитрионе*. Таким образом, это

становится короткой реалистичной историей повседневных людей, часто включающей любовную интригу, и рассказанной ямбическим сенарием, самой простой формой стиха. За ним следует более развернутое повествование о самой комедии, с ее эпизодами и диалогами. Это сочетание сжатого повествования в форме рассказа, представленного обычно в виде монолога в простых стихах, и расширенного повествования в драматической форме с его разговорным элементом, вполне могло натолкнуть на мысль о написании реалистического романа в прозе. Небольшое, хотя и не фатальное, возражение против этой теории заключается в том факте, что прологи к комедии после Плавта изменили свой характер и содержат мало повествования. Это несерьезное возражение, поскольку пьесы Плавта были известны образованным людям и в более поздний период.

Пантомима дает нам еще больше точек соприкосновения с творчеством Петрония, чем комедия.⁸⁶ К сожалению, как для нашего понимания римской жизни, так и для решения стоящего перед нами вопроса, до нас дошли лишь фрагменты этой формы драматической композиции. Однако даже из них ясно, что пантомима очень откровенно и реалистично описывает повседневную жизнь. В новой комедии есть свои условности в отношении ситуаций и языка. Старшая сестра, например, не должна быть представлена в сомнительном свете, а язык *language* - это разговорная речь высших классов. Пантомима не признает таких ограничений в изображении жизни. Замужняя женщина, ее глупый муж и ее любовник - обычные фигуры в этой форме драмы, и, если мы можем сделать вывод из недавно обнаруженных фрагментов греческих мимов, речь шла о простых людях. Опять же, у новой комедии свой ограниченный список стандартных персонажей — старик, хитрый раб, паразит и другие, которых мы так хорошо знаем по Плавту и Теренцию, но что касается пантомимы, то любая фигура, которую можно увидеть на улице, может найти в ней место — ритор, солдат, охотник за наследством, трактирщик или городской глашатай. Пародировались деяния королей и героев. Нам даже рассказывают, что на сцену были поставлены комические Гектор и Ахилл, и боги не остались невредимыми. Все эти характерные черты пантомимы поразительным образом напоминают нам роман Петрония. Его работы, как и пантомима, представляют собой реалистичную картину низменной жизни, в которой представлено большое разнообразие персонажей и отсутствует уважение к общепринятой морали. Особенно интересно отметить элемент пародии, который мы уже наблюдали у Петрония, в обоих видах литературных произведений. Теория о том, что Петронию, возможно, композиция его *Сатур* была подсказана пьесами этого типа, значительно подкрепляется тем фактом, что пантомима достигла наивысшей точки популярности при дворе во времена Нерона, в правление которого жил Петроний. На самом деле Петроний часто ссылается на пантомиму. Один из этих отрывков имеет особое значение в этой связи. Энколпий и его товарищи въезжают в город Кротон и обдумывают, какое устройство им принять, чтобы жить, не работая. Наконец Эвмолпу приходит в голову счастливая идея, и он говорит: "Почему бы нам не соорудить пантомиму?" и пантомима разыгрывается, причем Эвмолп изображает сказочно богатого человека при смерти, а остальные - его сопровождающих. Роль пользуется большим успехом, и все бродяги в труппе играют свои предполагаемые роли в повседневной жизни в Кротоне с таким мастерством, что местные охотники за наследием осыпают их вниманием и осыпают подарками. Фактически, весь этот эпизод можно рассматривать как пантомиму, отлитую в повествовательной форме, и та же концепция может быть с большим правдоподобием применена ко всей истории Энколпия.

До сих пор мы рассматривали интересующий нас вопрос со стороны предмета и тона рассказа Петрония. Другой подход предложен сатирой Мениппа,⁸⁷ лучшие образцы которой дошли до

нас во фрагментах Варрона, одного из современников Цицерона. Эти сатиры представляют собой *олла подрида*, затрагивающие всевозможные темы в сатирической манере, иногда облеченные в форму диалога и отлитые *всмеси* прозы и стихов. Именно эта последняя характеристика представляет для нас особый интерес в данной связи, поскольку в прозе Петрония свободно используются стихи. Иногда, как мы наблюдали выше, они составляют неотъемлемую часть повествования, и опять же они просто иллюстрируют или расширяют тему, затронутую в прозе. Если бы это не выходило за рамки нашей непосредственной цели, было бы интересно проследить историю этой прозаико-поэтической формы со времен Петрония и далее. После него им, по-видимому, не очень часто пользовались вплоть до третьего и четвертого веков нашей эры. Однако Марциал в первом веке поместил прозаический пролог к пяти книгам своих эпиграмм, и один из этих прологов заканчивается стихотворением из четырех строк. Нескольким книгам "*Сильвий*" Статия также предшествуют письма-посвящения в прозе. Это странное подражание *Aulularia* Плавта четвертого века, *Querolus*, написано наполовину в прозе, наполовину в стихах. Предложение начинается в прозе и переходит в стихи, как и некоторые эпитафии. Послания Авзония того же столетия составлены из прозы и большого разнообразия стихов. К пятому и шестому векам очень распространена *смесь* стихов или сочетание прозы и стихосложения, как это можно видеть в трудах Марциана Капеллы, Сидония Аполлинария, Эннодия и Боэция. Это снова повторяется в наше время, например, в "*Новой жизни*" Данте, в "Боккаччо", "*Окассене и Николетте*", "*Гептамероне*", "*Кельтских балладах*", "*Арабских ночах*" и в "*Алисе в стране чудес*".

Немного поразмыслив, можно предположить, что прозаико-поэтическая форма является естественным средством выражения. Переход от прозы к стихам или от одной формы стихосложения к другой предполагает изменение эмоционального состояния говорящего или писателя. Мы видим это достаточно ясно на примерах трагедии или комедии. Например, в захватывающей сцене из "*Пленников Плавта*", где Тиндар находится в смертельном ужасе от того, что трюк, который он сыграл со своим хозяином Хегио, может быть раскрыт и его отправят на закованные в цепи работы в каменоломни, стихом является семеричная хорей. Как только напряженность заканчивается, она переходит к ямбическому сенариусу. Если бы мы расположили простые латинские стихи в последовательности, соответствующей эмоциональному воздействию, которое они производят, в конце ряда стоял бы ямбический сенарий. Над этим шел бы хорейский стих, и мы поднялись бы на более высокие уровни экзальтации, читая анапестический, или критский, или вакхический. Большая часть жизни обыденна. Следовательно, обычным средством для разговора или повествования в таком произведении, как комедия, полностью состоящем из стихов, является сенариус. Эта форма стиха в ее простом, почти естественном количественном расположении очень близка к прозе, и было бы коротким шагом заменить ее прозой в качестве основы рассказа, вставляя стихи то тут, то там для разнообразия, или когда в игру вступают эмоции, подобно тому, как лирические стихи вставляются в ямбическое повествование. Таким образом, может быть объяснено сочетание различных видов стиха в драме и прозиметрум сатиры Мениппа и Петрония, и мы видим возможную линию происхождения от комедии и этой формы сатиры к *Сатирам*.

Эти различные теории происхождения романа Петрония — о том, что он может быть связан с эпосом, с серьезным героическим романом, с буржуазной приключенческой историей, развившейся из риторических упражнений, с милезийской сказкой, с прологом комедии, *смесью стихов* комедии или пантомимы, или с прозаически-поэтической сатирой Мениппа, — как мне кажется, необязательно являются взаимоисключающими. Его роман вполне можно

рассматривать как пародию на серьезный роман, с частыми реминисценциями эпоса, пародию, подсказанную ему комедией и ее прологом, пантомимой или короткой циничной милезийской повестью, облеченную в форму сатиры Мениппа; или, что касается сюжета и реалистической трактовки, предположение могло исходить непосредственно от мима, и если мы можем принять теорию некоторых ученых, которые недавно изучали пантомиму, что иногда она содержала как прозу, так и стихи, мы можем быть склонны считать это предположением. тип литературы как непосредственный прародитель романа, даже в том, что касается внешней формы, и оставить сатиру Мениппа вне линии происхождения. Независимо от того, представляется ли нам вероятным то или иное из этих объяснений его происхождения, интересно отметить, поскольку мы оставляем эту тему, что, насколько позволяет наша нынешняя информация, реалистический роман, по-видимому, был изобретением Петрония.

Эдикт Диоклетиана и высокая стоимость жизни

Историю роста патернализма в Римской империи еще предстоит написать. Это был бы увлекательный и поучительный отчет. В нем отчетливо проявились бы изменения в характере римлян и в их социальных и экономических условиях. Это выявило бы странную смесь достойных и недостойных мотивов у их государственных деятелей и политиков, которые иногда руководствовались сочувствием к бедным, иногда желанием народной благосклонности, честным желанием обуздать расточительность или безнравственность, или страхом, что недовольство масс может толкнуть их на революцию. Мы должны были бы найти римский народ, осознавший угрозу своему простому, бережливому образу жизни, которая заключалась в вторжении греческой цивилизации, и в своей беспомощности обратившийся к своим чиновникам, цензорам, с просьбой защитить их от деморализации, которой они не смогли противостоять своими собственными усилиями. Мы должны были бы найти тех же чиновников, проповедующих против расового самоубийства, экстравагантного образа жизни и уклонения от выполнения общественных обязанностей, и налагающих штрафы и ограничения самым деспотичным образом как на высокопоставленных, так и на низких людей, которые не смогли принять официальные стандарты поведения. Нам следует прочитать о законах, принятых в том же духе, законах, ограничивающих количество гостей, которых можно принимать за один прием, и предписывающих штрафы как для гостей, так и для хозяина, если стоимость ужина превышает установленный законом предел. Все это относится к ранней стадии отеческого правления. Мотивы были достойны похвалы, даже если результаты оказались тщетными.

С приходом Гракхов, ближе к концу второго века до нашей эры, моральные соображения становятся менее заметными, а патернализм приобретает более филантропический и политический характер. Мы видим, как это изменение отражено в законах о земле и хлебе. Чтобы сначала заняться бесплатным распределением земли государством, в первые дни Республики во вновь завоеванных районах Италии были основаны колонии граждан для службы в качестве гарнизонов на границе. Это была честная сделка между гражданином и государством. Он получил землю, государство, защиту. Но с Тиберием Гракхом происходят перемены. Его колонисты должны были быть расселены в мирных районах Италии; они должны были получить землю исключительно из-за своей бедности. Это был социализм или государственная филантропия. Подобно аграрному законопроекту Тиберия, хлебный закон Гая Гракха, предусматривавший продажу зерна ниже рыночной цены, был отеческой мерой,

отчасти продиктованной сочувствием к нуждающимся. Политический элемент очевиден и в обоих случаях. Люди, которым, таким образом, благоприятствовали наделения землей и продовольствием, естественно, поддерживали лидеров, которые им помогали. Возможно, в этой связи следует упомянуть обширное строительство дорог, которым занимался Гай Гракх. Очевидным назначением этих великих магистралей, возможно, их основной целью, было развитие Италии и облегчение сообщения между различными частями полуострова, но для их строительства требовалось большое количество людей, и Гай Гракх вполне мог взяться за это дело, отчасти с целью обеспечения работой безработных. Из этих небольших начинаний развилась социалистическая политика более поздних времен. Говорят, что к середине первого века до нашей эры насчитывалось триста двадцать тысяч человек, получавших от государства порции зерна, и, если люди могли рассчитывать на то, что правительство обеспечит их жизненными потребностями, почему бы им не надеяться, что оно удовлетворит их менее насущные потребности? Или, другими словами, если один политик заручился их поддержкой, раздав им кукурузу, почему бы другому не повысить свою популярность, обеспечив их развлечениями и жизненными удобствами? Естественно, за этим следуют подарки в виде масла и одежды, проведение игр и театральных представлений за счет государства, а также строительство портиков и общественных бань. По мере того как правительство и богатые граждане брали на себя все большую ответственность за благосостояние граждан, люди становились все более и более зависимыми от них и все менее способными управлять своими собственными делами. Свидетельством этого изменения мы видим упадок местного самоуправления и принятие на себя центральной администрацией ответственности за ведение государственных дел в городах Италии. Это последнее соображение предполагает еще один этап римской истории, который выявил бы изучение патернализма — я имею в виду влияние его внедрения на характер римского народа.

История патернализма в Риме, когда она будет написана, может рассматриваться с нескольких разных точек зрения. Если бы автор был склонен интерпретировать историю с экономической точки зрения, он мог бы найти объяснение изменению политики правительства по отношению к своим гражданам во введении рабского труда, который при Республике загнал свободного работника в угол и заставил его обращаться за помощью к государству, в упадке сельского хозяйства и росте капитализма. Социолог заметил бы отток людей в города и внезапное скопление там большого числа людей, которые не могли обеспечить себя сами и в своем недовольстве могли перевернуть общество. Историк, который занимается главным образом политическими изменениями, обратил бы внимание на социалистическое законодательство Гракхов и их политических преемников и связал бы рост патернализма с развитием демократии. Во всех этих объяснениях была бы определенная доля правды.

Но я не планирую здесь писать историю патернализма среди римлян. Это один из проектов, который я приберегал на тот день, когда Фонд Карнеги должен был вручить мне деревянный меч и позволить мне уйти с академической арены. Но, увы! попечители этого благотворного учреждения, пересмотрев недавно условия, при которых университетский профессор может отказаться от действительной службы, в своей мудрости перенесли этот день академического досуга на греческие календы, и вместе с этим моя мечта улетучилась.

Здесь я хочу представить только эпизод из этой истории, который мы обсуждали, эпизод, который, однако, уникален в древней и, насколько мне известно, в современной истории. Наши сведения об этом инциденте почерпнуты из эдикта императора Диоклетиана, и этот документ

имеет прямое отношение к предмету сегодняшних дискуссий, поскольку в нем содержится обличительная речь против высокой стоимости жизни и рассказывается о героической попытке римского правительства снизить ее. В своем стремлении снизить цены до того, что он считал нормальным уровнем, Диоклетиан не удовлетворился полумерами, которые мы применяем в наших попытках пресечь комбинации в ограничении торговли, но он смело установил максимальные цены, по которым могли продаваться говядина, зерно, яйца, одежда и другие товары, и предписал смертную казнь для любого, кто продаст свой товар по более высокой цене. Его эдикт - очень всеобъемлющий документ, в нем указаны цены на семьсот или восемьсот различных товаров. Эта систематическая попытка регулировать торговлю во многом соответствовала характеру Диоклетиана и его теории правления. Пожалуй, ни один римский император, за возможным исключением Адриана, не проявил таких выдающихся административных способностей и не предложил столько радикальных социальных реформ, как Диоклетиан. Показательным примером является его систематическая попытка подавить христианство, и за последние двадцать лет своего правления он полностью реорганизовал правительство. Он откровенно ввел монархический принцип, определил способ наследования престола, переделал провинции, установил тщательно дифференцированную систему должностных лиц, позаботился о придворном этикете и одежде, реорганизовал чеканку монет и систему налогообложения. Поэтому нас не удивляет, что у него хватило смелости взяться за этот сложный вопрос о высоких ценах и что его план охватывал почти все товары, которые его подданные могли бы приобрести.

Прошло почти ровно два столетия с тех пор, как были обнародованы первые фрагменты указа, касающегося этого вопроса. Они были обнаружены в Кари в 1709 году Уильямом Шерардом, английским консулом в Смирне. С тех пор время от времени в Египте, Малой Азии и Греции находили другие фрагменты табличек, содержащих отдельные части эдикта. В настоящее время известны фрагменты из двадцати девяти его копий. Четырнадцать из них на латыни и пятнадцать на греческом. Греческие версии отличаются друг от друга, в то время как латинские тексты идентичны, за исключением ошибок, допущенных камнерезами здесь и там. Эти факты ясно показывают, что первоначальный документ был составлен на латыни и был переведен на греческий местными чиновниками каждого города, где были установлены таблички. Мы уже заметили, что образцы эдикта не были найдены за пределами Египта, Греции и Малой Азии, а это была та часть римского мира, где правил Диоклетиан. Ученые также заметили, что почти все упомянутые промышленные изделия происходят из восточных регионов. Из этих фактов был сделан вывод, что эдикт должен был распространяться только на Восток, или, что, возможно, более вероятно, что Диоклетиан разработал его для своей части римского мира, и что прежде, чем он мог быть применен к Западу, он был отменен.

По известным тогда фрагментам Моммзен составил весьма удовлетворительную реконструкцию документа и опубликовал ее в *Своде латинских надписей*.⁸⁸

Реставрационная работа была подобна сложению частей картинки-пазла, в котором не хватает некоторых фрагментов. Фрагменты все еще появляются на свет, и, возможно, когда-нибудь у нас будет полный текст. На данный момент введение завершено, и, возможно, сохранилось четыре пятых списка статей с приложенными ценами. Введение начинается с величественного списка титулов двух августов и двух цезарей, в котором дата провозглашения датируется 301 годом н.э. Затем следует длинный перечень обстоятельств, которые побудили правительство принять этот радикальный метод контроля цен. Это введение - одно из самых необычных произведений,

отличающихся напыщенностью, смешанными метафорами, свободным синтаксисом и бессвязными выражениями, которыми обладает латинская литература. Судя по его стилю, возникает соблазн заключить, что это произведение было создано собственным пером Диоклетиана. Он был человеком скромного происхождения и не захотел жить в Риме, опасаясь, что над ним будут смеяться из-за его плебейского воспитания. Витиеватый и неуклюжий стиль этих вступительных страниц - именно то, чего нам следует ожидать от человека с таким прошлым.

Перевести их на понятный английский язык очень сложно, но из одного или двух отрывков можно составить некоторое представление об их стиле и содержании. Объясняя ситуацию, с которой сталкивается мир, император пишет: "Ибо, если бушует алчность... который, без оглядки на человечество, растет и развивается семимильными шагами, мы не скажем, из года в год, из месяца в месяц или изо дня в день, но почти из часа в час и даже из минуты в минуту, можно было бы сдерживать некоторым уважением к умеренности, или если бы благосостояние народа могло спокойно переносить эту безумную вольность, от которой в подобной ситуации оно изо дня в день страдает наихудшим образом, возможно, появились бы какие-то основания для сокрытия правды и молчания ; ... но поскольку налицо лишь бесконтрольное безумное желание не обращать внимания на нужды многих, ... нам, отцам народа, когда мы смотрим в будущее, кажется хорошим, чтобы правосудие вмешалось и беспристрастно разрешило вопросы, чтобы то, на что так долго надеялось само человечество, могло быть обеспечено для общего правительства всех средствами, которые предоставляет наша забота.... У кого настолько ожесточенное сердце и настолько нетронутое чувством человечности, что он может не знать, нет, что он не заметил, что при продаже товаров, которыми обмениваются на рынке или которыми занимаются в повседневной жизни городов, непомерная тенденция к росту цен распространилась до такой степени, что необузданное желание грабежа не сдерживается ни изобилием, ни сезонами изобилия!"

Если бы мы не знали, что это было найдено на табличках шестнадцатисотлетней давности, мы могли бы подумать, что читаем газетную обличительную речь против завода-холодильника или мясного треста. Что Император решил сделать, чтобы исправить ситуацию, он излагает ближе к концу введения. Он говорит: "Поэтому мы рады, что цены, указанные в прилагаемом письменном резюме, соблюдаются на всей территории нашего домена, чтобы все могли знать, что лицензия на превышение этих цен была отозвана.... Нам приятно (также), что если какой-либо человек смело вступит в противоречие с этим официальным законом, он подвергнет свою жизнь опасности.... Такой же опасности подвергнется и тот, кто, увлекаемый алчностью в своем желании купить, вступит в заговор против этих законов. Также не будет считаться невиновным в том же преступлении тот, кто, имея предметы, необходимые для повседневной жизни и использования, впоследствии решит, что их можно придержать, поскольку наказание должно быть еще более суровым для того, кто причиняет нужду, чем для того, кто нарушает законы ".

Нижеприведенные списки расположены в трех столбцах, в которых указаны соответственно артикул, единица измерения и цена.⁸⁹

Frumenti	ĶM	
Hordei	ĶM unum	□-c(entrum)
Centenum sive sicale	" " "	□-sexa(ginta)

Mili pisti	" " "	□-centu(m)
Mili integri	" "	□-quingenta'

Первый товар (frumentum) - это пшеница, которую продает КМ (kastrensis modius= 18½ кварты), но цена на нее недостаточна. Ячмень продается kastrensis modius по ~~Х~~центу (centum denarii = 43 цента) и так далее.

Обычно прейскурант цен не представляет особого интереса, но таблицы Диоклетиана дают нам картину материальных условий по всей империи в его время, которую невозможно получить ни из какого другого источника, и по этой причине заслуживают некоторого внимания. Это соображение придает мне смелости привести на следующих страницах некоторые выдержки из основного текста указа:

Выдержки из Списка максимальных цен Диоклетиана

Я

В приведенных здесь таблицах латинские и греческие названия перечисленных статей переведены на английский язык. Принятая в настоящее время мера количества — например, бушель или кварта — была заменена древней единицей измерения, и дана соответствующая цена для современной единицы измерения. Таким образом, ячмень должен был продаваться kastrensis modius (= 18½ кварты) по цене 100 динариев (= 43,5 цента). По этому курсу бушель ячменя принес бы 74,5 цента. Для удобства пользования здесь использованы номера глав и пунктов, принятых в тексте Моммзена. Приведены только избранные статьи.

(Единица измерения, бушель)

1	Пшеница	
2	Ячмень	74,5 цента
3	Рожь	45"
4	Просо, молотый	74,5"
6	Просо, цельное	37"
7	Полба, очищенная от скорлупы	74,5"
8	Полба, неочищенная	22,5"
9	Фасоль, молотая	74,5"
10	Фасоль, не измельченная	45"
11	Чечевица	74,5"
12-16	Горох разных сортов	45-74,5"
17	Овес	22,5 "
31	Мак	\$ 1,12
34	Горчица	\$ 1,12
35	Горчица готовая, литр,	6 "

//

(Единица измерения, кварта)

1а	Вино из Пицена	22,5 цента
2	Вино из Тибура	22,5 "
7	Вино из Фалерна	22,5"
10	Вино из страны	6"
11-12	Пиво	1,5-3"

///

(Единица измерения, кварта)

1	Масло, первого сорта,	30,3 цента,
2	Масло, второго сорта,	18 дюймов,
5	Уксус,	4,3 дюйма,
8	Соль, бушель,	74,5 дюйма,
10	Мед, лучшего качества,	30,3 дюйма,
11	Мед, второго качества,	15 дюймов

iv

(Единица измерения, если не указано иное, фунт Авоирдупуа)

1	Свинина	7,3 цента
2	Говядина	4,9 дюйма
3	Козлятина или баранина	4,9 дюйма
6	Свиная печень	9,8 дюйма
8	Ветчина, лучше всего	12 дюймов
21	Гусь искусственного откорма (1)	87 дюймов
22	Гусь искусственного откорма (1)	43,5 дюйма
23	Пара домашней птицы	36 дюймов
29	Пара голубей	10,5 дюйма
47	Баранина	7,3 дюйма
48	Козленок	7,3 "
50	сливочного	масла 9,8 "

V

(Единица измерения, фунт)

1a	Морская рыба с острыми шипами	14,6 цента
2	Рыба второго сорта	9,7 "
3	Речная рыба высшего качества	7,3 дюйма
4	Рыба второго сорта	4,8 дюйма
5	Соленая рыба	8,3 дюйма
6	Устрицы (по сотне штук)	43,5 дюйма
11	Сухой сыр	7,3 дюйма
12	Сардины	9,7 дюйма

VI

1	Артишоки, крупные (5),	4,3 цента
7	Листьев салата, лучшего (5),	1,7 дюйма
9	Капусты, лучшего (5),	1,7 дюйма
10	капусты, мелкой (10),	1,7 дюйма
18	Репы, крупной (10),	1,7 дюйма
24	кресс-салата, в пучке по 20	4,3 дюйма
28	Огурцов высшего качества (10),	1,7 дюйма
29	, Маленькие огурцы (20)	1.7 "
34	спаржи садовой, в пучке (25)	2.6 "
35	Дикой спаржи (50)	1.7 "
38	Очищенной зеленой фасоли, литр	3"
43	Яиц (4)	1.7"
46	Улиток, крупные (20)	1.7"
65	яблок, лучше всего (10)	1.7"
67	яблок, маленькие (40)	1.7"
78	Инжир лучший (25 штук)	1,7 "
80	столового винограда (2,8 фунта)	1,7 "
95	Овечьего молока, кварта	6 дюймов
96	Сыра свежего, кварта	6 дюймов

VII B

(где А (К) это трудящийся получает его "сохранить" тоже)

, 1A	чернорабочий (к)	10.8 центов
2	Каменщик (к)	21.6 "
3	столяр (для внутренних работ) (к)	21.6 "
3a	Столяр (к)	21.6 "
4	известково-горелка (к)	21.6 "
5	мрамор-работница (к)	26 "
6	мозаика-работника (хорошо работают) (к)	26 "
7	каменщика (к)	21.6 "
8	стене-художник (к)	32.4 "
9	рисунок-художник (к)	64.8 "
10	вагон-чайник (к)	21.6 "
11	Смит (к)	21.6 "
12	Бейкер (к)	21.6 "
13	Судостроитель, для морских судов (к)	26 "
14	корабля-застройщика, для речных судов (к)	21.6 "
17	драйвера для верблюдов, осел или мул (л)	10.8 "
18	овчарка (к)	8.7 "
20	ветеринарии, для резки и выпрямления копытами, одно животное	2.6 "
22	парикмахерская, для каждого человека	.9 цент
23	овцы-Ширер, за каждый баран (к)	.9 "
24a	Медник, для работы в латуни, за фунт	3.5 центов
25	Медник, для работы в меди, за фунт	2.6 "
26	Медник для отделки судов, за фунт	2.6 "
27	Медник, для отделки фигур и статуй, за фунт	1.7 "

29	создатель статуи и т. д., за день (л)	32.4 "
31	водоноса, за день (л)	10.9 "
32	канализации-чище, за сутки (к)	10.9 "
33	нож-измельчитель, для старых сабля	10.9 "
36	нож-измельчитель, для двойной топор	3.5 "
39	писателем, 100 линий лучшей написания	10.9 "
40	писателя, 100 строк обычного письма	8.7 "
41	документе Writer для записи 100 строк	4.3 "
42	Портной, для вырезания и производство одежда первого	26.1 "
43	Портной, для вырезания и производство одежда второго	17.4 "
44	для большой капюшон	10.9 "
45	для небольшой капот	8.7 "
46	для брюк	8.7 "
52	чувствовал, лошадь одеяло, черный или белый, 3 кг вес	43.5 "
53	крышку, первое качество, с вышивкой, 3 фунтов веса	\$1.09
64	гимнастические учителя, на одного учащегося в месяц	21.6 центов
65	работнику наблюдать за детьми, за ребенка, за месяц	21.6 "
66	учителей начальных классов, на одного учащегося в месяц	21.6 "
67	Учитель арифметики, на одного учащегося в месяц	32.6 "
68	преподавателя стенографии, в расчете на одного учащегося, в месяц	32.6 "
69	письменной форме-учителя, на одного учащегося в месяц	21.6 "
70	Учитель греческий, латынь, геометрию, на одного	87 "

	учащегося в месяц	
71	Учитель риторики, в расчете на одного учащегося, в месяц	\$1.09
72	или адвокат за представление случае	\$1.09
73	для отделки случае	\$4.35
74	преподавателем архитектуры, в расчете на одного учащегося, в месяц	43.5 центов
75	наблюдателя одежды в общественной бане, для каждого покровителя	.9 цента

VIII к

1это	скрыть, Вавилонского, первое качество	\$2.17	
2	скрывал, Вавилонское, второе качество	\$1.74	
4	спрятаться, Phœnician (?)	43	центов
6a	воловьей кожи, необработанные, первое качество	\$2.17	
7	воловьей кожи, подготовили для обувной подошвы	\$3.26	
9	скрытия, второе качество, необработанные	\$1.31	
10	скрытия, второе качество, работала	\$2.17	
11	козья кожа, большие, необработанные	17 центов	
12	козья кожа, большие, работали	22 "	
13	овчины, большие, необработанные	8.7 "	
14	овчины, большой, работали	18 "	

17	Лайка, необработанные	4.3 "
18	Лайка, работал	7 "
27	волчью шкуру, необработанные	10.8 "
28	волчью шкуру, работал	17.4 "
33	медвежья шкура, большие, необработанные	43 "
39	Leopardskin, необработанные	\$4.35
41	Lionskin, работала	\$4.35

IX

5a	Сапоги высшего качества для погонщиков мулов и крестьян, за пару, без гвоздей	52 цента
6	Солдатские сапоги без гвоздей	"
7	Обувь патрициев	"
8	Обувь сенаторов	"
9	Рыцарские ботинки	30,5 дюйма
10	Женские сапоги	26 дюймов
11	Солдатские ботинки	32,6 дюйма
15	Женские туфли из воловьей кожи на двойной подошве	21,7 "
16	Женская обувь из воловьей кожи на одинарной подошве	13 "
20	Мужские тапочки	26"
21	Женские тапочки	21,7 "

XVI

8a	швейная игла высшего качества	1,7 цента
9	Швейная игла второго качества	.9 цента

XVII

1	Перевозка, 1 человек, 1 миля	.9 центов
2	Арендная плата за вагон, 1 миля	5 центов
3	Плата за перевозку вагона вместимостью до 1200 фунтов стерлингов за милю	8,7 "
4	Плата за перевозку верблюда 600 фунтов за милю	3,5 дюйма
5	Арендная плата за груженого осла, за милю	1,8 дюйма
7	Сено и солома, 3 фунта	.9 цента

XVIII

1a	гусиных перьев, за фунт	43,5 цента
11a	чернил, за фунт	5 дюймов
12	тростниковых ручек из пафоса (10)	1,7 дюйма
13	тростниковых ручек второго качества (20)	1,7 дюйма

XIX

1	Военная мантия высшего качества,	17,40
2	Нижнее белье, тонкое,	8,70
3	Нижнее белье, обычное,	5,44
5	Белое покрывало, лучшего сорта, весом 12 фунтов	6,96
7	Обычное покрывало, весом 10 фунтов	2,18
28	Лаодикийская далматика [<i>то есть туника с рукавами</i>], 8,70	
36	Британская мантия, с капюшон	26,08\$
39	Нумидийская мантия с капюшоном	13,04
42	Африканская мантия с капюшоном	6,52

51	Лаодикийская штормовка высшего качества	21,76
60	Плащ галльского солдата	43,78\$
61	Плащ африканского солдата	2,17

XX

1a	Для вышивальщицы, вышивающей нижнее белье из полушелка, за унцию	87 центов
5	Для вышивальщицы золотом, если она работает с золотом, за тончайшую работу, за унцию	4,35
9	Для ткачихи по шелку, которая работает с материалом из полушелка, помимо "кеер", за день	11 центов

XXI

2	За обработку тарентской, лаодикийской или другой иностранной шерсти, с удержанием, за фунт	13 центов
5	Ткачей за тонкую работу, с удержанием, в день	18 "

XXII

4	Платы Фуллера за плащ или накидку, новые	13 центов
6	Платы Фуллера за грубую женскую далматинскую рубашку, новые	21,7 "
9	Платы Фуллера за новое нижнее белье из полушелка	76 "
22	Платы Фуллера за новую Лаодикийскую накидку.	76 "

XXIII

1	белый шелк, за фунт	52,22 доллара

XXIV

1	Натуральный фиолетовый шелк, за фунт,	652,20 долл.
2	Натуральная фиолетовая шерсть, за фунт,	217,40 долл.
3	Натуральная светло-фиолетовая шерсть, за фунт,	139,26 долл.
8	Никейская алая шерсть, за фунт,	6,53 долл.

XXV

1	Промытая тарентская шерсть, за фунт	76 центов
2	Промытая лаодикийская шерсть, за фунт	65 дюймов
3	Промытая шерсть из Астурии, за фунт	43,5 дюйма
4	Промытая шерсть наилучшего среднего качества, за фунт	21,7 дюйма
5	Вся остальная промытая шерсть, за фунт	10,8 дюйма

XXVI

7a	Грубая льняная нить первого качества за фунт	3,13
доллара8	Грубая льняная нить второго качества за фунт	2,61
доллара9	Грубая льняная нить третьего качества за фунт	1,96 доллара

XXX

1	Чистое золото в слитках или в чеканке, за фунт	50 000 денариев
3	Мастера, работающие с	21,76 доллара

Как можно видеть, статьи в списках систематизированы. Сначала мы находим зерно и овощи; затем вино, масло, уксус, соль, мед, мясо, рыбу, сыр, салаты и орехи. После этих статей, в главе VII, мы довольно неожиданно переходим к заработной плате полевого рабочего, плотника, маляра и других квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Затем следуют кожа, обувь, седла и другие виды сырья и готовых изделий, пока мы не достигнем в общей сложности более восьмисот наименований. Как мы уже говорили, классификация в основном систематическая, но есть некоторые странные отклонения от систематического расположения. Яйца, например, представлены в таблице VI вместе с салатами, овощами и фруктами. Бюхер, который обсуждал некоторые этапы этого прејскуранта, остро предположил, что, возможно, таблицы полностью или частично были составлены директорами имперских фабрик и журналов. Правительство взимало дань "натурой" и, должно быть, оборудовало склады по всем провинциям для приема пожертвований от своих подданных. Следовательно, при составлении этих таблиц он, весьма вероятно, обратился бы за помощью к директорам этих журналов, и каждый из них при составлении своего отчета, естественно, в какой-то степени следовал бы списку товаров, которые имелись на складе имперского склада, контролируемого им. Во всяком случае, мы видим свидетельство умелой руки в списке постельного белья, который включает сто тридцать девять предметов различного качества.

Как мы заметили в отрывке, процитированном из введения, для человека незаконно взимать за любой из своих товаров больше суммы, указанной в законе. Следовательно, цены здесь не обычные, а максимальные. Однако, поскольку имперские законодатели, очевидно, верили, что предметы первой необходимости продаются по непомерным ценам, максимальный размер, который они установили, скорее всего, не превышал преобладающей рыночной цены. Здесь и там, как и в девятнадцатой главе документа, текст приведен на табличках из двух или более мест. В таких случаях цены одинаковы, так что, по-видимому, стоимость перевозки не учитывалась, хотя в отношении некоторых товаров, таких как устрицы и морская рыба, этот товар должен был иметь заметную ценность, и его, безусловно, следовало учитывать при установлении цен на "британские мантии" или "плащи галльских солдат" из главы XIX. Указанные цены настолько малы — пинта вина, пара курятины, двадцать улиток, десять яблок, пучок спаржи, — что, очевидно, Диоклетиан имел в виду "конечного потребителя" и установил розничную цену в своем указе. Это большая удача для нас, потому что это помогает нам обходиться ценой жизни в начале четвертого века. Есть веские основания полагать, что в то время система бартера преобладала в гораздо более широком смысле, чем сегодня. Вероятно, фермер часто обменивал свое зерно, овощи и яйца на обувь и ткань, не получая и не выплачивая денег, так что денежные цены, установленные на его продукцию, не влияли бы на него в каждой сделке так, как они повлияли бы на современного фермера. Денежной единицей, которая используется на протяжении всего эдикта, является медный динарий, и, к счастью, стоимость фунта чистого золота указана в 50 000 динариев. Это фиксирует стоимость динария как 0,4352 цента, или примерно четыре десятых цента. Во введении подразумевается, что целью закона является защита народа, и особенно солдат, от вымогательства, но, возможно, как предположил Бюхер, император, возможно, хотел сохранить или повысить стоимость динария, которая неуклонно снижалась из-за добавления сплава в монету. Если это было целью императора, возможно, стоимость динария установлена несколько завышенной, но, вероятно,

она существенно не превышает его обменную стоимость, и в любом случае это не влияет на относительную стоимость предметов, приведенных в таблицах.

Таблицы указывают на ряд моментов, представляющих мимолетный интерес. Из главы II, по-видимому, следует, что итальянские вина сохранили свое древнее превосходство даже в четвертом веке. Только они котируются среди иностранных вин. Таблица VI дает нам представление о деревенском рынке. В базарные дни фермер привозит свои артишоки, листья салата, капусту, репу и другие свежие овощи в рыночный городок и выставляет их на продажу на городской площади, как это делают сельские жители Италии сегодня. Седьмая глава, в которой приводится заработная плата, представляет, пожалуй, наибольший интерес. В этой связи мы должны иметь в виду тот факт, что рабство существовало в Римской империи, что владельцы рабов обучали их различным профессиям и нанимали на поденную работу, и что, следовательно, цены, уплачиваемые за рабский труд, устанавливали размер заработной платы. Однако при империи количество рабов неуклонно сокращалось, и конкуренция с ними в четвертом веке не оказала существенного влияния на заработную плату свободного работника. В этой главе интересно отметить, что учитель и защитник (№ 66-73) приравниваются к плотнику и портному. Учителю греческого и латыни приятно мимоходом заметить, что его предшественники были близки к вершине своей профессии, если мы можем сделать такой вывод из их вознаграждения по сравнению с вознаграждением других учителей. Стоит также отметить, что тесная связь между классикой и математикой и их принятие в качестве краеугольного камня высшего образования, к которому мы привыкли веками, по-видимому, признается (VII, 70) даже на столь раннем этапе. Мы ожидаем, что врач будет упомянут вместе с учителем и защитником, но, вероятно, даже для умения Диоклетиана сводить все к системе было слишком сложно оценить сравнительную ценность услуг врача в случае кори и брюшного тифа.

Каменщик, столяр и плотник (VII, 2-3 а), поскольку они работают на территории своего работодателя, получают свое "содержание", а также фиксированную заработную плату, в то время как точильщик ножей и портной (VII, 33, 42) работают в своих собственных мастерских и, естественно, питаются дома. Ткачиха шелка (XX, 9) и ткачиха льна (XXI, 5) также имеют свое "хранилище", что, по-видимому, указывает на то, что в частных домах были свои собственные ткацкие станки, что вполне согласуется с практикой наших отцов. Плотнику и столяру платят поденно, учителю - помесечно, точильщику ножей, портному, цирюльнику (VII, 22) - поштучно, а меднику (VII, 24а-27) - в соответствии с количеством металла, которое он использует. Невозможно определить, представляет ли разница между ценами на обувь для патриция, сенатора и рыцаря (IX, 7-9) разницу в стоимости изготовления трех видов обуви или является налогом, взимаемым с различных сословий знати. Высокие цены, установленные на шелк и шерсть, окрашенные в фиолетовый цвет (XXIV), соответствуют главенствующему положению этого императорского цвета в древние времена. Таблицы, содержащиеся в указе, обращают наше внимание на определенные разительные различия между древними и современными промышленными и экономическими условиями. Конечно, список наемных работников неполон. Надписи, оставленные нам торговыми гильдиями, описывают многие профессии, которые здесь неупомянуты, но в них и в этих списках мы упускаем какие-либо упоминания о больших группах людей, которые занимают видное место в наших современных промышленных отчетах — я имею в виду людей, работающих в типографиях, на фабриках, литейных заводах и механических мастерских, а также нанятых транспортными компаниями. Ничто в документе не предполагает применения силы для изготовления изделий, объединения людей в общей мастерской или

использования какой-либо другой машины, кроме ручного ткацкого станка и мельницы для помола зерна. Что касается товаров, предлагаемых на продажу, то мы упускаем определенные товары, которые есть в каждом преискуранте товаров первой необходимости, таких как сахар, патока, картофель, хлопчатобумажная ткань, табак, кофе и чай. Список стимуляторов (II) на самом деле очень краток и включает в себя лишь несколько сортов вина и пива.

В настоящее время, когда высокая стоимость жизни является темой, привлекающей внимание экономистов, политиков и домохозяев, как это было при Диоклетиане и его современниках, любознательный читатель, вероятно, пожелает узнать, насколько зарплаты и цены на продукты питания в 301 году нашей эры соотносятся с сегодняшними. В двух нижеследующих таблицах такое сравнение предпринято для некоторых наиболее важных статей и профессий.

Продовольственные товары⁹⁰

	Цена в 301 году н. э.	Цена в 1906 году н. э.
Пшеница, за бушель	33,6 цента	\$1,19 ⁹¹
Рожь, за бушель	45 "	79 центов ⁹¹
Фасоль, за бушель	45"	3,20
Ячмень, за бушель	74,5 "	55 центов ⁹¹
Уксус, за кварту	4,3 "	5-7 "
Свежая свинина, за фунт	7,3 "	14-16 "
Говядина, за фунт	4,9 "	{ 9-12 "
		{15-18 "
Баранина, за фунт	4,9 "	13-16"
Ветчина, за фунт	12 "	18-25"
Домашняя птица, за пару	26 "	
Домашняя птица, за фунт		14-18 "
Сливочное масло, за фунт	9,8 "	26-32 "
Рыба речная, свежая, за фунт	7,3 "	12-15 "
Рыба морская, свежая, за фунт	9-14"	8-14 центов
Рыба соленая, за фунт	8,3 "	8-15"
Сыр, за фунт	7,3 "	17-20"
Яйца, за дюжину	5.1 "	25-30 "
Молоко коровье, за кварту		6-8 "
Молоко овечье, за кварту	6 "	

Заработная плата в день

неквалифицированного рабочего	10,8 цента (к) ⁹²	\$1,20-2,24 ⁹³
Каменщика	21,6 " (к)	4,50-6,50

Плотника	21,6" (к)	2,50-4,00
Каменщика	21,6" (к)	3,70-4,90
Маляра	32,4 " (к)	2,75-4,00
Кузнеца	21,6" (к)	2,15-3,20
Судостроителя	21-26" (к)	2,15- 3.50

Нас не столько интересуют цены на мясо, рыбу, яйца и муку в 301 и 1911 годах нашей эры, сколько то, мог ли римский или американский рабочий купить больше этих товаров с учетом отдачи от своего труда. Отправной точкой для такой оценки является Восемнадцатый ежегодный отчет Комиссара труда о "Стоимости жизни и розничных ценах на продукты питания" (1903) и Бюллетень № 77 Бюро труда (1908). В первом из этих документов (стр. 582, 583) приведены расходы на аренду жилья, топливо, еду и другие предметы первой необходимости в 11 156 обычных американских семьях, доходы которых варьируются от 200 до 1200 долларов в год. В другом отчете (стр. 344 f.) аналогичная статистика приводится по 1944 английским городским семьям. В первом случае средняя сумма, потраченная за год, составила 617 долларов, из которых 266 долларов, или чуть меньше половины всего дохода, были потрачены на покупку продуктов питания. Статистика по Англии показывает несколько большую относительную сумму, потраченную на питание. Почти ровно треть этих расходов обычной американской семьи приходилась на мясо и рыбу.⁹⁴ Теперь, если мы примем заработную плату римского плотника, например, равной 21 центу в день, и добавим одну четвертую или одну треть на его "содержание", а заработная плата того же американского рабочего составляла от 2,50 до 4,00 долларов, то станет ясно, что первый получал лишь на девятую или пятнадцатую столько же, сколько второй, в то время как средняя цена на свинину, говядину, баранину и ветчину (7,3 цента) в 301 году нашей эры составляла около трети в среднем (19,6 цента) на те же статьи сегодня. Относительные средние показатели пшеницы, ржи и ячменя для древних времен еще хуже, в то время как цена на свежую рыбу во времена Диоклетиана была почти такой же высокой, как и в наши дни. Древние и современные цены на сливочное масло и яйца находились в соотношении один к трем и один к шести соответственно. Для городского рабочего тогда, в четвертом веке, условия жизни, должно быть, были почти невыносимыми, и трудно понять, как ему удавалось сохранять душу и тело вместе, когда почти все питательные продукты были ему не по средствам. Вкус мяса, рыбы, масла и яиц, должно быть, был ему почти незнаком, и, вероятно, даже хлеб грубого помола и овощи, которыми он питался, были ограничены в количестве. Крестьянину-собственнику, который мог бы сам выращивать скот и зерно, не было бы так тяжело нести это бремя.

Нам остается ответить только на один вопрос. Преуспел ли Диоклетиан в своей смелой попытке снизить стоимость жизни? К счастью, ответ дает нам Лактанций в книге, которую он написал в 313-314 годах нашей эры, "О смерти тех, кто преследовал (христиан)". Название работы Лактанция не заставляет нас ожидать очень сочувственного отношения к Диоклетиану, главному гонителю, но его отчет о фактическом исходе инцидента вряд ли подлежит сомнению. В главе VII своего трактата, после изложения беззаконий императора, постоянно возлагавшего на народ новые тяготы, он пишет: "И когда он своими различными несправедливыми действиями довел цены до чрезмерно высоких, он попытался установить законом цены на предметы, выставленные на продажу. Вслед за этим из-за самых незначительных мелочей было пролито много крови, и из страха ничего не предлагалось на продажу, и дефицит становился все хуже,

пока после смерти многих людей закон не был отменен просто по необходимости". Так подошла к концу эта ранняя попытка снизить высокую стоимость жизни. Шестьдесят лет спустя император Юлиан предпринял аналогичную попытку, но в небольших масштабах. Своим указом он установил цену на зерно для жителей Антиохии. Владельцы зерна запасались. Император привозил его в город из Египта и других мест и продавал по законной цене. Его скупил спекулянт, и в конце концов Юлиану, как и Диоклетиану, пришлось признать свою неспособность справиться с экономическим законом.

Частные благотворительности и их влияние на муниципальную жизнь римлян

В первые дни власть римского отца над своей женой, сыновьями и дочерьми была абсолютной. Он делал то, что казалось ему полезным для своих детей. Его надзор и забота распространялись на все дела их жизни. Государство было построено по образцу семьи и переняло автократическую власть отцов семейства. Поэтому естественно думать о нем как о отеческом правительстве, и готовность, с которой римлянин подчинил свою собственную волю и принес свои личные интересы в жертву интересам общества, по-видимому, показывает, что он принимал эту теорию своего отношения к правительству. Но эта концепция верна лишь отчасти. Отеческое правительство стремится поддерживать все общие интересы своего народа и обеспечивать их общие потребности. Римское государство не пыталось этого делать, и если мы думаем о нем как об отеческом правительстве в обычном значении этого термина, мы теряем из виду партнерство между государственным надзором и индивидуальным предпринимательством в удовлетворении общих потребностей и желаний, которое было одной из характерных черт римской жизни. Фактически, удовлетворение стремления отдельного гражданина к тем вещам, которые он не мог обеспечить для себя сам, зависело в Римской империи, как и в этой стране, не только от государственной поддержки, но частично от государственной помощи, а частично от частной щедрости. Мы очень ясно видим истину этого при изучении истории римского города. Этап римской жизни, который мы только что отметили, может не соответствовать представлениям о римском обществе, которых мы придерживались до сих пор, но мы можем понять его так, как никто другой, потому что в Соединенных Штатах и Англии мы привыкли к сотрудничеству частной инициативы и действий государства в создании и поддержании университетов, библиотек, музеев и всевозможных благотворительных учреждений.

Если мы посмотрим на рост частной щедрости при Республике, то увидим, что граждане проявляли свою щедрость, в частности, при строительстве общественных зданий, частично или полностью за свой счет. Таким образом были построены некоторые базилики в Риме и других местах, которые служили судами правосудия и биржевыми залами. Великая базилика Эмилия, например, остатки которой сегодня можно увидеть на Форуме, была построена Эмилием во втором веке до нашей эры, и его потомки приняли на себя обязательство поддерживать ее в надлежащем состоянии и улучшать за счет семьи Эмилиан. В нескольких схожих условиях Помпей построил большой театр, носивший его имя, первый постоянный театр, который был построен в Риме и всегда считался одним из чудес города. Стоимость этого сооружения, вероятно, была покрыта за счет сокровищ, которые он привез из своих походов на Восток. Используя трофеи успешной войны для строительства зданий или мемориалов в Риме, он следовал примеру Муммия, завоевателя Коринфа, и других великих полководцев, которые были

до него. Чисто филантропический мотив не преобладает в этих подарках гражданам, потому что люди, чьи армии одержали победы, были совладельцами, по крайней мере, добычи, и потому что победоносным лидером, построившим это сооружение, двигала скорее надежда передать память о своих достижениях потомкам в виде какого-нибудь заметного и нетленного памятника, чем желание принести пользу своим согражданам.

Эти два мотива, один эгоистический, а другой альтруистический, в той или иной степени руководили всеми римскими императорами. Деятельность Августа в подобных вопросах ясно отражена в летописи его правления, которую он оставил нам своими собственными словами. Этот замечательный фрагмент автобиографии, известный как "Деяния обожествленного Августа", император выгравировал на бронзовых табличках, установленных перед его мавзолеем. Оригинал исчез, но, к счастью, его копия была найдена на стенах разрушенного храма в Анкире, в Малой Азии, и предоставляет нам исчерпывающее доказательство великих улучшений, которые он произвел в городе Риме. В нем говорится, что из добычи он оплатил строительство Форума Августа, который имел около четырехсот футов в длину, триста в ширину и был окружен стеной высотой в сто двадцать футов, покрытой изнутри мрамором и штукатуркой. Внутри него был заключен и построен на средства, поступающие из того же источника, великолепный храм Марса Мстителя, главными трофеями которого были римские штандарты, отобранные у парфян. Этот форум и храм - всего лишь два пункта в длинном списке общественных улучшений, который Август записал в своей императорской эпитафии, ибо, как он с гордостью пишет: "В мое шестое консульство, действуя по указу сената, я восстановил восемьдесят два храма в городе, не пренебрег ни одним храмом, который в то время нуждался в ремонте". Помимо храмов, он упоминает большое количество театров, портиков, базилик, акведуков, дорог и мостов, которые он построил в Риме или в Италии за пределами города.

Но римский народ привык ожидать проявлений великодушия как от своих политических, так и от своих военных лидеров, и этот фактор тоже следует принимать во внимание в случае с Августом. В последние годы существования Республики кандидаты в президенты и мужчины, избранные на этот пост, поняли, что одним из наиболее эффективных способов завоевать и удержать свою популярность было устраивать публичные развлечения, и они соперничали друг с другом в дороговизне игр и зрелищ, которые они устраивали для народа. Следует вспомнить хорошо известный случай с цезарем, который во время своего пребывания на посту эдила, или комиссара общественных работ, обанкротился из-за своих щедрых расходов на общественные улучшения и на игры, в которых он представил триста двадцать пар гладиаторов для развлечения народа. В своей книге "О должностях" Цицерон рассказывает нам о бережливом богаче по имени Мамерк, который стремился к государственной должности, но избегал занимать должность эдила, которая стояла в обычной последовательности второстепенных должностей, чтобы избежать больших расходов на общественные развлечения, ожидаемых от эдила. Как следствие, когда позже он баллотировался на пост консула, народ наказал его, победив на выборах. Чтобы остановить распространение этих методов получения голосов, Цицерон в период своего консульства ввел закон о коррупции, который запрещал гражданам устраивать гладиаторские бои в течение двух лет после любых выборов, на которых они были кандидатами. Мы можем усомниться в эффективности этой меры. Римлянин был так же умен, как и американский политик, в достижении своей цели, не выходя за рамки закона. Возможно, в качестве примера можно привести случай из жизни юного друга Цицерона Куриона. Это был старый римский обычай отмечать девятый день после похорон как торжественный семейный праздник, и некоторое время назад, во втором веке до нашей эры, появилась практика

проведения гладиаторских состязаний по этим поводам. Разносторонний Курион, следуя этой практике, засвидетельствовал свое уважение к памяти своего отца, предложив людям такие сложные игры, что он никогда не избегал финансовых трудностей, в которые они его втягивали. Однако эта дань благочестивой привязанности значительно повысила его популярность и, возможно, не подвергла его суровости закона Цицерона.

Эти подарки от генералов, выдающихся граждан и кандидатов на должность не являются доказательством щедрости или филантропического духа со стороны жертвователей, но они достаточно ясно показывают, что практика выделения крупных сумм денег на украшение города и в угоду публике распространилась при Республике, и что жители Рима стали считать долгом своих выдающихся сограждан украшать город и удовлетворять их нужды и удовольствия щедрыми частными пожертвованиями.

Все эти дары предназначались городу Риму и жителям города, а не Империи или Италии. Это характерно для древней щедрости или филантропии, поскольку ее получателями обычно являются жители одного города, обычно родного города жертвователя. Это одно из многих свидетельств того факта, что римлянин думал о своем городе как о государстве, и даже при Империи он редко распространял сферу своих благодеяний за пределы стен конкретного города. Маленькие города и деревни по всему Западу воспроизводили столицу в миниатюре. Каждый из них был маленьким миром сам по себе. Каждый из них не только имел свой форум, свои храмы, колоннады, бани, театры и арены, но и развил политическую и социальную организацию, подобную римской. В нем были свои местные главные магистраты, отличавшиеся своими официальными одеждами и знаками отличия, и свои сенаторы, которые пользовались привилегией занимать особые места в театре, и было естественно, что простые люди в Остии, Ариминуме или Лугудунуме, как и в Риме, ожидали от тех, к кому благоволила фортуна, какой-то компенсации за те отличия, которыми они пользовались. Таким образом, зажиточные жители каждого маленького городка начинали испытывать чувство долга перед своей родиной, и это чувство гражданской гордости и ответственности усиливалось тем же духом соперничества между разными деревнями, который итальянские города средневековья, по-видимому, унаследовали от своих предков, духом соперничества, который заставлял каждого из них стремиться превзойти других в своей красоте и привлекательности. Возможно, ни в один другой период истории не было столько красивых городов, сколько во второй век нашей эры в Римской империи, и их привлекательные черты — колоннады, храмы, фонтаны и произведения искусства — были в значительной степени обязаны щедрости частных граждан. Мы можем сделать это заявление со значительной уверенностью, потому что эти благодеяния записаны для нас на бесчисленных каменных и бронзовых табличках, разбросанных по всей Империи.

Эти взносы не только помогали покрывать расходы на строительство храмов, колоннад и других сооружений, но и часто предназначались для покрытия части текущих расходов города. Это одна из новых черт муниципальной жизни Рима. Мы можем понять мотивы, которые побудили бы жителя Нью-Йорка или Бостона построить музей или арку в своем родном городе. Такое сооружение послужило бы ему памятником; оно выделило бы город и принесло бы ему и его согражданам эстетическое удовлетворение, но если богатый житель Нью-Йорка пожертвует крупную сумму на ремонт тротуара на Юнион-сквер или расширение канализационной системы на Канал-стрит, судебное расследование его вменяемости не будет сочтено неуместным. Но надписи показывают нам, что богатые граждане по всей Римской империи часто делали крупные пожертвования именно на такие неромантические цели. К сожалению, до нас не дошел

отчет о годовых доходах и расходах какого-нибудь итальянского или галльского города. Было бы интересно, например, сравнить бюджет Мантуи или Анконы в первом веке нашей эры с бюджетом Принстона или Кембриджа в двадцатом. Но, хотя мы редко знаем суммы, которые были потрачены на конкретные цели, простое сравнение объектов, на которые они были потрачены, проливает свет. Статьи древнего бюджета, которым нет места в нашем собственном, и наоборот, свидетельствуют о некоторых разительных различиях между древней и современной муниципальной жизнью.

Общими для древнего и современного города являются расходы на строительство и обслуживание общественных зданий, канализации, акведуков и улиц, но на этих статьях параллелизм заканчивается. Древними статьями расходов, которым нет места в бюджете американского городка, являются ремонт городских стен, поддержание общественного богослужения, содержание бань, продажа зерна по низкой цене, а также проведение игр и театральных представлений. Совершенно очевидно, что древний законодатель предусмотрел определенные положения для физического и духовного благополучия своих сограждан, которым сегодня практически нет места в наших муниципальных порядках. Если среди сумм, потраченных на различные объекты, упомянутые выше, мы сравним суммы, выделенные отдельно на религию и бани, мы можем прийти к выводу, что римляне читали старую поговорку "Чистота рядом с благочестием" в измененной форме "Чистота рядом с благочестием". Ни один город в империи, по-видимому, не был слишком маленьким или слишком бедным, чтобы иметь общественные бани, и насколько большой статьей ежегодных расходов было их содержание, видно из того факта, что статья кодекса Феодосия предусматривала, что города должны тратить не менее трети своих доходов на отопление бань и ремонт стен. Огромное праздное население города Рима должно было обеспечиваться продовольствием за государственный счет. В противном случае последовали бы бунты и беспорядки, но в городах ситуация была не столь угрожающей, и, вероятно, снабжение населения зерном не являлось обычной статьей расходов. Что касается общественных развлечений, то остатки театров и амфитеатров в Помпеях, Фьезоле, Арле, Оранже и во многих других местах в наши дни предоставляют нам зримое свидетельство больших сумм, которые древние города, должно быть, тратили на спектакли и гладиаторские игры. В городе Риме в четвертом веке было сто семьдесят пять дней, в течение которых в театрах, на аренах и амфитеатрах давались представления.

Мы рассмотрели статьи, которые были характерны для древнего бюджета. Те, которые в нем отсутствуют, еще более показательны, если это возможно, для обозначения различий между римским характером и образом жизни и современными. Редко выделялись средства на школы, музеи, библиотеки, больницы, богадельни или на освещение улиц. Городским чиновникам не выплачивалось жалованья; не было произведено никаких расходов на полицию или защиту от пожаров, а рабы, которыми владел каждый город, вероятно, заботились о общественных зданиях и содержали улицы в чистоте. Неспособность правительства древнего города обеспечить образовательные и благотворительные учреждения означает, как мы увидим позже, что в некоторых случаях этими вопросами пренебрегали, а в других они были предоставлены частному предпринимательству. Кажется странным, что замечательная система полиции и пожарной охраны, которую Август ввел в Риме, не была принята по всей Империи, но, похоже, это было не так, и жизнь и имущество, должно быть, подвергались большому риску, особенно в праздничные дни и ночью на неосвещенных улицах. Богатого человека могла защищать его личная охрана из клиентов, а ночью его путь освещался факелами, которые несли его рабы, но мелкий лавочник, должно быть, избегал темных переулков или примыкал к свите какого-нибудь

могущественного человека. Некоторые из нас вспомнят в этой связи знаменитую настенную роспись в Помпеях, на которой изображено буйное состязание между помпейцами и жителями соседнего города Нуцерия на помпейских гладиаторских играх в 50 году до нашей эры, когда бросали камни и свободно пускали в ход оружие. Легко представить, какие сцены насилия и беспорядков, должно быть, происходили в подобных случаях, без систематического полицейского надзора.

Денежные суммы, которые тратит древний или современный город, делятся на две категории — суммы, которые выплачиваются на постоянные улучшения, и текущие расходы муниципалитета. Мы только что рассмотрели второй класс расходов, и наш краткий обзор достаточно ясно показывает, что древний город взвалил на свои плечи лишь малую часть бремени, которое берет на себя современный муниципалитет. Теперь будет интересно посмотреть, в какой степени муниципальные расходы на текущие нужды были дополнены частной щедростью, и выяснить, в какой степени города были обязаны тому же источнику своими постоянными улучшениями. Много света на эти два вопроса проливают сотни каменных и бронзовых табличек, которые были установлены самими жертвователями или благодарными городами в память о сделанных им подарках. Ответственность, которую чувствовал богатый римлянин, тратя свои деньги на общественное благо, была недвусмысленно заявлена поэтом Марциалом в одной из его эпиграмм к концу первого века нашей эры. Говорящий в стихотворении рассказывает своему другу пастору, почему он стремится стать богатым — не для того, чтобы у него были обширные поместья, богатые назначения, изысканные вина или отряды рабов, но "чтобы он мог отдавать и строить на благо общества" ("ut donem, Pastor, et edificem"), и это чувство управления нашло выражение в постоянном излиянии даров в интересах людей.

Практика пожертвований, вполне возможно, зародилась у городских чиновников. Мы уже заметили, что в Риме при Республике кандидаты на должности, добиваясь голосов избирателей, и магистраты в обмен на оказываемые им почести нередко тратили большие суммы на благо народа. Со временем в городах по всей империи эта добровольная практика стала юридической обязанностью местных чиновников. Этот факт отражен в муниципальной хартии Урсо,⁹⁵ современная Осуна, в Испании. Половина этого документа, выгравированного на табличках, была обнаружена в Испании около сорока лет назад и вносит очень интересный вклад в наши знания о муниципальной жизни. В 44 году до нашей эры Юлий Цезарь отправил колонию на Урсо под присмотром Марка Антония, и муниципальный устав колонии был составлен одним из этих двух людей. В семидесятой статье мы читаем о дуумвирах, которые были главными магистратами: "Кто бы ни был дуумвиром, за исключением тех, кто будет впервые избран после принятия этого закона, пусть вышеупомянутые лица во время своей магистратуры устраивают публичные представления в честь богов и богинь Юпитера, Юноны и Минервы в течение четырех дней, в течение большей части дня, насколько это возможно, по усмотрению общих советников, и на эти игры и это развлечение пусть каждый из них тратит время". из его собственных денег - не менее двух тысяч сестерциев. Статья, которая следует в документе, предусматривает, что эдилы или чиновники, следующие по рангу, должны устраивать гладиаторские игры и представления в течение трех дней и один день скачек в цирке, и на эти развлечения они также должны потратить не менее двух тысяч сестерциев.

Здесь мы видим, что современная практика меняется на противоположную. Городские чиновники, вместо того чтобы получать зарплату за свои услуги, не только служат бесплатно, но и фактически обязаны по закону вносить общественный вклад. Следует отметить, что закон

определил минимальную сумму, которую магистрат *должен* потратить. Люди не устанавливали ограничений на то, что он *мог* потратить, и, вероятно, большинство дуумвиров Урсо пожертвовали более 80 долларов, или, с учетом разницы в покупательной способности денег, 250 долларов, на развлечения людей. На самом деле, множество почетных надписей из других городов рассказывают нам о чиновниках, которые щедро увеличили сумму, требуемую законом. Что касается их цели и результатов, то эти расходы можно сравнить с "взносами на предвыборную кампанию", вносимыми кандидатами на пост президента в этой стране. Между ними есть странное сходство и несходство. Современный политик вносит свой вклад перед выборами, древний политик - после них. В наши дни деньги расходуются в основном на проведение публичных собраний, на которых обсуждаются актуальные вопросы. Во времена Римской Империи они тратились на общественные улучшения, а также на спектакли, обеды и гладиаторские бои. У нас общественное мнение не одобряет трату больших сумм на обеспечение выборов. Римляне желали и ожидали этого, и те, кто был щедр в этом вопросе, позаботились о том, чтобы записать свои дары так, чтобы их могли прочитать все люди.

Исходя из общих соображений, нам следует ожидать, что наша система окажет лучшее влияние на интеллект и характер людей, а также обеспечит более квалифицированных должностных лиц. Обсуждение общественных вопросов, даже пристрастным образом, привлекает к ним внимание людей, заставляет людей задуматься и помогает просвещать избирателей по политическим и экономическим вопросам. Если мы можем сделать вывод из предвыборных плакатов в Помпеях, такие сюжеты играли небольшую роль на городских выборах во времена Империи. Должно быть, для жителя Помпеи или Салоны тоже было деморализующим фактором проголосовать за кандидата не потому, что он стал бы самым честным и способным дуумвиром или эдилом среди мужчин, баллотирующихся на этот пост, а потому, что у него был самый длинный кошелек. Как было бы потрясено наше чувство приличия, если бы новоизбранный мэр Хартфорда или Монклера устроил гала-представление в местном театре для своих сограждан или оплатил бесплатное представление цирковой труппы! Но, возможно, нам следует преодолеть свои угрызения совести и уйти, как это сделали жители Помпей, и, возможно, наша совесть была бы полностью успокоена, если бы вышеупомянутый мэр приступил к укладке нового тротуара на Главной улице, возведению фонтана на Лужайке или оштукатуриванию городской ратуши. Естественно, что только богатые люди могли быть избраны на должность в римских городах, и в этом отношении римской системе присущи те же преимущества и недостатки, что мы находим в практике, которой англичане придерживались до настоящего времени, не выплачивая жалованья членам Палаты общин, и в нашей собственной практике, позволяющей нашим послам покрывать большую часть их законных расходов.

Крупные подарки, сделанные своим родным городам богатыми людьми, избранными на государственные должности, послужили примером, которому состоятельные граждане необычайным образом последовали. Иногда они дарили статуи, или ванны, или фонтаны, или портики, а иногда устраивали игры, или спектакли, или ужины, или лотерейные билеты. Возможно, ничто не может дать нам столь ясного представления о мотивах жертвователей, разнообразии и количестве подарков, а также об их вероятном влиянии на характер людей, как чтение двух или трех экземпляров этих дарственных надписей. Жители Ланувиума, недалеко от Рима, установили памятник в честь некоего Валерия, "потому что он прочистил и восстановил водотоки на расстоянии трех миль, снова проложил трубы и восстановил две купальни для мужчин и купальню для женщин, все за свой счет".⁹⁶ Гражданин Синуэссы оставил эту запись: "Луций Папий Поллион, дуумвир, своему отцу, Луцию Папию. Пироги и медовуха для всех

жителей Синуэссы и Кадичи; гладиаторские игры и ужин для жителей Синуэссы и клана Папиан; памятник стоимостью 12 000 сестерциев".⁹⁷ Такое католическое угощение на любой вкус, несомненно, должно было уберечь его отца от забвения. Гражданин Беневента претендует на звание отличника, потому что "он первым раздал народу билеты, с помощью которых раздавал золото, серебро, бронзу, льняные одежды и другие вещи".⁹⁸ Жители Телезии, маленького городка в Кампании, отдают дань уважения своему выдающемуся покровителю: "Титу Фабию Северу, покровителю города, за его заслуги дома и за границей, и за то, что он, первый из всех, кто учредил игры, подарил за свой счет пять диких зверей из Африки, отряд гладиаторов и спленсделал это за свой счет". оборудование, сенат и граждане с величайшей радостью предоставили статую".⁹⁹ Должность покровителя была характерным римским институтом. Города и деревни избирали на эту должность какого-нибудь выдающегося римского сенатора или рыцаря, и он защищал интересы общества в юридических вопросах и в других.

Это отличие пользовалось большим уважением, и его обладатели часто выражали свою признательность щедрыми подарками городу, который они представляли, или были выбраны меценатами из-за их благотворительности. Этот факт проиллюстрирован следующей надписью из Сполетия: "Гай Торазий Север, сын Гая из племени Горациев, кваттуорвир с судебной властью, авгур, от своего имени и от имени своего сына Публия Меклония Прокула Торазияна, понтифика, воздвиг (это) на своей земле (?) и за свой счет. Он также подарил народу 250 000 сестерциев на празднование дня рождения своего сына, из доходов от которого каждый год, за третий день до Сентябрьских календ, члены Общего Совета должны обедать публично, и каждый присутствующий гражданин должен получить восемь слов. Он также дал севири Августалесу, и жрецам Лареса, а также надзирателям городских приходов 120 000 сестерциев, чтобы из доходов от этой суммы они могли устроить общественный обед в тот же день. Его, за его заслуги перед обществом, сенат избрал покровителем города".¹⁰⁰ Город обычно выражал свою признательность за то, что было сделано для него, устанавливая статую в честь своего благодетеля, как это было сделано в случае с Фабием Севером, и общественные площади италийских и провинциальных городов, должно быть, были украшены множеством произведений искусства такого рода. Забавно обнаружить в нижней части некоторых памятных табличек, прикрепленных к этим статуям, утверждение о том, что человек, отличившийся таким образом, "довольный оказанной честью, сам оплатил расходы на памятник". Платить за популярное свидетельство своей щедрости - это действительно щедрость в ее совершенной форме. Сами статуи исчезли вместе с городами, которые их воздвигли, но таблички остались, и по странному стечению обстоятельств памятник, установленный городом для увековечения памяти одного из своих граждан, иногда является единственным свидетельством, которое у нас есть о существовании самого города.

Мотивы, двигавшие дарителем, носили неоднозначный характер, как показывают эти мемориалы. Иногда на жертвователя влияло желание заслужить аплодисменты своих сограждан или посмертную славу; иногда гражданская гордость и привязанность. Во многих случаях это была непреодолимая сила обычая, время от времени подкрепляемая, как мы можем видеть из надписей, настоятельными требованиями населения. Из этого последнего чувства естественным образом выросло бы чувство обязательства, налагаемого обладанием богатством, и это чувство тесно связано с чистой щедростью. На самом деле, вероятно, было бы неправильно не считать это одним из первоначальных мотивов, побуждавших людей делать

свои дары, потому что дух преданности государству и общине был характерной чертой римлян в республиканский период.

Влияние, которое эта практика пожертвований оказала на муниципальную жизнь и на характер людей, не лишено важности и интереса. Щедрые расходы, ожидаемые от магистрата, и постоянно растущие финансовые обязательства, возлагаемые на него центральным правительством, сделали муниципальные должности таким невыносимым бременем, что хартия Урсо от первого века нашей эры, о которой упоминалось выше, вынуждает прибегать к различным хитроумным уловкам, чтобы заставить людей занимать их. Положение члена городского совета было еще хуже. От него ожидали не только щедрого вклада в благоустройство и поддержку своего родного города, но и ответственности за сбор имперских налогов. По мере того, как процветание шло на убыль, ему становилось все труднее это делать, а места в местном сенате были нежелательны. Центральное правительство не могло позволить людям, ответственным за его доходы, уйти от ответственности. Следовательно, это вмешалось и вынудило их принять эту честь. Некоторые из них завербовались в армию или даже бежали в пустыню, но всякий раз, когда их находили, их возвращали, чтобы они снова заняли свои должности. В четвертом веке служба в общем совете была даже введена в качестве наказания для преступников. В конце концов, это стало наследственным, и забавно, но трогательно обнаружить, что эта честь, столь высоко ценимая в ранний период, в конце концов превратилась в форму крепостного права.

Мы рассматривали влияние частной щедрости на официальную жизнь. Ее результаты для рядового гражданина не столь ясны, но, должно быть, она способствовала тому упадку независимости и личной ответственности, которые стали столь характерной чертой более поздней Империи. Массы вносили незначительный вклад, если вообще что-либо вносили, в текущие расходы правительства и благоустройство города. Бремя ложилось в основном на богатых. Это была система квазисоциализма. Те, у кого было, обеспечивали тех, у кого не было, — не только рынки, храмы, колоннады и бани, но и масло для ванн, игры, балаганы и денежные вознаграждения. Поскольку их потребности в значительной степени удовлетворялись другими, люди все больше и больше утрачивали привычку обеспечивать себя самостоятельно и способность делать это. Когда процветание пошло на убыль, и богатые больше не могли им помогать, пришел конец.

Предметы, на которые жертвователи жертвовали свои деньги, по-видимому, доказывают материалистический характер римской цивилизации по своей сути, потому что мы должны предположить, что те, кто жертвовал, знали вкусы людей. Иногда такие люди, как Плиний Младший, жертвовали деньги на библиотеки или школы, но такие подарки, по-видимому, были относительно редкими. Благотворительность обычно предназначена для удовлетворения материальных потребностей или удовлетворения стремления людей к удовольствиям.

При старом режиме благотворительность была неизвестна. Здесь не было ни богаделен, ни больниц, и ученые обратили внимание на тот факт, что даже те порции зерна, которые выделяло государство, выдавались только гражданам. Простые жители или незнакомцы вообще не принимались во внимание, и они редко включались в сферу частной благотворительности. В следующей главе, обсуждая ремесленные гильдии, мы увидим, что даже они не заботились ни о вдовах, ни о сиротах, ни о своих больных или нетрудоспособных членах. Только после прихода христианства бедным и нуждающимся была оказана помощь из-за их бедности и нужды.

Некоторые размышления о корпорациях и профессиях-Гильдиях

В недавней статье "Древний и современный империализм", прочитанной перед Британской классической ассоциацией, лорд Кромер, покойный генеральный консул Англии в Египте, отмечает определенные моменты сходства между английскими и римскими методами обращения с инопланетными народами. С греками таких точек соприкосновения не существует, потому что, как он замечает, "греческому сознанию была чужда не только имперская идея, но и федеральная концепция была столь же странной". Это сходство между политическим характером и методами римлян и англосаксов поражает любого, кто читает историю двух народов бок о бок. Они демонстрируют одинаковый талант к управлению у себя дома и такой же успех в завоевании и удержании чужих земель, а также в ассимиляции чужих народов. Определенные качества, которые у них есть общего, способствуют этим сходным результатам. И римлянин, и англосакс были людьми дела; оба продемонстрировали большое мастерство в приспособлении средств к цели, и каждый стремился прямо к непосредственной цели, которую необходимо было достичь, не обращая особого внимания на логику или политическую теорию. Римский государственный деятель сказал бы "Аминь!" в ответ на благочестивую надежду англичанина на то, что "его соотечественники, возможно, никогда не станут последовательными или логичными в политике". Возможно, готовность среднего римлянина сотрудничать со своими собратьями и его умение сформировать организацию, подходящую для поставленной цели, идут дальше, чем любое из других упомянутых выше качеств, объясняющих его успех в управлении другими народами, а также своей собственной нацией.

Мы осознали эти поразительные черты сходства между римлянами и нами самими на основе сравнительного изучения политической жизни двух народов. Но сходство друг с другом римлян и англосаксов, особенно в том, что касается объединения ради общей цели, еще более очевидно в их методах решения частных дел. Характерную и забавную иллюстрацию проявления этой тенденции среди римлян дает ранняя история монашества в римском мире. Когда восточный христианин убедил себя в тщете мира, он сказал: "Это слабость плоти и соблазны нечестивых, которые искушают меня грешить. Поэтому я удалюсь от мира и умерщвлю плоть". Это дух, который погнал его в пустыню или горы, жить в пещере со львом или волком в качестве его единственного спутника. Это тот дух, который привел святого Антония в уединенное место в Египте. Это привело святого Симеона Столпника к более совершенному ощущению отчужденности от мира и большей защищенности от соприкосновения с ним, проведя последние тридцать лет своей жизни на вершине столпа близ Антиохии. В западном мире, который был насквозь пропитан римским духом, христианин, который придерживался того же взгляда, что и его восточный брат, на пагубные последствия общения со своими братьями, также удалился от мира, но он удалился в компании группы людей, разделявших его мнение об эффективности уединенной жизни. Восхитительный пример торжества принципа ассоциации над логикой или теорией! Мы, американцы, прекрасно понимаем непреодолимую силу этого принципа даже в таком случае, как этот, и мы должны оправдать действия римлянина с точки зрения практического здравого смысла. У нас есть организации практически для всех мыслимых политических, социальных, литературных и экономических целей. На самом деле, было бы трудно упомянуть объект, для которого невозможно было бы организовать клуб, общество, лигу, гильдию или профсоюз. Аналогичным образом у римлян существовали

организации капиталистов и рабочих, религиозные ассоциации, политические и общественные клубы и лиги ветеранов.

Что касается организаций капиталистов, то их история тесно связана с историей империализма. Впервые они привлекли наше внимание во время войн с Карфагеном, когда Рим сделал свои первые приобретения за пределами Италии. В своем отчете о кампаниях в Испании против приспешников Ганнибала Ливий рассказывает нам¹⁰¹ о больших трудностях, в которые попала римская армия из-за нехватки жалованья, продовольствия и одежды. Нужда была срочной, но казна была пуста, а народ доведен до нищеты. В связи с этим чрезвычайным положением претор созвал общественное собрание, изложил ему ситуацию в Испании и, обратившись к акционерным компаниям с призывом прийти на помощь государству, назначил день, когда можно было бы внести предложения по поставке того, что требовалось армии. В назначенный день три *общества*, или корпорации, предложили предоставить необходимые займы правительству; их предложения были приняты, и потребности армии были удовлетворены. Эта сделка напоминает нам о подобных чрезвычайных ситуациях во время нашей гражданской войны, когда синдикаты банкиров пришли на поддержку правительства. Современная тенденция подвергать сомнению мотивы всех корпораций, имеющих дело с правительством, похоже, не влияет на интерпретацию Ливием этого инцидента, поскольку он приводит его в доказательство патриотического духа, охватившего все классы перед лицом борьбы с Карфагеном. Появление акционерной компании в тот момент, когда на первый план выходит политика территориальной экспансии, свидетельствует о тесной связи, которая существовала позже между империализмом и корпоративными финансами, но более поздние отношения корпораций к общественным интересам не всегда можно интерпретировать столь благожелательно.

Наши компании общественного обслуживания не имеют аналогов в древности, но римские общества по сбору налогов имеют сходство с этими современными организациями капитала в природе франшиз, как мы можем их назвать, и особых привилегиях, которыми они обладали. Практика, которой придерживалось римское правительство, предоставлявшее тому, кто больше заплатит, привилегию собирать налоги в каждой из провинций, естественно, дала большой толчок развитию компаний, организованных с этой целью. Каждая новая провинция, присоединенная к империи, открывала новое поле для капиталистического предпринимательства, не только в плане взимания налогов, но и в плане предоставления денег в займы, строительства общественных сооружений и сдачи в аренду рудников, принадлежащих государству, и римские политики, должно быть, чувствовали, что эти финансовые соображения неуклонно подталкивают их к дальнейшим завоеваниям.

Но интерес компаний не угас, когда римские орлы были посажены в новом регионе. Необходимо было организовать провинциальное правительство таким образом, чтобы помочь агентам компаний выжать из провинциалов как можно больше денег, и год пребывания Цицерона на посту губернатора Киликии стал почти невыносимым из-за поборов, которые эти агенты применяли к киликийцам, и давления, которое они оказывали на него и его подчиненных. Его письма к своему близкому другу Аттику за этот период содержат трогательные описания затруднительных ситуаций, в которые его ставили компании-заемщики и отдельные капиталисты в Риме. Однажды к нему пришел некий Скаптий,¹⁰² вооруженный убедительным рекомендательным письмом от безупречного Брута, и попросил назначить его префектом Кипра. Его целью было путем официального давления выжать из жителей Саламина на Кипре

долг в размере сорока восьми процентов. Проведя некоторое расследование предыдущей истории Скаптия, Цицерон узнал, что при его предшественнике в Киликии этот самый Скаптий добился назначения префектом Кипра и, опираясь на свою официальную власть, чтобы собрать деньги, причитающиеся его компании, запер членов общего совета Саламинии в их ратуше до тех пор, пока пятеро из них не умерли от голода. Во внутренней политике компании играли не менее важную роль. Отношения, существовавшие между "интересами" и политическими лидерами, в древние времена были такими же тесными, как и сегодня, и корпорации в Риме были столь же беспартийны в своих политических союзах, как и в Соединенных Штатах. Они беспристрастно поддерживали демократические платформы Гая Гракха и Юлия Цезаря в обмен на ценные уступки и поддерживали кандидатуру конституционалиста Помпея на должность главнокомандующего флотами и армиями, действующими против восточных пиратов и против Митридата, в аналогичном ожидании существенного вознаграждения за свою помощь. Что придавало компаниям их влияние на выборах, так это тот факт, что их акции очень широко использовались избирателями. Полибий, греческий историк, описывая условия жизни в Риме во втором веке до нашей эры, дает нам понять, что почти каждый гражданин владел акциями какой-либо акционерной компании¹⁰³. Неурожай на Сицилии, проливные дожди на Сардинии, восстание в Галлии или "забастовка" на испанских рудниках ударили бы по карману каждого римлянина среднего достатка.

В этих обстоятельствах трудно понять, как римлянин справлялся без биржевых котировок в газетах. Но публикация цезарем *Дневного акта*, или заседаний сената и ассамблеи, в некоторых отношениях заменила бы наши газеты, а толпы, собравшиеся в местах, где были вывешены эти документы, напомнили бы нам толпы, собравшиеся перед бюллетенем в окне редакции газеты, когда произошло какое-нибудь волнующее событие. Курьеры постоянно прибывали от агентов корпораций в Галлии, Испании, Африке и Азии с последними новостями о промышленных и финансовых предприятиях во всех этих областях. Какой, должно быть, был топот ног по улицам, когда первые вести достигли Рима о восстании пролетариата в Азии в 88 году до н.э. и о провозглашении Митридатом гарантии освобождения от половины обязательств всех должников, которые убьют ростовщиков! Азиатские акции, должно быть, упали почти до нулевой отметки. Мы не находим никаких свидетельств существования организованной фондовой биржи. Возможно, в этом не было необходимости, потому что акции, по-видимому, не подлежали передаче, но другие финансовые операции, возникающие в результате организации этих компаний, такие как выдача денег в займы под акции, могли быть сносно осуществлены в ряду банковских офисов, которые тянулись вдоль одной стороны Форума и превратили его в древнюю Уолл-стрит или Ломбард-стрит.

"Тресты", основанные для контроля цен, руководили римлянами, поскольку они беспокоят нас сегодня. В "Пленниках Плавта" есть забавная ссылка на одну из таких торговых комбинаций еще в третьем веке до нашей эры.¹⁰⁴ Паразит в пьесе использовал свои лучшие шутки и самые эффектные зацепки, чтобы получить приглашение на ужин, но он не может вызвать улыбку, не говоря уже о том, чтобы получить приглашение. В сильном негодовании он угрожает привлечь к ответственности людей, которые избегают быть его хозяевами, за участие в незаконной комбинации, подобной той, что была у "торговцев нефтью в Велабруме". Кстати, это довольно интересное историческое совпадение, что первой монополией в Риме, как и в наши дни, был нефтяной трест — во времена Плавта, конечно, трест по производству оливкового масла. В "Трикстере", который был представлен в 191 году до н.э., персонаж ссылается на горы зерна, которые торговцы имели на своих складах.¹⁰⁵ Два года спустя "угол" стал настолько

эффективным, что вмешалось правительство, и курульные эдилы, отвечавшие за рынки, наложили крупный штраф на спекулянтов зерном.¹⁰⁶ Дело, по-видимому, рассматривалось в соответствии с Законами Двенадцати таблиц 450 года до н.э., Великой хартией римской свободы. Таким образом, может показаться, что комбинации по ограничению торговли были сформированы в Риме очень рано, и, возможно, попытка Диоклетиана в третьем веке нашей эры снизить стоимость жизни путем установления цен на все виды товаров была отчасти направлена на то же зло. Что касается государственной собственности, римское государство предприняло одно или два попытки в этой области, особенно в случае с шахтами, но без особого успеха.

Труд был так же полностью организован, как и капитал.¹⁰⁷ На самом деле страсть римлян к объединению проявляется здесь еще более отчетливо, и было бы возможно написать историю их промышленности на основе изучения их профсоюзов. История Рима восходит к основанию этих гильдий в первые дни царского периода. Из исследований Вальцинга, Либенама и других можно довольно подробно узнать их историю. Римская традиция отличалась восхитительной систематичностью, возлагая основание одного набора институтов на одного короля, а другой группы - на другого короля. Ромул, например, является военным царем и заботится о военных и политических институтах. Второй царь, Нума, был мирным человеком и на протяжении всего своего правления занимался социальной и религиозной организацией своего народа. Именно Нума основал гильдии плотников, красильщиков, сапожников, кожевников, работников по обработке меди и золота, флейтистов и гончаров. Историк-критик скептически смотрит на историю царей, и все же этот список профессий - именно то, что мы должны были ожидать найти в первобытном Риме. Например, в списке нет пекарей или ткачей. Мы знаем, что в наши колониальные времена выпечкой, прядением и ткачеством занимались дома, как это было бы естественно, когда Рим был общиной пастухов и фермеров. По мере усложнения римской цивилизации развивалась промышленная специализация и росло количество гильдий, но во времена Республики мы не можем очень успешно проследить их рост из-за отсутствия информации о них. Корпорации, как мы видели, играли важную роль в политике, и их действия отражены в литературе, такой как ораторское искусство и история, которая занимается общественными вопросами, но профессиональные гильдии имели мало участия в политике; они состояли из малоизвестных и слабых и, следовательно, редко упоминаются в трудах Цицерона или Ливия.

Только когда вместе с Империей пришла всеобщая страсть к записи всевозможных предприятий и происшествий на нетленных материалах, можно было ясно проследить историю римского профсоюза. Нам повезло, что эта мания охватила Римскую империю, потому что она подарила нам около двух с половиной тысяч надписей, посвященных этим организациям рабочих. Эти надписи раскрывают тот факт, что только в городе Риме существовало более восьмидесяти различных профессий, организованных в гильдии. Среди них были квалифицированные и неквалифицированные рабочие, от носильщиков, или *саккариев*, до ювелиров, или *ювелиров*. Названия некоторых из них, таких как *пастилларии*, или гильдия производителей пастилы, и *скабилларии*, или кастаньетчики, указывают на высокую степень промышленной специализации. Даже из надгробия одного человека, кажется, следует вывод, что он принадлежал к союзу тех, кого мы, возможно, могли бы назвать изготовителями шахматных досок. Торговцы свободно создавали торговые ассоциации. Торговцы маслом, вином, рыбой и зерном организованы по всей Империи. Даже парфюмеры, торговцы сеном и старьевщики имели свои общества. Кажется, что между художником и ремесленником не

проводится никакой границы. Римские писатели относили каменщика и скульптора к одной категории, так что мы не удивлены, обнаружив союзы людей обеих профессий. Любопытное различие между профессиями также прослеживается в надписях этих гильдий. Существуют союзы, состоящие из врачей, но не из юристов, поскольку в прежние времена считалось, что юрист не получает вознаграждения за свои услуги. На самом деле врач в Риме находился на более низком социальном уровне, чем даже среди наших предков. Этой профессии придерживались почти исключительно греческие вольноотпущенники, как мы можем видеть из записей на их надгробиях, и она была узкоспециализированной, если судить по эпитафиям офтальмологов и ушных врачей, хирургов, дантистов и ветеринаров. К той же категории, что врач и скульптор, принадлежат архитектор, учитель и химик. Люди этих профессий преследовали свободное искусство, как выражались римляне, и составляли аристократию среди тех, кто был занят ремеслами или более низкими профессиями. Ниже них в иерархии стояли те, кто зарабатывал на жизнь смешным искусством, такие как актер, профессиональный танцор, жонглер или гладиатор, а в низшей касте были плотники, ткачи и другие ремесленники, чьи занятия были вульгарными и грязными.

В начале этой главы была отмечена склонность римлян к созданию добровольных ассоциаций как национальная черта. Этот факт становится очень очевидным, если мы сравним количество профсоюзов в западном мире с таковыми в Греции и на Востоке. Наши выводы, конечно, должны быть сделаны из дошедших до нас надписей, в которых упоминаются гильдии, и время, возможно, обошлось с камнями в одном месте более сурово, чем в другом, или римское правительство, возможно, дало свое согласие на создание таких организаций с большей неохотой в одной провинции, чем в другой; но, принимая во внимание тот факт, что у нас есть гильдейские надписи из четырехсот семидесяти пяти городов и деревень в Империи, эти элементы неопределенности в наших выводах практически устранены, и можно провести справедливое сравнение условий на Востоке и Западе. Если мы выберем некоторые из наиболее важных городов греческой части римского мира, то обнаружим сообщения о пяти гильдиях из Траллеса в Кари, шести из Смирны, одной из Александрии и одиннадцати из Иераполиса во Фригии. С другой стороны, в городе Риме их было более ста, в Бриксии (современная Брешия) - семнадцать или более, в Лугудунуме (Лион) - по меньшей мере двадцать, а в Канабе, в провинции Дакия, - пять. Эти цифры, взятые наугад для некоторых крупных городов в разных частях империи, очень четко демонстрируют тот факт, что западные и северные провинции с готовностью приняли римские идеи и продемонстрировали римский дух, о чем свидетельствует их способность и готовность сотрудничать ради общей цели, но что греческий Восток никогда не был романизирован. Даже в поселениях Дакии, которые оставались под римским владычеством только со 107 по 270 год нашей эры, мы находим столько же профессиональных союзов, сколько существовало в греческих городах, которые удерживались римлянами в течение трех или четырех столетий. Сравнительное количество гильдий и гильдейских надписей фактически дало бы нам приблизительную оценку того, в какой степени Рим произвел впечатление своей цивилизацией на разные части Империи, даже если бы у нас не было других критериев. Мы должны знать, например, что в Британии был достигнут меньший прогресс, чем в Южной Галлии, что Салон в Далмации, Лугудунум в Галлии и Могонтиакум (Майнц) в Германии были важными центрами римской цивилизации. Конечно, изучая эти надписи, можно определить наиболее процветающие отрасли промышленности в нескольких городах, но это нас здесь не касается.

Эти гильдии, которые мы рассматривали, были профессиональными союзами в том смысле, что они были организациями, состоящими из людей, работающих в одной и той же профессии, но они отличались от современных профсоюзов, а также от средневековых гильдий, целями, ради которых они были созданы. Они не предпринимали никаких попыток повысить заработную плату, улучшить условия труда, ограничить количество подмастерьев, развить навыки и художественный вкус в ремесле или улучшить социальное или политическое положение работника. Именно потребность, которую испытывали их члены в дружеском общении, сочувствии и помощи в чрезвычайных жизненных ситуациях, а также желание придать больше смысла своей жизни сблизили их. Эти мотивы объясняют положения, принятые для общественных собраний и захоронения членов, которые были характерными чертами большинства организаций. Например, именно социальная сторона обозначена на надгробии, найденном в маленьком городке в центральной Италии. После указания имени покойного надпись гласит: "Он завещал своей гильдии, торговцам тряпьем, тысячу сестерциев, из дохода которых каждый год, в праздник Паренталий, не менее двенадцати человек должны обедать у его могилы".¹⁰⁸ Другая надпись в северной Италии гласит: "Публию Этерею Квадрату, сыну Публия из *Трибуса Квирины*, Этерея Аристолай, его мать, установила статую, при посвящении которой она вручила награду. традиционный банкет в честь союза торговцев тряпьем, а также денежную сумму, из дохода которой ежегодно, начиная с этого времени, в день рождения Квадрата, 9 апреля, где покоятся его останки, они должны совершить жертвоприношение и устроить традиционный банкет в храме, и принести розы в положенное время года, и покрыть и увенчать статую; что они и обязались сделать".¹⁰⁹ До нас дошло меню одного из таких обедов, данных в Дакии¹¹⁰. В него входят баранина и свинина, хлеб, салат, лук и два вида вина. Стоимость развлечения составила сто шестьдесят девять *динариев*, или около двадцати семи долларов, - сумму, которая, вероятно, имела бы покупательную стоимость в три-четыре раза большую, чем сегодня.

"Храм" или часовня, упомянутые в этих надписях, обычно были полукруглыми и, возможно, служили образцом для христианских ораторий. Здание обычно стояло в небольшой роще и, с его помещениями для официальных встреч и обедов, служило той же цели, что и современный клубный дом. Помимо специальных собраний, которые устраивал какой-нибудь умерший член гильдии или какой-нибудь богатый покровитель, гильдия собиралась в определенное время в течение года, чтобы поужинать или для других общественных целей. Доход общества, который состоял из вступительных взносов и ежемесячных взносов членов, а также пожертвований, время от времени дополнялся системой штрафов. По крайней мере, в африканской надписи мы читаем: "В курии Юпитера. Совершено 27 ноября, в консульство Матерна и Аттика.... Если кто-нибудь пожелает стать фламеном, он должен дать три амфоры вина, помимо хлеба, соли и провизии. Если кто-нибудь пожелает стать магистром, он должен дать две амфоры вина.... Если кто-либо неуважительно заговорит с огнеметом или поднимет на него руку, он должен заплатить два динария.... Если кто-нибудь пойдет за вином и унесет его с собой, он должен заплатить вдвое больше".¹¹¹

То, что похоронные общества предусмотрели для своих членов, иллюстрируется следующей эпитафией:

"Тени Гая Юлия Филетиона, уроженца Африки, врача, прожившего тридцать пять лет. Гай Юлий Филет и Юлия Эвтения, его родители, воздвигли его в честь своего очень дорогого сына. А также в честь Юлия Афинодора, его брата, который прожил тридцать пять лет. Это устроила Эутения.

Здесь похоронен тот, на чьи похороны гильдия торговцев тряпьем пожертвовала триста динариев".¹¹² Люди всех возрастов жаждали достойных похорон, и трогательная картина, которую Гораций рисует нам в одной из своих сатир о судьбе, постигшей бедных и оставшихся без друзей в конце жизни, вполне могла побудить людей этого класса принять меры, которые защитили бы их от подобного опыта, и не было ничего противоестественного в том, что эти организации состояли из людей, работающих в том же ремесле. До нас дошли уставы нескольких гильдий. В одном из них, найденном в Ланувиуме, есть статьи, касающиеся, в частности, правил захоронения. В них, в частности, говорится:¹¹³

"Членам гильдии было угодно, чтобы тот, кто пожелает вступить в эту гильдию, платил вступительный взнос в размере ста сестерциев и амфору хорошего вина, а также пять ослов в месяц. Проголосовали также за то, что, если какой-либо мужчина не платил свои взносы в течение шести месяцев подряд, и если его постигла участь, общая для всех мужчин, его требование о погребении не должно рассматриваться, даже если он оговорил это в своем завещании. Проголосовали также, что если какой-либо человек из нашего сообщества, уплатив свои взносы, уйдет, ему из казны поступит триста сестерциев, из этой суммы пятьдесят сестерциев, которые будут разделены на погребальном костре, пойдут на погребальные обряды. Кроме того, похороны должны совершаться пешком".

Помимо потребности в товариществе и желания обеспечить достойные похороны, мы можем видеть еще один мотив, который объединял слабых и непритязательных в этих ассоциациях. Они были угнетены чувством собственной незначительности в обществе и той ничтожно малой ролью, которую они играли в мировых делах. Но если бы они могли основать свое собственное общество с присущими только им заботами, которыми они управляли бы, и если бы они могли создать почетные и важные должности в этой организации, даже у самого низкого человека в Риме был бы шанс удовлетворить ту жажду осуществлять власть над другими, которую ощущаем все мы, носить титулы и отличия, знаки отличия должности и ранга. Этот мотив проявился сам по себе при установлении полной иерархии должностей, как мы частично видели в приведенной выше африканской надписи. Римское государство было воспроизведено в миниатюре в этих обществах с их народными собраниями и их должностными лицами, носившими почетные титулы квестора, куратора, претора, эдила и так далее.

Чтение этих двух с половиной тысяч надписей со всех концов Империи приближает нас к сердцу простых людей. Мы видим их маленькие амбиции, их ревность, их страхи, их благодарность за доброту, их собственную отзывчивость и их преданность своим братьям. Все они стремятся к тому, чтобы о них помнили после смерти, и, когда это возможно, организуют празднование своих дней рождения членами ассоциации. Надпись гильдии в Лациуме, например, гласит:¹¹⁴ "6 января, день рождения Публия Клавдия Верация Абаскантиана, [который внес] 6000 сестерциев, [выплачивая годовой процент] 180 динариев". "25 января, день рождения Гаргилия Феликса, [который внес] 2000 сестерциев, [выплачивая годовой процент] 60 динариев", и так далее в течение двенадцати месяцев в году.

Не совсем понятно, почему гильдии никогда не пытались оказать давление на своих работодателей с целью повышения заработной платы или улучшения своего положения посредством забастовки или другими методами, с которыми мы знакомы сегодня. Возможно, разница между древними и современными методами производства помогает нам понять этот факт. В наше время большинство изделий можно изготавливать гораздо дешевле машинным

способом, чем вручную, а использование энергии воды, пара и электричества, а также изобретение сложных машин привело нас к объединению огромного количества рабочих под одной крышей или на одной фабрике. Люди, нанятые таким образом в одном учреждении, работают в общих условиях, страдают от одних и тех же недостатков и вступают в такие тесные отношения друг с другом, что совместные действия по улучшению их участи являются естественными. В древние времена, как видно из главы, посвященной эдикту Диоклетиана, машины были почти неизвестны, и ремесленники работали поодиночке в своих собственных домах или в домах своих работодателей, так что вряд ли можно было ожидать совместных действий по улучшению их положения.

Еще одним фактором, который, вероятно, следует принимать во внимание, является влияние рабства. Этот институт не играл при Империи той важной роли в угнетении свободных работников, которую, как часто предполагается, он играл, потому что он неуклонно вымирал; но работодатель всегда мог прибегнуть к рабскому труду в ограниченном объеме, и борющиеся вольноотпущенники, только что вышедшие из рабства, вряд ли стали бы слишком настойчиво требовать рассмотрения своих требований.

В этой связи интересно вспомнить тот факт, что до того, как рабство утвердилось в Риме, массы в своей борьбе с классами использовали то, что мы сегодня считаем самым современным оружием, применяемым в промышленной войне. Мы все помним, с каким пристальным интересом мы наблюдали за новым опытом, который пережил Санкт-Петербург около шести лет назад, когда была объявлена всеобщая забастовка. И все же, если мы примем традицию, этот метод примирения правительства и общества дважды использовался римским пролетариатом более двух тысяч лет назад. Плебеи, как гласит история, не имея возможности получить свои экономические и политические права, прекратили работу и удалились из города на Священную гору. Их отказ от труда не означал гашения уличных фонарей, приостановки движения трамваев и закрытия фабрик и магазинов, но, помимо потери бойцов, это означало, что больше нельзя было покупать обувь, выполнять плотницкие работы и изготавливать кувшины для вина, пока не будут предоставлены концессии. Но, имея рабов, вынужденных конкурировать с ним, и условия, затруднявшие организацию, свободный труд не мог надеяться на рост, а профсоюзы не могли предпринять никаких серьезных шагов к улучшению положения своих членов. Чувство безопасности на этот счет, которое было у общества, побудило правительство разрешить даже своим собственным служащим организовываться, и мы находим союзы государственных служащих, посыльных и других. Таким образом, римское правительство никогда не было призвано решать серьезные политические и экономические вопросы, с которыми Франции и Италии пришлось столкнуться в последние годы из-за угрозы забастовок государственных железнодорожных и почтовых служащих.

Мы только что обратили внимание, насколько древний профсоюз отличался от современного объектами, которые он стремился заполучить. Религиозный характер, который он принимал, на первый взгляд кажется нам столь же странным. Каждая гильдия ставила себя под защиту какого-либо божества и была тесно связана с каким-либо культом. Сильванус, бог лесов, был естественным любимцем плотников, отец Бахус - трактирщиков, Веста - пекарей, а Диана - тех, кто охотился на диких животных для цирка. Причина выбора некоторых других божественных покровителей не столь ясна. Почему, например, тибурские извозчики выбрали Геркулеса своим божеством-покровителем, если только, подобно Горацию в его Сатирах, древний извозчик не считал его богом сокровищ, и, следовательно, не вдохновлял на щедрые чаевые, мы не можем

догадаться. Религиозная сторона римских торговых ассоциаций не удивит нас, если мы вспомним сильную религиозную склонность римского характера и то, что ни одна группа римлян не подумала бы о создании какой-либо организации без одобрения и защиты богов. Семья, клан, государство - у всех были свои божества-покровители, которым в установленных случаях совершались соответствующие обряды. Говоря о религиозной стороне этих торговых организаций, естественно, вспоминаешь о религиозных ассоциациях, которые возникли в таком большом количестве к концу республиканского периода и при Империи. Они выходят за рамки данной главы, но в свете проблемы, возникшей в последние годы между религиозными ассоциациями и правительствами Италии, Франции, Испании и Португалии, интересно мимоходом отметить, что римское государство стремилось держать под контролем многие древние религиозные ассоциации, но не всегда с большим успехом. Как мы заметили, его отношение к торговым гильдиям не было недружелюбным. Однако в последние дни существования Республики они начали проникать в политику, и были очень эффективно использованы на выборах политическими лидерами обеих партий.¹¹⁵ На самом деле судьба города, казалось, скорее всего, контролировалась политическими клубами, пока суровое законодательство и передача выборов в ранней империи от народных собраний сенату не положили конец использованию торговых ассоциаций в политических целях. Именно в свете этого события правительство отныне потребовало от всех вновь созданных профсоюзов получения официального разрешения.

Изменение отношения государства к этим организациям с течением времени было прослежено Либенамом в его исследовании римских ассоциаций. История этого изменения представляет собой интересный эпизод в истории особых привилегий и, возможно, будет небесполезна для нас. Римское правительство исходило из предположения, что деятельность этих добровольных ассоциаций является как общественным, так и частным делом и может служить общественным интересам. Поэтому их члены должны были быть освобождены от некоторых тягот, которые несли обычные граждане. Например, именно эти рассуждения побудили Траяна освободить пекарей от определенных сборов и подтолкнули Адриана предоставить те же льготы ассоциациям шкиперов, которые снабжали Рим продовольствием. В свете нашего сегодняшнего обсуждения интересно также обнаружить, что Марк Аврелий предоставил им право освобождать рабов и получать наследство — то есть он сделал их юридическими лицами. Но если бы закон поощрял эти ассоциации в той мере, в какой они способствовали общественному благосостоянию, логично было бы также предположить, что государство могло бы наложить на них сдерживающую руку, когда их развитие в высшей степени не отвечало общественным интересам. Следуя этой логической последовательности, император Клавдий, стремясь сделать семейную жизнь более здоровой, или по какой-то другой неизвестной нам причине, запретил закусочным или магазинам деликатесов продавать вареное мясо или теплую воду. Антонин Пий, проявляя отеческую заботу о профсоюзах, предписал тест на возраст и физическое состояние для тех, кто хотел стать их членами. Позже, согласно закону, мужчине было разрешено вступать только в одну гильдию. Такое правовое положение, как это, было естественным следствием уступки привилегий профсоюзам. Если члены этих организаций должны были получать особые благосклонности от государства, государство должно следить за тем, чтобы списки не были заполнены. Фактически, он должен иметь право окончательного контроля над списком членов. До тех пор, пока процветала промышленность и пока население увеличивалось или, по крайней мере, оставалось постоянным, этот надзор со стороны правительства не приносил заметных негативных результатов. Но когда финансовые условия

неуклонно ухудшались, когда большие участки земли перестали обрабатываться, а население быстро сокращалось, численность профсоюзов начала сокращаться. Постоянно усложнявшиеся общественные службы, которые государство требовало от гильдий в обмен на их привилегии, еще больше увеличивали потерю членов. Это движение угрожало промышленным интересам Империи и должно быть остановлено любым способом. Следовательно, сделав еще один логичный шаг на пути государственного регулирования в интересах общества, государство запретило мужчинам выходить из профсоюзов и сделало членство в профсоюзе наследственным. Отныне плотник всегда должен оставаться плотником, ткачиха - ткачихой, а сыновья и внуки плотника и ткачихи должны продолжать занятие своих отцов, и человек навсегда привязан к своему ремеслу, как крепостной к земле.

Римский политический деятель

(Гай Скрибоний Курион)

В жизни Гая Скрибония Куриона так много интересного для изучающих римскую политику и общество, что поражаешься разнообразию ситуаций и переживаний, которые она охватывает. Его личный характер состоит из смеси противоречивых качеств, щедрости и расточительности, искренности и беспринципности. В его общественной жизни происходит такая же легкая смена руководящих принципов. Он попеременно является последователем Цицерона и сторонником его злейшего врага, тори и демократом, признанным противником цезаря и его доверенным лицом и советником. Драматическая карьера Лукана вдохновила его на один из лучших отрывков, придала бодрости прозаическому повествованию Веллея и даже побудила степенного Плиния прибегнуть к сатире.¹¹⁶ Написать картину помогли друзья и враги. Цицерон, советник его юности, пишет о нем и ему; Целий, его закадычный друг, анализирует его характер; Цезарь оставляет нам отчет о своих военных кампаниях и смерти, в то время как Веллей и Аппиан перечисляют его общественные и личные грехи. Его история обладает тем особым очарованием, что многие из составляющих ее происшествий изо дня в день рассказываются так, как они происходили, его современниками, Цицероном и Целием, в конфиденциальных письмах, которые они писали своим близким друзьям. Однако, несмотря на все странные элементы, которые в нее вошли, в его карьере нет ничего необычного для того времени, в которое он жил. Действительно, это почти типично для класса, к которому он принадлежал, и, изучая его, мы узнаем кое-что еще о той группе блестящих молодых людей, состоящей из Целия, Антония, Долабеллы и других, которые были привлечены к делу цезаря и сыграли столь большую роль в достижении им успеха. Жизнь Куриона не только освещает социальные условия первого века до нашей эры, но и олицетворяет политическую историю его времени и последнюю борьбу Республики. Он включает в себя заговор катилинариев, агитацию Клодия, формирование первого триумvirата, соперничество Цезаря и Помпея и гражданскую войну, поскольку во всех этих эпизодах Курион принимал активное участие.

Изучающие историю обращали внимание на поразительный способ, с помощью которого члены некоторых выдающихся римских семей из поколения в поколение сохраняли политические традиции семьи. Семья Клавдиев - яркий тому пример. Признание этого факта помогает нам понять Curio. Его дед и отец были выдающимися ораторами и политиками, как рассказывает нам Цицерон в своем "Бруте".¹¹⁷ Дед стал претором в тот год, когда Гай Гракх был

казнен своими политическими противниками, в то время как Курион патер был консулом, в 76 году до н.э., когда неразбериха, последовавшая за распадом конституции и партии Суллы, достигла своего апогея. Цицерон сообщает нам, что второй Курион "абсолютно не разбирался в буквах", но что он был одним из успешных публичных ораторов своего времени благодаря обучению, которое получил дома. Третий Курион, о котором мы здесь говорим, был подготовлен к общественной жизни, как и его отец, поскольку Цицерон замечает о нем, что "хотя он не был в достаточной степени обучен учителями, он обладал редким ораторским даром".¹¹⁸

По этому поводу Цицерон мог говорить авторитетно, потому что Курион, вполне возможно, был одним из его учеников в области ораторского искусства и юриспруденции. По крайней мере, очень близкое знакомство с характером Куриона и событиями его жизни, отеческий тон писем Цицерона к нему и тот факт, что ближайшие друзья Куриона были среди его учеников, делают этот вывод естественным. Насколько близки были эти отношения, можно видеть из очаровательной картины, которую Цицерон рисует во вступительных главах своего "Эссе о дружбе", о своем собственном общении в молодости с ученым авгуром Сцеволой. Римская молодежь сопровождала своего советника и друга, когда он отправлялся на форум, чтобы принять участие в общественных делах, или сидела с ним дома, обсуждая вопросы, представляющие общественный и частный интерес, как Цицерон и его товарищи сидели на скамейке в саду с понтификом Сцеволой, когда он излагал рассуждения Лелия о дружбе, и таким образом, исходя из своего опыта, старик рассказывал молодым людям о своем образе жизни, а также о технических моментах права и ораторского искусства. Так много блестящих молодых политиков того периода таким образом сблизились с Цицероном, что, когда цезарианцы вытеснили его из политики, он в шутивном письме своему другу Пету сообщает, что склонен оставить общественную жизнь и открыть школу, и не более чем за год до своей смерти трогательно жалуется, что у него нет времени даже искупаться в водах курорта из-за требований, предъявляемых к нему за уроки ораторского искусства.

Если это не уведет нас слишком далеко от выбранной нами темы, было бы интересно остановиться и подробно рассмотреть, какое влияние оказали близкие отношения Цицерона с этими молодыми людьми на его характер, его политические взгляды, его личную судьбу и политический курс. То, что они поддерживали его молодость в его интересах и симпатиях, что они сохраняли его ум бдительным и восприимчивым, ясно видно из его писем к ним, которые полны шуток, насмешки и энтузиазма. То, что он так и не превратился в тори, как это сделал Катулл, или стал безразличен к политическим условиям, как это сделал Лукулл, возможно, отчасти объяснялось его тесной связью с этой группой молодых политиков-энтузиастов. Что касается его личной судьбы, то, когда началась борьба между Цезарем и Помпеем, у этих бывших учеников Цицерона была возможность продемонстрировать ему свою привязанность и благодарность. Они были последователями Цезаря, и он связал свою судьбу с Помпеем. Но это не изменило их отношений. Напротив, они давали ему советы и помогали; в своих самых спешных путешествиях они находили время навестить его и ходатайствовали за него перед цезарем. Чтобы определить, повлиял ли он на судьбу государства через то воздействие, которое его учение оказало на этих молодых людей, потребовался бы отдельный документ. Возможно, ни у одного человека никогда не было лучшей возможности, чем у Цицерона в их случае, произвести неизгладимое впечатление на политических лидеров грядущего поколения. Курион, Целий, Требатий, Долабелла, Гиртий и Панса, которые были помощниками Цезаря в те годы, когда формировались их характеры и определялись их политические тенденции, были сформированы Цицероном. Они были тепло привязаны к нему как к своему наставнику,

философу и другу, и они восхищались им как писателем, оратором и опытным светским человеком. Позже они вперешли на сторону Цезаря, и пока они все еще были под его чарами, влияние Цицерона на их политический курс, похоже, не имело такого большого значения, но после смерти Цезаря скрытое влияние дружбы и учения Цицерона ясно дает о себе знать в героической службе, которую такие люди, как Гиртий и Панса, оказали делу умирающей республики. Возможно, даже Куриона, будь он жив, нашли бы после Мартовских Ид сражающимся на стороне Цицерона.

Возможно, нет лучшего способа показать интимные отношения, которые Курион и другие молодые люди из этой группы питали к оратору, чем перевести одно из ранних писем Цицерона к нему. Оно было написано в 53 году до н.э., когда молодой человек находился в Азии, только начиная свою политическую карьеру в качестве квестора, или казначея, в штате губернатора этой провинции, и гласит:¹¹⁹

"Хотя я и огорчен тем, что вы заподозрили меня в небрежении, все же меня не так раздражало, что вы жалуетесь на мое неисполнение служебных обязанностей, как приятно, что это было замечено, тем более что в том, что касается обвинений, я ни в чем не виноват. Но поскольку ты намекаешь, что жаждешь получить от меня письмо, ты раскрываешь то, что я хорошо знаю, это правда, но то, что сладко и лелеемо — я имею в виду твою любовь. На самом деле, я никогда не пропускаю никого, кто, как я думаю, отправится к вам, не передав ему письма. Ибо кто так неутомим в письме, как я? С другой стороны, от тебя я получал письмо, самое большее, два или три раза, и то очень короткое. Поэтому, если вы несправедливы ко мне, я осужу вас по тому же обвинению, но если вы не хотите, чтобы я это делал, вы должны быть справедливы ко мне.

Но хватит о письмах; я не боюсь не удовлетворить вас своим письмом, особенно если в этом виде деятельности вы не будете пренебрегать моими усилиями. Я *did* огорчился, что тебя так долго не было с нами, поскольку я был лишен удовольствия самого восхитительного общения, но теперь я радуюсь, потому что в твое отсутствие ты достиг всех своих целей, ни в малейшей степени не поступившись своим достоинством, и потому что во всех твоих начинаниях результат соответствовал моим желаниям. Вкратце изложено то, к чему моя безграничная привязанность к вам заставляет меня призывать вас. Я бы сказал, что на ваш дух или на ваши способности возлагается столь большая надежда, что я без колебаний умоляю вас вернуться к нам с таким сформировавшимся характером, чтобы вы могли сохранить и поддерживать то доверие к вам, которое вы пробудили. И поскольку забвение никогда не изгладит из моей памяти ваши заслуги передо мной, я прошу вас помнить, что какие бы улучшения ни произошли в вашем состоянии или в вашем положении в жизни, вы не смогли бы добиться их, если бы в былые дни, будучи мальчиком, не последовали моим самым верным и любящим советам. Поэтому ты должен испытывать к нам такие чувства, чтобы мы, которые сейчас отяжелели от лет, могли найти покой в твоей любви и твоей молодости".

В самом неожиданном месте, в одной из пламенных инвектив Цицерона против Антония,¹²⁰ мы наталкиваемся на эпизод, иллюстрирующий его нежную заботу о Курионе в юности Куриона. Старший Курион лежит на кушетке, распростертый ниц от горя из-за разрушения, которое его сын навлек на дом своей распутной жизнью и расточительностью. Младший Курион в слезах бросается к ногам Цицерона. Подобно приемному отцу, Цицерон убеждает молодого человека отказаться от своих дурных привычек и убеждает отца простить его и оплатить долги. Сцена, которую он описывает здесь, напоминает нам о первом появлении Куриона в переписке

Цицерона, где, имея в виду разгульную жизнь Куриона, о нем говорится как *офилиоле Курионисе*.¹²¹

Вполне уместно, что человек, обреченный вести такую бурную жизнь, как Курио, вышел на сцену в качестве лидера в дикой суматохе дела Клодиана. Нелегко сказать, что вывело двух Курионов на первый план в этом вопросе как защитников будущего врага Цицерона Клодия. Интересно, однако, мимоходом заметить, что наш Куратор приходит в политику как демократ. Фактически, он был лидером более молодого элемента в этой партии, "толпы катилинаристов", как называет их Цицерон, и выступил против Лукулла, Гортензия, Мессалы и других видных консерваторов. Цицерон наглядно описывает, какие методы применяли Курион и его последователи.¹²² Они заблокировали входы на избирательные участки профессиональными хулиганами и разрешили раздавать избирателям бюллетени только одного вида. Это было в 61 году до нашей эры, когда Куриону едва ли было больше двадцати трех лет.

В следующем году Цезарь вернулся в Рим после своего успешного пропреторства в Испании и без особых трудностей убедил Помпея и Красса присоединиться к нему в заключении политического соглашения, которое определяло судьбу Рима в течение следующих десяти лет. В рамках соглашения Цезарь был назначен консулом в 59 году до н.э. и провел свой радикальный закон через народное собрание, несмотря на яростное сопротивление консерваторов. В этом же году Клодий выдвинул свою кандидатуру на трибунат. Отношение Куриона к обоим этим движениям вызывает недоумение. Он сообщает Цицерону¹²³, что главная цель Клодия в баллотировании на трибунат - отменить законодательство Цезаря. Странно, что человек, который пользовался советами Клодия и в других случаях был так проницателен в истолковании политических мотивов, мог быть так обманут. Мы с трудом можем поверить, что он был двуличен по отношению к Цицерону. Я думаю, мы должны заключить, что его сильная неприязнь к политике и политическим методам цезаря повлияла на его взгляд на ситуацию. Его яростное сопротивление Цезарю - еще один странный инцидент в этот период его жизни. Большинство молодых людей того времени, даже из хорошей семьи, были восторженными сторонниками Цезаря. Курион, однако, настроен против него категорически.¹²⁴ Возможно, его возмущало подавление цезарем свободы слова, поскольку он говорит Цицерону, что молодежь Рима не подчинится своевольным методам триумвиров, или, возможно, он перенял свою раннюю неприязнь к Цезарю от своего отца, чувства которого достаточно ясны в яростной эпиграмме на счет Цезаря, которую Светоний цитирует из речи Куриона-старшего.¹²⁵ Во всяком случае, он единственный человек, который мог бы противостоять Императору. кто осмелится высказаться вслух? Он является кумиром консерваторов, и всякий раз, когда он появляется на форуме, его окружают восторженные толпы. В настоящее время он является признанным лидером оппозиции Цезарю, и весомое доказательство этого факта представлено на великих играх, данных в честь Аполлона летом 59 года. Когда Цезарь вошел в театр, раздались слабые аплодисменты; когда вошел Курион, толпа встала и приветствовала его, "как раньше приветствовали Помпея, когда общебогатство было в безопасности".¹²⁶ Возможно, загадочный эпизод с Веттием, древнее дело Тита Оутса, относящееся к этому году, отражает желание триумвиров избавиться от Куриона, а также показывает их страх перед его оппозицией. Говорят, что этот недобросовестный информатор в частном порядке рассказал Куриону о заговоре против жизни Помпея в надежде вовлечь его в сети заговора. Курион донес на него Помпею, и Веттий был брошен в тюрьму, где впоследствии был найден мертвым, прежде чем удалось установить истину. Конечно, противодействие Куриона цезарю мало что дало, за исключением, возможно, привлечения внимания Цезаря к нему как к умному политику.

О квесторстве Куриона в Азии уже упоминалось. Он пал в 53 году до нашей эры, и, исходя из его пребывания на этом посту, мы можем приблизительно определить дату его рождения. Тридцать или тридцать один год, вероятно, был минимальным возрастом для занятия квесторства в то время, так что Курион, должно быть, родился около 84 года до н.э. Из письма Цицерона к нему, которое было приведено выше, по-видимому, следует, что он с выдающимся успехом выполнял свои обязанности в своей провинции. Во время его отсутствия в Риме умер его отец, и со смертью отца, возможно, исчезла одна из причин, вызывавших его неприязнь к Цезарю. Отсутствию Куриона в его провинции мы обязаны шестью очаровательными письмами, которые Цицерон написал ему. В одном из своих писем этого года он пишет:¹²⁷ "Как вы хорошо знаете, существует много видов писем, но лучше всего распознается один вид, ради которого было изобретено письмо: я имею в виду письма, написанные с целью информировать тех, кто не с нами, о том, что может быть в наших интересах или в их интересах, если они должны знать. Конечно, вы не ждете от меня такого письма, потому что у вас есть корреспонденты и курьеры из дома, которые сообщают вам о вашем хозяйстве. Более того, что касается моих опасений, то здесь нет абсолютно ничего нового. Остались письма двух видов, которые мне очень нравятся: одни - неформальные и шуточные; другие - серьезные и весомые. Я не считаю, что неприлично перенимать любой из этих стилей. Должен ли я шутить с вами в письме? Честное слово, я не думаю, что в наши дни найдется гражданин, способный смеяться. Или мне написать что-нибудь более серьезного характера? На какую тему Цицерон может серьезно написать Куриону, если только это не касается государства? И в этом вопросе моя ситуация такова: я не осмеливаюсь изложить письменно то, что я думаю, и не желаю писать то, чего я не думаю".

Римляне испытывали такое же безразличие к делам в провинциях, какое мы проявляем в этой стране, если только их капиталовложения не были в опасности. Они были поглощены своими собственными заботами, а политика в Риме в 53 году до нашей эры была настолько поглощена, что жители города, вероятно, обращали мало внимания на действия квестора в далекой провинции Азия. Но по мере приближения времени возвращения Курио люди вспоминали поразительную роль, которую он играл в политике в прежние дни, и задавались вопросом, какой курс он изберет, когда вернется. События стремительно приближались к кризису. Юлия, дочь Цезаря, на которой женился Помпей, умерла летом 54 года до н.э., а Красс был побежден и убит парфянами в 53 году до н.э. Смерть Красса свела Цезаря и Помпея лицом к лицу, и смерть Юлии разорвала одну из самых прочных уз, которые связывали этих двух соперников вместе. Положение цезаря также стало ненадежным из-за отчаянной борьбы с белгами, в которую он был вовлечен в 53 году до н.э. В Риме яростно кипел политический котел. Город был во власти банд головорезов, нанятых Милоном и Клодием, которые сорвали выборы в 53 году до н.э., так что первого января 52 года в городе не было главных магистратов. Для человека смелости и разносторонности Куриона эта ситуация открывала почти неограниченные возможности, и, признавая этот факт, Цицерон искренне пишет ему,¹²⁸ накануне его возвращения, чтобы заручиться его поддержкой кандидатуры Милона на пост консула. Курион, возможно, только прибыл в город, когда ситуация достигла апогея, поскольку 18 января 52 года до н.э. Клодий был убит в уличной драке сторонниками Милона, и вскоре после этого Помпей был избран единоличным консулом, чтобы, по возможности, навести порядок в хаосе.

Курион не был призван поддержать Милона на пост консула, потому что участие Милона в убийстве Клодия и возведение Помпея на его внеконституционную должность положили конец выдвижению кандидатуры Милона. Какую роль он принимал в поддержке или противодействии реформаторскому законодательству Помпея 52 года до н.э. и какое участие он принимал в

предварительных стычках между цезарем и сенатом в начале 51 года, мы не можем знать. Однако ближе к концу года, когда ситуация обострилась, мы снова слышали о нем как об активном политическом лидере. Отсутствие Цицерона в Риме с мая 51 по январь 49 года до н.э. - счастливая случайность для нас, поскольку этому мы обязаны остроумными и полными сплетен политическими письмами, которые его друг Целий присылал ему из столицы. В одном из этих писем, написанном 1 августа 51 года до н.э., мы узнаем, что Курион является кандидатом на трибунат на следующий год, и в нем мы находим глубокий анализ ситуации и интересную, хотя и дразняще-краткую оценку его характера. Исходящая от близкого друга Curió, она особенно ценна для нас. Целий пишет:¹²⁹ "Он внушает большую тревогу многим людям, которые его не знают и не знают, как легко на него можно повлиять, но, судя по моим надеждам и желаниям, а также по его нынешнему поведению, он предпочтет поддержать консерваторов и сенат. В своем нынешнем настроении он просто переполнен этим чувством. Источник и причина такого его отношения кроется в том факте, что Цезарь, который имеет привычку завоевывать дружбу людей самого худшего сорта любой ценой, проявил к нему большое презрение. И из всего этого дела мне кажется, что это самый восхитительный исход, и остальные тоже разделяют это мнение до такой степени, что Курион, который ничего не предпринимает после обдумывания, похоже, следовал определенной политике и определенным планам, чтобы избежать ловушек тех, кто готовился воспротивиться его избранию на трибунат — я имею в виду Лелия, Антония и влиятельных людей того сорта". Без твердых убеждений или устоявшейся политики, беспринципный, импульсивный, радикальный и непостоянный - вот качества, которые Целий находит в Курионе, и то, что мы видели в его карьере, заставляет нас признать правильность этой оценки. В 61 году он был защитником Клодия и лидером молодых демократов, в то время как два года спустя мы обнаружили, что он противник Цезаря и ультраконсерватор. Именно в свете своего знания характера Куриона и после получения этого письма от Целия Цицерон пишет в декабре 51 года до н.э., чтобы поздравить его с избранием на трибунат. Он умоляет его "управлять и направлять его курс во всех вопросах в соответствии со своим собственным суждением и не увлекаться советами других людей". "Я не боюсь, - говорит он, - что вы можете поступить малодушно или глупо, если будете защищать ту политику, которую вы сами считаете правильной.... Поговорите с самим собой, посоветуйтесь с самим собой, прислушайтесь к себе, определите свою собственную политику".

Другой момент в письме Целия, его анализ политической ситуации, насколько это касается Куриона, не так легко уловить. Целий, очевидно, считает, что Курион кокетничал с цезарем и был отвергнут им, что его интриги с цезарем сначала побудили аристократию выступить против его кандидатуры, но что презрительное отношение Цезаря к его ухаживаниям привело его в объятия сенаторской партии. Однако вполне возможно, что взаимопонимание между Цезарем и Курионом было достигнуто уже на таком раннем этапе, и что холодность цезаря и консерватизм Куриона могли быть как предположительными, так и ложными. Это позволило бы Куриону изображать из себя независимого лидера, свободного от всех обязательств перед цезарем, Помпеем или консерваторами, стремящегося к честной игре и защите интересов всего народа, независимого лидера, которого в конце концов перешла на сторону Цезаря эгоистичная и фракционная оппозиция сенаторской партии его реформаторским мерам и его пропаганде справедливого правосудия как для цезаря, так и для Помпея.¹³⁰

Независимо от того, пришел Курион к взаимопониманию с цезарем до того, как вступил в должность трибуна, или нет, его политика с самого начала была хорошо рассчитана, чтобы сделать так, чтобы передача его верности казалась навязанной ему, и помочь ему передать

цезарю поддержку тех, кто не был ослеплен партийными чувствами. Не пробыв на своем посту и двух недель, Курион внес законопроект, который аннулировал бы закон, принятый цезарем в его консульство и закреплявший земли в Кампании за ветеранами Помпея.¹³¹ Отмена этого закона всегда была любимым проектом консерваторов, и предложение Куриона, казалось, было направлено в равной степени против Цезаря и Помпея. В феврале 50 года до н.э. он внес два законопроекта, принятие которых облегчило ему переход в партию цезаря. Одно из них предусматривало ремонт дорог, и, как сообщает нам Аппиан,¹³² хотя "он знал, что не сможет принять никаких подобных мер, он надеялся, что друзья Помпея выступят против него, чтобы у него был повод выступить против Помпея". Вторая мера заключалась в введении промежуточного месяца. Следует помнить, что до того, как Цезарь реформировал календарь, было необходимо вставлять дополнительный месяц в чередующиеся годы, и 50 год до н.э. был годом, в который требовалась вставка. Таким образом, предложение Курио было очень правильным. Оно зарекомендовало бы себя также с точки зрения справедливости. 1 марта было назначено днем, когда сенат должен был рассмотреть вопрос о провинциях цезаря, и после этой даты было бы мало возможностей для рассмотрения других вопросов. Теперь вставленный месяц был бы вставлен, в соответствии с обычной практикой, после 23 февраля, и к моменту его вставки было бы отведено время для надлежащего обсуждения мер, предложенных Курио. Между прочим, и, вероятно, Курион имел это в виду, дата, когда от цезаря могли потребовать сдачи его провинций, была отложена. Предложение ввести дополнительный месяц было отклонено, и Курион, которому на каждом шагу мешала пристрастная и необоснованная оппозиция Помпея и консерваторов, нашел предлог, ради которого действовала ложь, и открыто выступил в защиту Цезаря.¹³³ Те, кто хорошо его знал, не были удивлены переходом на сторону Императора. Вероятно, опасаясь такого шага, Цицерон убеждал его не поддаваться чужому влиянию, и когда Цицерон в Киликии услышал эту новость, он написал своему другу Целию: "Возможно ли это? Курион теперь защищает цезаря! Кто бы мог этого ожидать? — кроме меня самого, ибо, насколько я надеюсь выжить, я этого ожидал. Небеса! как я скучаю по тому смеху, который мы могли бы посмеяться над этим". Оглядываясь назад, насколько мы можем сейчас, на политическую роль, которую Курион играл в течение следующих двенадцати месяцев, кажется странным, что двое его близких друзей, которые были такими дальновидными политиками, какими были Цицерон и Целий, так сильно недооценили его политические способности. О высшей политической проницательности цезаря свидетельствует то, что он ясно видел свои качества лидера и тактика. На какие условия был вынужден пойти Цезарь, чтобы заручиться его поддержкой, мы не знаем. Ходили слухи, что цена составляла шестьдесят миллионов сестерциев,¹³⁴ или более двух с половиной миллионов долларов. Он, несомненно, был в тяжелом положении. Огромные суммы, которые он потратил на проведение похоронных игр в честь своего отца, вероятно, сделали его банкротом, и большие суммы денег были выплачены за политические услуги в последние годы существования республики. Естественно, доказательств сделки быть не может, и даже Веллей Патеркул в своем жестоком обвинении Куриона¹³⁵ не уверен в правдивости этой истории, но она правдоподобна.

Цезарю давно пора было обзавестись агентом в Риме. Приближался март месяц, когда в сенате должно было начаться долгожданное обсуждение вопроса о его провинциях. Его политическое будущее и его права как гражданина зависели от того, удастся ли ему заблокировать попытки сената отобрать у него провинции до конца года, когда он сможет перейти от должности проконсула к должности консула. Промежуток в личной жизни хотя бы в месяц между двумя

должностями - это все, что понадобилось бы его врагам для предъявления ему политических обвинений, которые привели бы его к краху. Следовательно, его смещение до конца года должно быть предотвращено любой опасностью. К этой задаче Курио подошел сам, причем с исключительной ловкостью. Он не сразу проявил себя как защитник Цезаря. Его функция заключалась в том, чтобы удерживать чашу весов в верном положении между цезарем и Помпеем, защищать Содружество от чрезмерных амбиций и угрожающей политики обоих людей. Он поддержал предложение о том, чтобы призвать Цезаря сдать свою армию, но вместе с этим потребовал, чтобы Помпей также отказался от своих войск и своего проконсула. Справедливость его плана понравилась массам, которые не потерпели бы одолжения Помпею за счет Цезаря. Это привлекло даже большинство в сенате. Разумность его политики была ясно продемонстрирована на решающем заседании сената в декабре 50 года до н.э. Аппиан рассказывает нам такую историю:¹³⁶ "В сенате было опрошено мнение каждого члена, и Клавдий хитро разделил вопрос и подсчитал голоса по отдельности, таким образом: "Должен ли Помпей быть лишен своего командования?" Большинство проголосовало против последнего предложения, и было постановлено, что преемники цезаря должны быть отправлены. Затем Курион поставил вопрос, должны ли оба сложить свои командования, и двадцать два проголосовали против, в то время как триста семьдесят вернулись к мнению Куриона, чтобы избежать гражданских разногласий. Затем Клавдий распустил сенат, воскликнув: "Наслаждайся своей победой и получи цезаря в качестве повелителя!" На решение сената было наложено вето, и поэтому оно не имело юридической силы, но оно поставило цезаря и Куриона в правое положение, а сторонников Помпея - в неправильное.

В рамках своей политики защиты цезаря, привлекая внимание к исключительному положению и неконституционному курсу Помпея, Курион компенсировал консервативные нападки на Цезаря публичными выступлениями, яростно обвиняющими Помпея за то, что он сделал во время своего консульства пять лет назад. Когда мы вспомним едкое остроумие и сарказм Куриона и непопулярность своевольных методов Помпея того года, мы оценим эффективность этой фланговой атаки.

Еще одним оружием, которым он свободно пользовался, было его неограниченное право вето как трибуна. Уже в апреле Целий оценил, насколько успешной будет эта тактика, и увидел дилемму, в которую она поставит консерваторов, поскольку он пишет Цицерону: "Вот что я должен тебе сказать: если они будут оказывать давление на Куриона по всем пунктам, цезарь будет защищать свое право вето; если, что кажется вероятным, они будут уклоняться [от отмены его решения], цезарь останется [в своей провинции] столько, сколько захочет". Право вето было оружием, которое он использовал против сената на заседании этого органа первого декабря, о котором уже упоминалось. Июльские выборы обернулись против Цезаря. Двое консерваторов были возвращены консулами. Осенью сенат нашел законный способ лишить цезаря двух его легионов. Разговоры о компромиссе затихали. Помпей, который весной был безнадежно болен, восстановил свои силы. Он был выведен из себя жестокими нападками Куриона. Сенсационные истории о передвижениях войск Цезаря на Севере перешептывались на форуме и усиливали напряженность. Осенью, например, цезарю представился случай посетить города северной Италии, чтобы поблагодарить их за поддержку Марка Антония, его кандидата на трибунал, и по Риму разнесся дикий слух, что он выдвинул четыре легиона к Плацентии,¹³⁷ что его поход на город начался, за чем последовали беспорядки и неразбериха. Именно в этих обстоятельствах консул Марцелл внес в сенат предложение направить преемников для управления провинциями цезаря, но это предложение было заблокировано вето Куриона, после чего консул

воскликнул: "Если голосование сената помешает мне предпринять шаги для общественной безопасности, я приму такие шаги под свою личную ответственность как консула". Сказав это, он выбежал из сената и направился со своим коллегой в пригород, где вручил Помпею меч и сказал: "Мой коллега и я приказываем тебе выступить против цезаря от имени твоей страны, и мы даем тебе для этой цели армию, которая сейчас находится в Капуе или в любой другой части Италии, и любые дополнительные силы, которые ты решишь набрать".¹³⁸ Курион достиг своей цели. Он показал, что Помпей, так же как и Цезарь, представлял угрозу для государства; он предотвратил отзыв Цезаря; он показал Антонию, который должен был сменить его на трибунате, как заставить сенат применить принудительные меры против его священной персоны в качестве трибуна и таким образом оправдать курс Цезаря в войне, и он побудил консерваторов сделать первый открытый шаг в войне, поручив Помпею начать кампанию против Цезаря без какого-либо разрешения сената или народа.

Известие о неконституционном шаге, предпринятом Марцеллом и Помпеем, достигло Рима 19 или 20 декабря. Работа Куриона в качестве трибуна была закончена, и двадцать первого числа того же месяца он отправился на Север, чтобы присоединиться к своему лидеру. Сенат должен был быть созван новыми консулами 1 января, и поскольку до реформы календаря в декабре было всего двадцать девять дней, Куриону оставалось всего восемь дней, чтобы добраться до штаб-квартиры цезаря, изложить ему ситуацию и вернуться в город со своим ответом. Равенна, где находилась штаб-квартира цезаря, находилась в двухстах сорока милях от Рима. Он преодолел это расстояние, по-видимому, за три дня, провел, возможно, два дня с цезарем и снова вернулся в Рим на заседание сената утром 1 января. Следовательно, он проезжал семьдесят пять-восемьдесят миль в день, что вдвое превышало скорость обычного римского курьера.

Мы не можем слишком сильно сожалеть о том факте, что у нас нет отчета о встрече Куриона с цезарем и его рассказе цезарю о ходе событий в Риме. При составлении документа, который был подготовлен на этой конференции, Цезарь, должно быть, находился под большим влиянием глубокого знания Куриона условий в столице и настроений сената. Это был ультиматум, и, когда Курион представил его сенату, этот орган принял вызов и призвал цезаря сложить с себя командование в установленный срок или быть объявленным врагом общества. Цезарь ответил тем, что пересек границу своей провинции и быстро занял один город за другим в северной Италии. Все это было согласовано на встрече Куриона и цезаря, и Веллей Патеркул¹³⁹, вероятно, прав, возлагая ответственность за войну в значительной степени на плечи Куриона, который, по его словам, свел на нет справедливые условия мира, которые Цезарь был готов предложить, а Помпей принять. Вся ситуация наводит на вывод, что цезарь не желал войны и не был к ней готов. Если бы он предвидел его немедленную вспышку, он вряд ли позволил бы ему возникнуть, когда с ним на границе был только один легион, в то время как остальные десять легионов находились на большом расстоянии.

С самого начала Курион принимал активное участие в войне, для развязывания которой он так много сделал, и было вполне уместно, что заключительные события его жизни были описаны для нас его великим покровителем Цезарем в его повествовании о Гражданской войне. 18 или 19 января, через десять дней после перехода Рубикона, мы слышим о том, что его отправляют с отрядом войск занять Игувиум,¹⁴⁰ а месяц спустя он уже командует одним из лагерей перед цитаделью Корфиниум.¹⁴¹ С падением Корфиния 21 февраля начался стремительный марш Цезаря на юг, который в течение месяца изгнал помпеянцев из Италии и дал Цезарю полный

контроль над полуостровом. В этой блестящей кампании Курион, несомненно, принимал активное участие, поскольку по окончании ее цезарь дал ему независимое поручение по оккупации Сицилии и северной Африки. Ему не могли дать более важного командования, поскольку Сицилия и Африка были житницами Рима, и если помпеянцы продолжат удерживать их, цезарию в Италии можно будет заставить подчиниться голодом. Этой злополучной кампании Цезарь посвящает вторую половину второй книги своей "Гражданской войны". В начале своего рассказа об этом он замечает: "Демонстрируя с самого начала полное презрение к военной мощи своего противника, Публия Аттия Вара, Курион переправился с Сицилии в сопровождении всего двух из четырех легионов, первоначально предоставленных ему цезарем, и всего пятисот всадников".¹⁴² Оценка, которую дал ему о нем Целий, в конце концов, была верной, по крайней мере, в военном деле. Он был смелым и порывистым, и ему не хватало четкой политики. Там, где смелость и быстрота движений могли достичь его цели, он преуспевал, но ему не хватало терпения, чтобы выяснить размер и расположение сил противника, и хладнокровия, чтобы сравнить свои собственные силы с силами противника. Именно эта слабость в его характере военачальника побудила его вступить в бой с Варом и лейтенантом Джубы Сабуррой, не узнав заранее, как он мог бы сделать, что Джуба с большой армией расположился лагерем менее чем в шести милях в тылу Сабурры. Люди Куриона были окружены врагом и изрублены на месте. Его подчиненные умоляли его спастись бегством, но, как пишет Цезарь,¹⁴³ "Он без колебаний ответил, что, потеряв армию, которую Цезарь вверил его попечению, он никогда не вернется, чтобы посмотреть ему в лицо, и с этим ответом погиб в бою".

Три года спустя военная удача привела Цезаря в северную Африку, и он пересек часть региона, где проходила неудачная кампания Куриона. Суровым взглядом опытного солдата он отметил роковые ошибки, допущенные Курионом, но вспомнил также об очаровании его личных качеств, и поражение при Утике было забыто в его воспоминаниях о великой победе, которую Курион одержал для него в одиночку в Риме. Даже Лукан, сторонник сената, который Курион презирал, не может скрыть своего восхищения блестящей карьерой Куриона и сожаления по поводу трагического конца Куриона. Стоя в воображении перед поверженным римским вождем, он восклицает:¹⁴⁴ "Счастлив был бы ты, о Рим, и тебе было бы суждено благословлять свой народ, если бы вышним богам было угодно охранять твою свободу так же, как им было угодно отомстить за ее потерю. О, благородное тело Куриона, не покрытое гробницей, кормит птиц Ливии. Но тебе, поскольку нет пользы замалчивать те деяния твои, которые их собственная слава защищает вечно, несмотря на упадок времени, мы платим сейчас такую дань, о юноша, какую вполне заслужила твоя жизнь. Рим не произвел на свет ни одного другого гражданина с таким талантом, ни одного человека, которому закон был бы обязан больше, если бы он пошел по правильному пути. Как бы то ни было, развращение эпохи погубило город, когда жажда должности, пышности и власти, которую дает богатство, которой всегда следовало бояться, захлестнула его колеблющийся разум внезапным потоком, и смена Куриона, вызванная добычей в Галлии и золотом Цезаря, стала тем, что повернуло ход истории. Хотя могущественный Сулла, свирепый Марий, забрызганный кровью Цинна и вся ветвь Цезарева дома мечом держали нас за горло по своей милости, кому была дарована такая власть? Все другие покупали, он продал государство".

Гай Матий, друг Цезаря

"Non enim Cæsarem ... sum secutus, sed amicum."

Гай Матий, герой этого очерка, не был ни великим воином, ни государственным деятелем, ни писателем. Если бы его притязания на память основывались на том, что он делал в той или иной из этих ролей, он был бы давным-давно забыт. Именно его талант к дружбе сохранил память о нем свежей, и это то, чего он сам бы желал. О его ранней жизни мы знаем мало, но это не имеет большого значения, потому что интерес, который он вызывает у нас, сосредоточен на его отношениях с Цезарем в раннем взрослом возрасте. Будучи благородного происхождения и человеком с пристрастием к учебе, он, вероятно, посещал Афинский университет и слушал там лекции, как молодые Цицерон и Мессала в более поздний период. Должно быть, он был человеком тонких вкусов и образованности, поскольку Цицерон в письме другу дарует Матию титул "doctissimus", высший литературный комплимент, который один римлянин мог сделать другому, а Аполлодор из Перагамума посвятил ему свой трактат по риторике. Поскольку он родился около 84 года до н.э., он вернулся после нескольких лет учебы в Афинах примерно в то время, когда Цезарь отправлялся в свою блестящую кампанию в Галлии. Матий присоединился к нему, привлеченный, возможно, личным обаянием молодого проконсула, возможно, любовью к приключениям, возможно, как и его друг Требатий, надеждой создать репутацию.

Во всяком случае, он уже был с Цезарем где-то в Галлии в 53 году до н.э., и трудно придумать опыт, который лучше показал бы хорошие и дурные качества характера Цезаря, чем годы походной жизни, которые Матий провел с ним в дебрях Галлии и Британии. Как адъютанту, или ординарцу, ибо такую должность он, вероятно, занимал, его место было рядом с цезарем. Они вместе переходили реки вброд, шли пешком или ехали верхом по лесу или открытой местности бок о бок, делили один и тот же скудный рацион и лежали в одной палатке в конце дневного перехода, готовые по первому сигналу вскочить с земли, чтобы защитить друг друга от нападения свирепого врага. Повествование Цезаря о его кампаниях в Галлии - это солдатский рассказ о военных передвижениях, и, возможно, из наших школьных воспоминаний о нем нам онотак же мало нравится, как Горацию поэма Ливия Андроника, которую он изучал под руководством "Орбилия розги", но даже неясности латинского сослагательного и аблятивного падежей не могли полностью заслонить от нас романтическую историю отчаянной осады Алезии и финальной битвы, которую галлы предприняли, чтобы отбросить захватчика. Матий разделил с цезарем все тяготы и опасности той кампании, и вместе с цезарем он стал свидетелем финальной сцены трагедии, когда Верцингеторикс, героический галльский вождь, сложил свой меч, и завоевание Галлии было завершено. Неудивительно, что Матиус и другие молодые люди, последовавшие за Цезарем, были преисполнены восхищения человеком, который осуществил все это.

Это была заметная группа, в которую входили Требатий, Гиртий, Панса, Оппий и Матий. Все они были из нового Рима. Возможно, они смутно сознавали, что мантия Тиберия Гракха пала на их лидера, что великая политическая борьба, длившаяся почти столетие, приближалась к своему завершению и что они были накануне более великой победы, чем та, что одержана при Алезии. Казалось бы, только двое из них, Матиус и Требатиус, дожили до рассвета нового дня. Но Матиуса привлекли к нему не только и не столько блестящие качества цезаря как военного или политического лидера. Как он сам говорит об этом в своем письме Цицерону: "Я последовал не за цезарем, а за другом". Лукулл и Помпей добились такого же выдающегося успеха на Востоке,

как Цезарь на Западе, но мы не слышим ни о какой такой группе способных молодых людей, которые следовали за своей судьбой и были привязаны к Цезарю. Мы должны найти причину разницы в личных качествах Цезаря, и ничто так ясно не доказывает очарование его характера, как преданность ему этой группы людей. В группе Матиус является лучшим представителем мужчины и друга. Когда Цезарь стал самостоятельным, Матиус не просил и не принимал политических постов, которые Цезарь с радостью дал бы ему. Достаточно вспомнить имена Антония, Лабиена или Децима Брута, чтобы понять тот факт, что цезарь помнил и вознаграждал верные заслуги своих последователей. Но Матий был другом Цезаря и ничем больше, ни его конюшим, как Антоний, ни его политическим и финансовым наследником, как Октавий. В своей верности цезарю он не искал никакой другой награды, кроме дружбы цезаря, и его услуги ему принесли с собой их же ответ. Действительно, из-за своего друга он понес утрату, поскольку один из законов цезаря лишил его части имущества, как он сам говорит нам, но этот опыт не уменьшил его привязанности. Как отличалось его отношение от отношения других, которые заявляли о дружбе с Цезарем! Некоторые из них ополчились на своего лидера и составили заговор против его жизни, когда разочаровались в милостях, которые они получили от него, а другие, когда он был убит, использовали его имя и его дружбу для осуществления своих собственных честолюбивых замыслов. Антоний и Октавий борются друг с другом, чтобы перехватить бразды правления, выпавшие из его рук; Долабелла, который, кажется, считает себя дублером Цезаря, играет в Риме серио-комическую роль в своих попытках занять место умершего диктатора; в то время как Децим Брут спешит на Север, чтобы удостовериться в провинции, которую дал ему Цезарь.

От этих людей, движимых эгоизмом, ревностью, жадной наживы, сентиментальностью или лицемерным патриотизмом, Матиус стоит особняком и, возможно, одинок. Для него смерть Цезаря означает потерю друга, человека, в которого он верил. Он не может найти точки соприкосновения ни с теми, кто радуется смерти тирана, как это делает Цицерон, поскольку он не считал цезаря тираном, ни с теми, кто использует имя Цезаря для заклинаний. Мы уже говорили, что он не занимал никаких политических постов. Он действительно принял должность прокуратора, или суперинтенданта, публичных игр, в которых цезарь поклялся участвовать на поле Фарсала, но которому помешала смерть, и именно благочестивым исполнением этого долга, который он взял на себя, он навлек на свою голову гнев "аукторес либертатис", как он их иронически называет. Он тоже скорбел о смерти цезаря, хотя, как говорили освободители, "человек должен ценить отечество превыше друга". Матиус не придавал значения этим разговорам. Он знал об этом с самого начала, но это его не беспокоило. И все же, когда до него дошли слухи, что его друг Цицерон, к которому он был привязан с детства, которому доказал свою верность в критические моменты, был среди его обвинителей, он не мог негорько пожаловаться на несправедливость. Через общего друга Требатия, с которым он познакомился в Галлии, он выражает Цицерону свою скорбь по поводу его недоброжелательности. То, что Цицерон должен сказать в объяснение своей позиции и в свою защиту, мы не можем сделать лучше, чем передать его собственными словами:

*"Цицерон к заутрене, приветствие:"*¹⁴⁵

"Мне самому еще не совсем ясно, принес ли мне больше горя или радости наш друг Требациус, который столь же верен, сколь и предан нам обоим: вечером я добрался до своей тускуланской виллы, а на следующий день, ранним утром, он пришел навестить меня, хотя еще не восстановил свои силы. Когда я упрекнула его в том, что он слишком мало

заботится о своем здоровье, он сказал, что нет ничего более близкого его сердцу, чем видеть меня. "Ничего нового", - говорю я? Он рассказал мне о вашей претензии ко мне, но прежде чем я дам какой-либо ответ по этому поводу, позвольте мне изложить несколько фактов.

"Насколько я помню прошлое, у меня не было друга более давнего, чем ты; но долговечность характерна для многих дружеских отношений, в то время как любовь - нет. Я полюбил тебя в тот день, когда встретил тебя, и я верил, что ты любишь меня. Твой последующий отъезд, и это тоже надолго, моя предвыборная агитация и наш разный образ жизни не позволили нашей склонности друг к другу укрепиться из-за близости; тем не менее я видел твое чувство ко мне за много лет до Гражданской войны, когда цезарь был в Галлии; ты добился результата, который, по твоему мнению, принес бы большую пользу мне, а не ущерб самому Цезарю: я имею в виду, заставил его полюбить меня, почитать меня, считать меня одним из своих друзей. О многих конфиденциальных сообщениях, которые передавались между нами в те дни из уст в уста, по письмам, посредством посланий, я ничего не говорю, ибо наступили более суровые времена. В начале Гражданской войны, когда ты направлялся в Брундизий, чтобы присоединиться к цезарю, ты пришел ко мне на мою формийскую виллу. Во-первых, как много значил сам этот факт, особенно в те времена! Более того, ты думаешь, я забыл твой совет, твои слова, доброту, которую ты проявил? Я помню, что там был Требатий. Насколько я помню, я не забыл и письмо, которое ты прислал мне после встречи с Цезарем в округе близ Требулы. Затем наступил тот злополучный момент, когда либо мое уважение к общественному мнению, либо чувство долга, либо случайность, называйте это как хотите, вынудили меня отправиться к Помпею. Каким проявлением доброты или заботы по отношению ко мне в мое отсутствие или к моим близким в Риме вы пренебрегли? На самом деле, кого из всех моих друзей вы считали более преданным мне и самим себе, чем вас? Я прибыл в Брундизий. Думаешь, я забыл, в какой спешке ты примчался ко мне из Тарента, как только услышал об этом? Как много значило для меня ваше присутствие, ваши слова поддержки мужеству, сломленному страхом вселенской катастрофы! Наконец-то началась наша жизнь в Риме. Какого элемента не хватало нашей дружбе? В самых важных вопросах я следовал вашим советам относительно моих отношений к цезарю; в других вопросах я следовал своему собственному чувству долга. С кем, кроме меня, если не считать цезаря, вы зашли так далеко, что снова и снова посещали его дом и проводили там много часов, часто в самых восхитительных беседах? Именно тогда, если вы помните, вы убедили меня написать те мои философские эссе. После его возвращения какая цель была больше в ваших мыслях, чем сделать меня как можно более хорошим другом Цезаря? Этого вы достигли сразу.

"В чем же тогда смысл этой беседы, которая оказалась длиннее, чем я предполагал? В том-то и дело, что я был удивлен, что вы, кто должен был видеть эти вещи, поверили, что я предпринял какой-либо шаг, который не гармонирует с нашими дружескими отношениями, ибо помимо упомянутых мною фактов, которые являются бесспорными и самоочевидными фактами, существует множество более тесных дружеских уз, которые я едва ли могу выразить словами. Все в вас очаровывает меня, но больше всего, с одной стороны, ваша совершенная преданность в вопросах дружбы, ваша мудрость, достоинство, непоколебимость; с другой стороны, ваше остроумие, утонченность и литературные вкусы.

"Поэтому — теперь я возвращаюсь к жалобе — во-первых, я не думал, что вы голосовали за этот закон; во-вторых, если бы я так думал, я бы никогда не подумал, что вы сделали это без

какой-либо достаточной причины. Ваше положение делает заметным все, что вы делаете; более того, зависть выставляет некоторые ваши поступки в худшем свете, чем того требуют факты. Если вы не слышали этих слухов, я не знаю, что сказать. Что касается меня, то, если я когда-нибудь услышу их, я встану на вашу защиту, поскольку знаю, что *вы* всегда защищаете меня от моих.... хулителей. И моя защита следует двум линиям: есть некоторые вещи, которые я всегда *полностью* отрицаю, как, например, заявление относительно того самого голосования; есть другие ваши действия, которые, как я утверждаю, были продиктованы соображениями привязанности и доброты, как, например, ваши действия в отношении организации игр. Но от вас, при всей вашей мудрости, не ускользает, что, если бы цезарь был царем — а мне, во всяком случае, так кажется, — в отношении вашего долга можно было бы придерживаться двух позиций: либо той, которую я привык занимать, что вашу верность и дружбу к цезарю следует восхвалять, либо той, которой придерживаются некоторые люди, что свободу своего отечества следует ценить больше, чем жизнь своего друга. Я хотел бы, чтобы мои рассуждения, вытекающие из этих бесед, были повторены вам.

В самом деле, кто упоминает с большей радостью или чаще, чем я, два следующих факта, которые особенно к вашей чести? Тот факт, что вы были самым влиятельным противником Гражданской войны и что вы были самым ревностным защитником умеренности в момент победы, и в этом вопросе я не нашел никого, кто мог бы со мной не согласиться. Поэтому я благодарен нашему другу Требациусу за предоставленную мне возможность написать это письмо, и если оно вас не убедит, вы сочтете меня лишенным всякого чувства долга и доброты; и ничего более серьезного для меня, чем это, или более чуждого вашей натуре, произойти не может".

Во всей переписке Цицерона нет письма, написанного с большей силой и тонкостью чувств, ничего, лучше подходящего для достижения своей цели, чем это письмо Матию. Это произведение искусства; но в этом факте заключается его недостаток, и в этом отношении оно контрастирует с ответом, который оно вызвало у Матиуса, Ответ Матиуса стоит на одном уровне с другим более известным посланием, не относящимся к Цицерону, знаменитым письмом с соболезнованиями, которое Сервий написал Цицерону после смерти дочери Цицерона, Туллии; но оно прекраснее, поскольку, в то время как Сервий высокопарен и полон философских банальностей, Матиус, подобно шекспировскому Антонию, "говорит только правду", рассказывая Цицерону о своем горе по поводу смерти Цезаря, о своем возмущении нетерпимым отношением ассасинов и о своей решимости хранить память о Цезаре любой ценой. Вот его письмо:

*"Матий Цицерону, приветствие"*¹⁴⁶

"Я получил большое удовольствие от вашего письма, потому что увидел, что вы придерживаетесь такого мнения обо мне, какого я надеялся и желал, чтобы вы придерживались; и хотя в отношении этого мнения у меня не было никаких опасений, все же, поскольку я считал это делом величайшей важности, я хотел, чтобы оно оставалось неизменным. И тогда я сознавал, что не сделал ничего, что могло бы оскорбить добропорядочного гражданина; поэтому я был менее склонен верить, что на вас, наделенного столькими превосходными качествами, могли повлиять какие-то досужие слухи, тем более что моя дружба к вам была искренней и нерушимой. Поскольку я знаю, что дела обстоят в этом отношении так, как я хотел, чтобы они обстояли, я отвечаю на обвинения, которые вы часто опровергали в мою защиту, так, как можно было бы ожидать от присущей

вам доброты сердца и от нашей дружбы. Это правда, что то, что люди говорили против меня после смерти Цезаря, быломне известно. Они называют моим грехом то, что я скорблю о смерти дорогого мне человека, и потому что я скорблю о том, что того, кого я любил, больше нет, ибо они говорят, что "отечество должно быть выше дружбы", точно так же, как если бы они уже доказали, что его смерть послужила государству. Но я не буду прибегать к тонким уговорам. Признаюсь, я не достиг ваших высоких философских высот; ибо, с одной стороны, в Гражданской войне я следовал не за цезарем, а за другом, и хотя я был опечален положением вещей, все же я не покинул его; и, с другой стороны, я никогда не одобрял ни Гражданскую войну, ни даже причину раздора, которую я самым серьезным образом стремился погасить, когда она разгоралась. Поэтому в момент победы человека, связанного со мной самыми тесными узами, я не был пленен очарованием ни государственной должности, ни золота, в то время как другие его друзья, хотя и имели на него меньшее влияние, чем я, в немалой степени злоупотребляли этими наградами. Более того, даже мое собственное имущество пострадало из-за закона цезаря, благодаря которому многие, радующиеся смерти цезаря, остались в Риме. Я работал как для собственного блага, так и для того, чтобы пощадить покоренных граждан.

"Тогда не могу ли я, желавший всеобщего блага, возмущаться тем, что тот, от кого исходила эта милость, мертв? тем более что те самые люди, которые были прощены, принесли ему и непопулярность, и смерть. Тогда вы будете наказаны, говорят они, "раз вы осмелились не одобрять наш поступок". Неслыханная самонадеянность, что одни люди гордятся своим преступлением, а другие могут даже не сожалеть о нем, не понеся наказания! Но это всегда было неоспоримым правом, даже рабов, бояться, радоваться, горевать в соответствии с диктатом их собственных чувств, а не по указке другого человека; этих прав, как обстоят дела сейчас, если судить по тому, что продолжают говорить эти поборники свободы, они пытаются лишить нас путем запугивания; но их усилия бесполезны. Ужас какой-либо опасности никогда не заставит меня свернуть с пути долга или с притязаний на дружбу, ибо я никогда не думал, что человек должен уклоняться от почетной смерти; более того, я часто думал, что он должен искать ее. Но почему они сердятся на меня, если я хочу, чтобы они раскаялись в своем поступке? ибо я желаю, чтобы смерть цезаря была горькой для всех людей.

"Но я должен как гражданин желать благополучиягосударству". Если только моя прошлая жизнь и мои надежды на будущее без слов с моей стороны не докажут, что я желаю именно этого, я не стремлюсь подтвердить этот факт словами. Поэтому я еще более убедительно прошу вас относиться к делам больше, чем к словам, и верить, если вы чувствуете, что это хорошо для торжества права, что я не могу иметь сношений с бесчестными людьми. Ибо должен ли я теперь, на склоне лет, изменить тот образ действий, которого придерживался в юности, когда я, возможно, даже сбился с пути в надежде на снисхождение, и должен ли я перечеркнуть дело своей жизни? Я не буду этого делать. И все же я не сделаю ни одного шага, который может быть неприятен кому-либо, кроме как для того, чтобы скорбеть о жестокой судьбе одного из самых близких мне людей, того, кто был самым прославленным человеком. Но если бы я был настроен иначе, я бы никогда не отрицал того, что я делаю, чтобы меня не сочли бесстыдником, поступающим неправильно, трусом и лицемером, скрывающим это.

- "И все же за играми, которые юный цезарь давал в память о победе цезаря, я наблюдал". Но это имеет отношение к моему личному долгу, а не к состоянию государства; долг,

однако, которым я был обязан памяти и выдающемуся положению дорогого друга, даже несмотря на то, что он был мертв, долг, от которого я не мог отказаться, когда об этом попросил молодой человек, подававший самые большие надежды и наиболее достойный цезаря. "Я даже часто ходил в дом консула Антония, чтобы засвидетельствовать свое почтение!" Вы увидите, что те, кто думает, что мне не хватает преданности своей стране, продолжали приходить толпами, чтобы попросить о какой-нибудь услуге или получить какую-нибудь награду. Но что за высокомерие в том, что, хотя цезарь никогда не мешал мне поддерживать дружбу с людьми, которые мне нравились, даже когда они не нравились ему самому, эти люди, отнявшие у меня друга, пытаются своей клеветой помешать мне любить тех, кого я хочу.

Но я не боюсь, что умеренность в моей жизни может оказаться слишком слабой, чтобы противостоять ложным слухам, или что даже те, кто не любит меня из-за моей преданности цезарю, могут предпочесть иметь таких друзей, как я, а не таких, как они сами. Что касается меня самого, то, если такова будет моя судьба, то оставшуюся мне жизнь я проведу в уединении на Родосе; но если этому помешают какие-нибудь неблагоприятные обстоятельства, я буду жить в Риме так, чтобы всегда желать, чтобы все было правильно. Я сердечно благодарю нашего друга Требатия за то, что он раскрыл твои искренние и дружеские чувства ко мне и показал мне, что того, кого я всегда любил по своей собственной воле, я должен с большим основанием уважать. Bene vale et me dilige."

На этих словах наши знания о Матиусе подходят к концу. Его жизнь продлилась до имперского периода, и, как ни странно, в одном из немногих упоминаний о нем, которые мы находим позже, он характеризуется как "друг Августа" (*divi Augusti amicus*). Похоже, что привязанность, которую он испытывал к цезарю, он перенес на наследника цезаря. У него до сих пор нет ни должности, ни титула. В этой связи интересно вспомнить тот факт, что мы обязаны ему лучшими философскими работами Цицерона, "Академиками", "De Finibus" и "Тускуланскими вопросами", поскольку Цицерон сообщает нам в своем письме, что Матий побудил его написать свои трактаты по философии. Приятно думать, что ему мы, возможно, также обязаны очаровательным эссе Цицерона "О дружбе". Можно думать, что более поздняя жизнь Матия, тогда, была проведена в уединении, в изучении философии и занятиях литературой. Его литературные занятия придают его характеру домашний и не неприятный оттенок. Они были связаны с гастрономией, поскольку Колумелла в первом веке нашей эры сообщает нам,¹⁴⁷ что Матиус написал три книги с названиями "Повар", "Дворецкий" и "Маринователь", и его имя было передано более позднему поколению в виде блюда, известного как "фарш по-Матиусски" (*minutal Matianum*).¹⁴⁸ Он сошел со страниц истории в трудах Плиния Старшего как человек, который "изобрел практику подстригания кустарников".¹⁴⁹ Таким образом, ему мы, возможно, обязаны геометрическими фигурами и формами птиц и зверей, которые принимают кустарники в современном английском саду. Таким образом, память о нем всегда остается зеленой, независимо от того, делает ли это ему честь или нет, решать читателю.

Сноски

1. Cf. A. Ernout, *Le Parler de Préneste*, Paris, 1905.
2. Связь между латынью и итальянскими диалектами может быть проиллюстрирована одной-двумя выдержками из них с переводом на латынь. Умбрийский образец может быть взят с одной из бронзовых табличек, найденных в Игувиуме, которая гласит по-умбрийски: *Di Grabouie, saluo seritu ocrem Fisim, saluam seritu totam liouinam* (Игувинские таблицы VI, а. 51), а по-латыни: *Deus Grabovi, salvam servato arcem Fisiam, salvam servato civitatem liguinam*. Немного Оскана из *Tabula Bantina* (табл. Bant. 2, 11) reads: *suaepis contrud exeic fefacust auti comono hipust, molto etanto estud*, and in Latin: *siquis contra hoc fecerit aut comitia habuerit, multa tanta esto*.
3. Латинский корпус надписей, IX, 782, представляет собой соответствующий пример.
4. Cf. G. Mohl, *Introduction à la chronologie du Latin vulgaire*, Paris, 1899.
5. Паули-Виссова, *Настоящая энциклопедия*, IV, 1179 и далее.
6. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung*, II, p. 463.
7. Cf., e.g., Pirson, *La langue des inscriptions Latines de la Gaule*, Bruxelles, 1901; Carnoy, *Le Latin d'Espagne d'après les inscriptions*, Bruxelles, 1906; Hoffmann, *De titulis Africæ Latinis quæstiones phoneticæ*, 1907; Kuebler, *Die lateinische Sprache auf afrikanischen Inschriften* (*Arch. für lat. Lex.*, том ii. VIII), и Мартин, *Заметки о синтаксисе латинских надписей, найденных в Испании*, Балтимор, 1909.
8. Cf. L. Hahn, *Rom und Romanismus im griechisch-römischen Osten* (esp. pp. 222-268), Leipzig, 1906.
9. Труды Американской филологической ассоциации, XXIX (1898), стр. 31-47. Для другой теории результатов языкового конфликта, ср. Гребер, *Основы романической филологии*, I, стр. 516, 517.
10. Очень интересный очерк истории латинского языка в этом регионе можно увидеть в "Истории румынского языка" Овидия Денсусиану, Париж, 1902.
11. Горра, *Неолатинский язык*, стр. 66-68.
12. Gröber, *Grundriss der romanischen Philologie*, pp. 517 and 524.
13. Cf. Gröber in *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*, I, p. 210 ff.
14. *Является ли преподавание современного языка неудачным?* Чикаго, 1907.
15. Ср. Эбботт, *История Рима*, стр. 246-249.
16. Schuchardt, *Vokalismus des Vulgärlateins*, I, 103 ff.
17. Cf. Gröber, *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*, I, 45.
18. Thielmann, *Archiv*, II, 48 ff.; 157 ff.
19. Из "Законов двенадцати таблиц" пятого века до н.э. См. Bruns, *Fontes iuris Romani antiqui*, шестое издание, стр. 31.

20. Пробное приложение, в "Латинской грамматике" Кейла, IV, 197 и далее.

21. "Акцент в вульгарной и формальной латыни", в *Классической филологии*, II (1907), 445 и далее.

22. Bücheler, *Carmina Latina epigraphica*, No. 53. Оригиналы всех стихотворных отрывков, переведенных в этой статье, можно найти в сборнике, название которого приведено здесь. В дальнейшем ссылки на эту работу будут даваться только по номеру.

23. № 443.

24. № 92.

25. № 128.

26. № 127.

27. № 876.

28. № 1414.

29. № 765.

30. № 843.

31. № 95.

32. № 1578.

33. Номера 1192 и 1472.

34. № 1037.

35. № 1039.

36. G. W. Van Bleek, *Quae de hominum post mortem eondicione doceant carmina sepulcralia Latina*.

37. № 1495.

38. № 1496.

39. № 86.

40. № 1465.

41. № 1143.

42. № 1559.

43. № 1433.

44. № 225.

45. № 143.

46. № 83.

47. № 1500.
48. № 190.
49. № 244.
50. № 1499.
51. № 856.
52. Общество и политика в Древнем Риме, стр. 183.
53. № 562.
54. № 52.
55. № 1251.
56. № 106.
57. № 967.
58. № 152.
59. № 1042.
60. № 1064.
61. № 98.
62. Bücheler, *Carmina Latino epigraphica*, No. 899.
63. № 19.
64. № 866.
65. № 863.
66. № 937.
67. № 949.
68. № 943.
69. № 945.
70. № 354.
71. *Corpus Inscriptionum Latinarum*, IV, 6892.
72. Bücheler, No. 928.
73. № 333.
74. № 931.
75. № 933.

76. № 38.

77. № 270.

78. Habeat scabiem quisquis ad me venerit novissimus.

79. Rex erit qui recte faciet, qui non faciet non erit.

80.

Gallos Cæsar in triumphum ducit, idem in curiam;

Galli bracas deposuerunt, latum clavom sumpserunt.

81.

Brutus quia reges eiecit, consul primus factus est;

Hic quia consoles eiecit, rex postremo factus est.

82. Salva Roma, salva patria, salvus est Germanicus.

83. Ср. Шмид, "Древнеримская история", *Neue Jahrb.*, Bd XIII (1904), 465-85; Вилькен, в *Hermes*, XXVIII, 161 след., и в архиве Ф. *Papyrusforschung*, I, 255 след.; Гренфелл-Хант, *Файюмские города и их папирусы* (1900), 75 след., и *История филологии*, XXIII, I и далее.

84. Some of the important late discussions of the Milesian tale are by Bürger, *Hermes* (1892), 351 ff.; Norden, *Die antike Kunstprosa*, II, 602, 604, n.; Rohde, *Kleine Schriften*, II, 25 ff.; Bürger, *Studien zur Geschichte d. griech. Romans*, I (*Programm von Blankenburg a. H.*, 1902); W. Schmid, *Neue Jahrb. f. d. klass. Alt.* (1904), 474 ff.; Lucas, "Zu den Milesiaca des Aristides," *Philologus*, 61 (1907), 16 ff.

85. О происхождении *просиметры* см. Hirzel, *Der Dialog*, 381 ff.; Norden, *Die antike Kunstprosa*, 755.

86. Cf. Rosenbluth, *Beiträge zur Quellenkunde von Petrons Satiren*. Berlin, 1909.

87. Эта теория в основном предложена Роде, *Der griechische Roman*, 2-е изд., 267 (Лейпциг, 1900), и Рибекком, *Книга д. Рема. Dichtung*, 2d ed., III, 150.

88. *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vol. III, стр. 1926-1953. Текст Моммзена с комментарием был опубликован Х. Блюмнером в "Максимальном тарифе Диоклетиана", Берлин, 1893. Краткое описание эдикта можно найти в *Настоящей энциклопедии Паули-Виссова* "Классицистический альтернативизм", в разделе "Эдикт Диоклетиана", и K. Bücher has discussed some points in it in the *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, vol. L (1894), pp. 189-219 and 672-717.

89. Способ расстановки может быть проиллюстрирован выдержкой из первой таблицы, которая касается зерна и овощей.

90. Текущие цены, приведенные в третьей колонке этих двух таблиц, взяты из Бюллетеня № 77 Бюро труда, а также из отчетов большинства и меньшинства Специального комитета Сената США по "Заработной плате и ценам на сырьевые товары" (Отчет № 912, Документы № 421 и 477). При указании числа, представляющего текущую цену товара, естественно, необходимо было

получить приблизительное среднее значение ставок, взимаемых в разных частях страны. В бюллетене № 77, например, указаны розничные цены на сливочное масло в 226 магазинах в 68 разных городах, расположенных в 39 разных штатах. В какой-то момент в Иллинойсе цена, указанная в 1906 году, составляла 22 цента, в то время как в какой-то момент в Пенсильвании сообщалось о 36 центах, но преобладающая цена по всей стране колебалась от 26 до 32, так что эти цифры были приведены в таблице. Аналогичный метод был применен и к другим продуктам. Особая сложность возникает в случае с говядиной, где цена варьируется в зависимости от среза. Цена на пшеницу не указана в дошедшем до нас фрагменте эдикта, но была рассчитана Блюмнером на основе высказываний древних авторов. Что касается заработной платы древнего и современного рабочего, то мы должны помнить, что римский рабочий во многих случаях получал "удержание" от своего работодателя. Вероятно, к его дневному заработку следует прибавить от одной трети до трех седьмых, чтобы покрыть эту статью. Статистика, опубликованная Министерством сельского хозяйства, показывает, что средняя заработная плата американских сельскохозяйственных рабочих в месяц в течение 1910 года составляла 27,50 долларов без учета питания и 19,21 доллара с питанием. Таким образом, плата за питание составляет три седьмых от суммы, выплачиваемой рабочему, когда он сам себя содержит. При попытке сравнения следует иметь в виду еще одно различие между древними и современными условиями труда. У нас нет возможности узнать продолжительность римского рабочего дня. Однако, вероятно, это было намного дольше, чем наш современный рабочий день, который для удобства оценивается в восемь часов.

91. Оптовая цена в 1909 году.

92. Также получает "сохранить".

93. Предполагается восьмичасовой рабочий день.

94. *Ср.* Отчет Комиссара труда, стр. 622-625. В Англии между одной третью и одной четвертой; *ср.* Бюллетень, № 77, стр. 345.

95. *Corpus Inscriptionum Latinarum*, II, 5489.

96. Wilmanns, *Exempla Inscriptionum Latinarum*, 1772.

97. *Там же.*, 2037.

98. *Там же.*, 1859.

99. *Там же.*, 2054.

100. *Там же.*, 2099.

101. 23:48 *по см.*

102. *Cic., ad Att.*, 5.21. 10-13; 6.1. 5-7; 6.2.7; 6.3.5.

103. 6.17.

104. *Captivi*, 489 *ff.*

105. *Ливий*, 38. 35.

106. Plautus, *Pseudolus*, 189.

107. Некоторые из наиболее важных дискуссий о рабочих гильдиях среди римлян можно найти в "Историческом этюде о профессиональных корпорациях римлян" Вальцинга, 3 тома., Лувен, 1895-9; "История и организация римских верейнсвесен" Либенама, Лейпциг, 1890; "История Верейнсвесен" Зибарта, Лейпциг, 1896, стр. 96-110; Статья Корнеманна "Коллегия" в *Настоящей энциклопедии Паули-Виссовой*. Другая литература цитируется в Waltzing, I, стр. 17-30, и в Kornemann, IV, столбцы 479-480.

108. *Латинский корпус надписей*, XI, 5047.

109. *Там же.*, V, 7906.

110. *Там же.*, III, стр. 953.

111. *Ibid.*, VIII, 14683.

112. *Там же.*, III, 3583.

113. *Там же.*, XIV, 2112.

114. *Там же.*, XIV, 326.

115. *Например*, Клодий и Милон.

116. Лукан, 4. 814 и далее; Веллей, 2. 48; Плиний, *Нац. История.*, 7. 116 и далее.

117. Цицерон, Брут, 122, 210, 214.

118. *Там же.*, 280.

119. Цицерон, *Послание. ad Fam.*, 2. 1.

120. Цицерон, *Фил.*, 2. 45 ф.

121. Цицерон, *ad Att.*, 1. 14. 5.

122. *Там же.*, 1. 14. 5.

123. *Там же.*, 2. 12. 2.

124. *Там же.*, 2.7.3; 2.8.1; 2.12.2.

125. *Сет.*, *Юлий*, 52.

126. *Ad Att.*, 2. 19. 3.

127. *Ad fam.*, 2.4.

128. *Там же.*, 2.6.

129. *Там же.*, 8. 4. 2.

130. Рассказ Диона (40. 61) о курсе Куриона, по-видимому, согласуется с этой интерпретацией.

131. "Цицерон, *ad fam.*, 8.10.4.
132. "Гражданские войны Аппиана" Уайта, 2.27.
133. Цицерон, *ad fam.*, 8.6.5.
134. Valerius Maximus, 9.1.6.
135. Велл. Пат., 2.48.
136. Гражданские войны, 2.30.
137. *Ad Att.*, 6.9.4.
138. Гражданские войны Аппиана, 2.31.
139. Velleius Paterculus, 2.48.
140. Цезарь, Гражданская война, 1. 12.
141. *Там же.*, 1.182
142. *Там же.*, 2.23.
143. *Там же.*, 2.42.
144. *Фарсалия*, 4. 807-824.
145. Cicero, *Epistulæ ad familiares*, 11.27.
146. Цицерон, *Послание. ad fam.*, 11.28.
147. 12.46.1.
148. Apicius, 4.174.
149. *Naturalis Historia*, 12.13.